

ММА

МОСКОВСКАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ
АКАДЕМИЯ

Образовательное частное учреждение высшего образования
«МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»
ИНСТИТУТ ПРАКТИЧЕСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Научные труды
Института практического востоковедения

Материалы студенческих научных конференций

Выпуск 7

Москва
2018

ББК 94; 327

УДК 63.3(2/8); 66.2 (4/8)

С - 23

Редакционная коллегия:

А.Л. Федорин – председатель

Г.В. Лукьянов – редактор-составитель

Д.В. Микульский – ответственный за выпуск

С-23 Научные труды Института практического востоковедения. Материалы студенческих научных конференций. Выпуск 7 / Под ред. Г.В. Лукьянова, Д.В. Микульского. М.: ОЧУ ВО ММА, 2018. – 236 с.

В сборнике представлены статьи, подготовленные на основе лучших докладов молодых ученых и студентов, прочитанных на традиционных научно-практических конференциях по востоковедению (XI сессия Меликсетовских чтений и очередная ежегодная международная конференция вьетнамистов), проведенных Институтом практического востоковедения (факультет ОЧУ ВО «Московская международная академия») в 2017 г. Статьи посвящены истории и современной ситуации в странах Востока, а также культуре и традициям этих государств.

Сборник предназначен для широкого круга читателей, интересующихся Востоком.

ISBN 978-5-904360-65-8

© Коллектив авторов, 2018

© ОЧУ ВО «Московская
международная академия», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (Д.В. Микульский)	5
Владимирова А.В. Применение сетевого анализа при изучении мягкой силы государств-членов Организации Объединенных Наций.....	7
Динь Ле Хонг Занг. Формат стратегического партнерства во внешней политике Вьетнама.....	15
Ибрагимов И.Э. «Соколы свободы Курдистана»: идейная основа и деятельность.....	23
Красин А.А. Пакистанская рабочая партия «Авами»: взгляд сквозь призму теории транзита.....	36
Лукина А.А. Мотив встречи с божеством, принесенным водой, в сборнике рассказов XVIII века «Записи об увиденном и услышанном» Ву Чиня.....	44
Манафова А.Д., Орлов И.А. Влияние нефтяного фактора на интеграционные процессы внутри Ливии.....	55
Матросов В.А. Факторы упадка миллетной системы в Османской империи.....	70
Мошкова Т.А. Русскоязычная община как автономное образование внутри израильского общества.....	81
Мусихин А.Е. Роль шиитских нерегулярных вооруженных формирований в политическом процессе постсаддамовского Ирака.....	93
Наджаров А. Французский фактор в ливийском конфликте..	103
Нгуен Тхи Тхао Ань, Голиков И.В. Значение визита президента Чан Дай Куанга в Москву с 23 июня по 1 июля 2017 г. в контексте развития всеобъемлющего стратегического партнерства России и Вьетнама.....	116
Пичугин П.В. «Братья-мусульмане» на политической арене Египта с 1990-х гг. до 2011 г.	129
Савельева Д.И. Философские мотивы в современной поэзии Эфиопии.....	144
Светличный В.А. Интеграционные проекты как инструмент внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии: введение в проблему.....	154

Севодняева Т.И. Положение женщины в Бухаре XIX века.....	168
Симонова А.И. Современное состояние семьи в Китае: развитие и прогноз семейных отношений.....	174
Скосырев В.А. Фан Нин о демократии с китайской спецификой.....	183
Трофимова Е.А. «Хваран Сеги» (VIII в.): правда или вымысел?	193
Умарова Т.А. Перспективы урегулирования территориальных споров в Южно-Китайском море.....	203
Шахигулин А.С. Великий вьетнамский полководец Чан Хынг Дао во вьетнамской литературе.....	216

Предисловие

Уже стало давнишней доброй традицией выпускать сборники статей молодых исследователей стран Востока по итогам ежегодных научно-практических конференций, которые проводятся факультетом «Институт практического востоковедения» Московской международной академии. Так получилось и на этот раз. Вниманию читателя предлагается книга, составленная трудами молодого поколения востоковедов, которое трудится (и учится) под сенью и ИПВ ММА, и Высшей школы экономики, и Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, и других уважаемых нами учебных и научных заведений.

Традиционен и охват восточных стран – от Дальнего Востока до Ближнего. В соответствии с основами отечественной науки о Востоке, в рамки наших публикаций попали статьи, где рассматриваются проблемы стран Центральной Азии (в отечественной науке XIX – XX вв. этот жизненно важный для России регион было принято называть Средней Азией). В нашем сборнике имеются и труды, посвященные общим проблемам международных отношений, актуальным как для Востока, так и для Запада.

В нынешнем сборнике преобладают статьи политологического характера (то есть такие, которые трактуют вопросы современного политического развития стран Востока). Весьма часто наши авторы показывают, что политика оказывается тесно связанной с экономикой. Однако и современная духовная жизнь также не подвергается забвению.

Ряд наших авторов отдает должное традиционным для востоковедной науки темам, рассказывая о важных аспектах восточных обществ и культур древности, средневековья и начала Нового времени. Такие работы чрезвычайно важны в двух аспектах. Во-первых, они свидетельствуют о сохранении традиционного востоковедного цикла. Во-вторых, для понимания Востока, где традиции в культуре и общественных отношениях весьма устойчивы, рассмотрение подобных тем имеет не только сугубо познавательное, но и актуальное, насущное значение.

Так что пока живо человечество, поделенное на Восток и Запад, участники наших конференций или иных подобных молодежных научных форумов будут находить самое широкое поле для творческой деятельности.

Доктор исторических наук

Д.В. Микульский

ПРИМЕНЕНИЕ СЕТЕВОГО АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ МЯГКОЙ СИЛЫ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ

Владиминова А.В.

Аннотация: Тема эмпирических исследований «мягкой силы» становится все более популярной среди ученых и политиков, однако соответствующих индексов, создаваемых консалтинговыми агентствами, оказывается недостаточно для анализа, отчасти и потому, что основное внимание в них уделяется странам, которые имеют значительные ресурсы политической власти. Тем, видимо, эти исследования способствуют распространению ошибочного мнения, будто государствам, не обладающим жесткой силой, недоступна и мягкая сила. В предлагаемой работе продолжены изыскания в области построения индекса использования мягкой силы в контексте Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ООН). Сравниваются возможности получения результатов с помощью линейной регрессии и сетевого анализа, чтобы в итоге продемонстрировать, что у стран Азии, которым еще только предстоит развиться в полноценные центры силы, есть возможность использовать нематериальные ресурсы при достижении своих целей в международных организациях.

Ключевые слова: эмпирические исследования, политическая власть, страны Азии, резолюции Генеральной Ассамблеи, Организация Объединенных Наций, индекс мягкой силы, количественные методы, спонсоры резолюций

SOFT POWER OF THE UNITED NATIONS MEMBER STATES: NETWORK ANALYSIS APPROACH

Alina V. Vladimirova

Abstract: Issues connected to empirical analysis of soft power are attracting more attention on the part of scholars and politicians, seems, that soft power indexes, created by consulting agencies, are not

sufficient for high-quality analytics, partially because these reports often put emphasis on states possessing significant political power resources. Probably it could even lead to the spread of the misperception, that countries not possessing significant hard power resources are unable to accumulate enough soft power to implement it as a foreign policy tool. This paper presents further developments in construction of soft power index of the United Nations member states. We compare results of our previous linear regression model with a new network model and aim to demonstrate, that Asian countries can use soft power to secure their goals in the United Nations even if their hard power is relatively small.

Keywords: quantitative methods, political power, empirical analysis, Asian countries, General Assembly resolutions, United Nations, soft power index, resolutions sponsors

Возможно ли для страны с относительно небольшой жесткой силой эффективно аккумулировать и использовать силу мягкую? Большинство специалистов по исследованиям политической власти убеждено, что это невозможно [Фан 2008: 152], так как материальные и нематериальные ресурсы, необходимые для ее аккумуляции, зависят друг от друга, поэтому у государства должна быть, как минимум, сильная экономика. Однако, если это предположение верно, то в настоящее время существенное количество стран оказывается не способно заметно влиять на систему международных отношений. Кроме того, логичным следствием будет рекомендация малым и развивающимся странам, которые хотят быть полноценными политическими акторами, инвестировать в жесткую силу, в первую очередь, – в армию. Именно так поступает Северная Корея, чье руководство рассматривает ядерную программу как «ключ к обеспечению уважения» со стороны других государств [By the Rockets' Red Glare].

Действительно, как заметил в своем анализе этой ситуации Дж. Най, руководству Северной Кореи в некотором роде даже удалось «похитить внешнюю политику» своего гораздо более могущественного соседа («hijacked our foreign policy»), поскольку падение режима Кимов не в интересах Китая [Nye]. Но вопрос о том, куда стратегия опоры на жесткую силу приведет КНДР, особенно после прихода к власти в США Д. Трампа, остается открытым. Использование политиками насилия и угроз, потому

что они не видят иных источников силы или не верят в них, – это проблема на пути развития человеческого общества, и необходимо минимизировать возможность такого выбора. Но как убедительно продемонстрировать действенность ненасильственных форм в международных отношениях?

Популярный при создании отчетов по публичной дипломатии метод «анализа прецедента», подразумевающий рассмотрение конкретной ситуации или группы стран, несомненно хорош, но для политиков абсолютная сила государства сама по себе не столь важна, для них она обретает смысл только в сравнении с силой других акторов международных отношений. Очевидно, могли бы помочь индексы мягкой силы. Но, к сожалению, специализированные индексы включают в себя относительно небольшое число стран, три-четыре десятка, и, конечно, почти все они – мировые лидеры. Это происходит не потому, что авторы индексов не могут исследовать все страны. Гипотетически могут. Но на практике это будет нерациональным решением. Анализ мягкой силы сложен, а исследования эти проводятся консалтинговыми агентствами. Нерентабельно изучать страны, которые не смогут оплатить ни отчет, ни услуги по улучшению имиджа. Крайне странно было бы обвинять коммерческую структуру в том, что она не тратит деньги и время на не окупаемый проект. К тому же чаще всего созданные индексы изучают ресурсы, а не результат, который был бы значим для политиков. Популярность страны, которую часто используют как синоним мягкой силы, тоже лишь ее ресурс, который не ведет автоматически к легкому достижению политических целей.

Поэтому имеет смысл подумать, в какой ситуации большое количество стран сходится в борьбе за обеспечение своих национальных интересов, а затем посмотреть, кто становится победителем и с каким результатом. Данные, отвечающие заданным условиям, в настоящее время становятся все более доступными в связи с публикацией, причем часто в открытом доступе, материалов о деятельности международных организаций. Поскольку исследовательская сторона этой работы требует включить в анализ максимально возможное число стран, то логично обратить внимание на Организацию Объединенных Наций, а точнее – на голосование по резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН. Используемые

данные были скачаны совместно с И. Захлебиным, который очень помог при их первоначальном сборе, с сайта электронного каталога информационно-библиографической системы ООН «ЮНБИСНЕТ» [ЮНБИСНЕТ] и обработаны в статистическом пакете R. Хорошо также то, что, помимо новых данных, теперь стали доступны и различные методы создания индексов.

Например, в предыдущей статье автора [Владими́рова 2016], посвященной анализу мягкой силы государств-членов ООН, был представлен относительно простой алгоритм создания индекса. Он строится на обоснованных предположениях, что можно определить зависимую переменную как количество голосов, отданных в поддержку резолюции, а затем, используя линейную регрессию, очистить этот показатель от влияния таких независимых переменных, как тип спонсора, год резолюции и комитет, который разработал ее проект. Полученный таким образом индикатор отразит национальную силу государства. Затем мы так же исключаем жесткую силу, взяв как надежный и релевантный показатель данные SIPRI по военным расходам [SIPRI Military Expenditure Database]. Согласно теории Дж. Ная, которая лежит в основе этого эмпирического исследования, индекс в результате будет показывать только мягкую силу государства. Модель остается высоко статистически значимой при выполнении всех указанных операций.

Однако останавливаться на данном методе нецелесообразно, ведь у него есть ряд недостатков. Если по поводу релевантности этого индекса и его интерпретаций можно долго дискутировать, выдвигая аргументы «за» и «против», то факт потери значительной части базы данных сомнений не вызывает. Обратимся к методам сетевого анализа, так как данные по резолюциям легко представить в виде бимодальной сети государств и спонсируемых ими резолюций (рис. 1). Проблема идентификации наиболее влиятельного узла – это уже достаточно привычная задача в области анализа сетевых структур. Даже если использовать простейший подход и трансформировать эту сеть в одномодальную взвешенную сеть государств, а затем подсчитать центральность как силу (здесь имеется в виду именно тип центральности «strength»), мы получим лучшие результаты, чем дает регрессионный анализ, и для большего количества стран, чем все известные нам индексы мягкой силы (табл. 1).

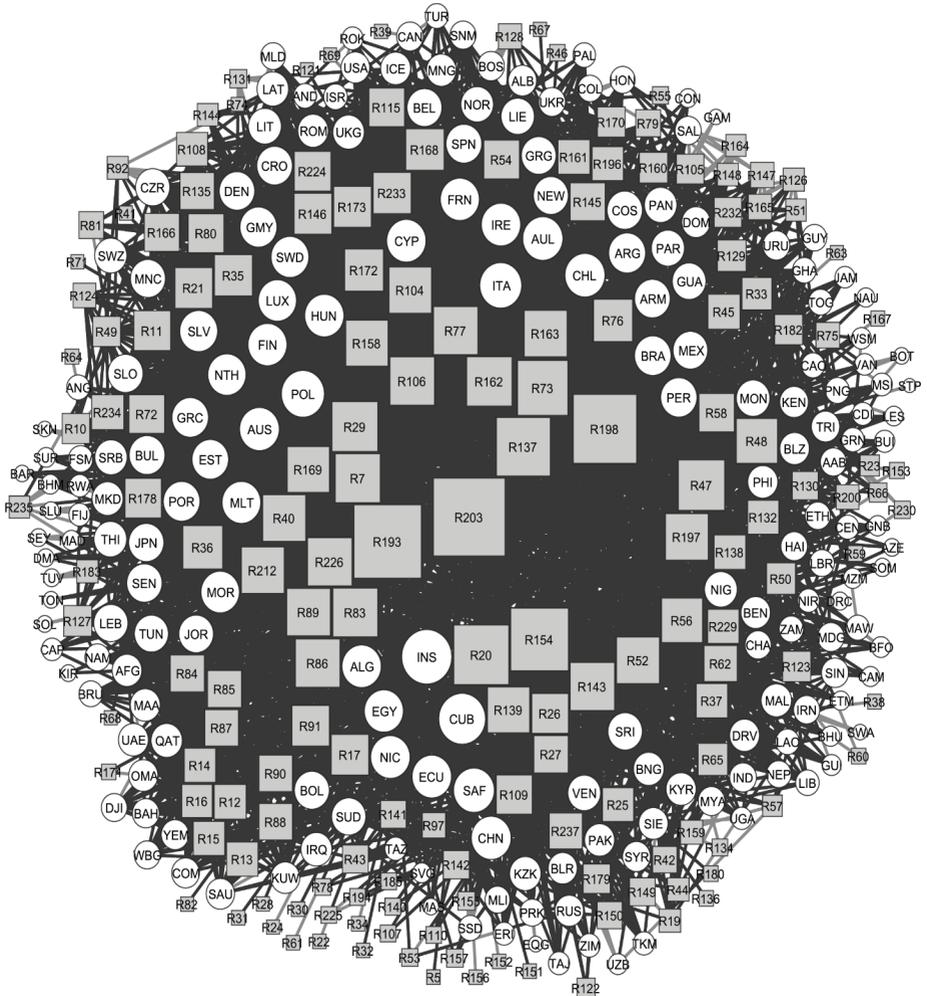

Рисунок 1. Бимодальная сеть резолюций Генеральной Ассамблеи ООН 2015 г. и государств, выступивших спонсорами

Таблица 1. Сравнение полученных показателей для государств-членов ООН с популярными индексами, используемыми в изучении мягкой силы

Страна	Мягкая сила в ООН (2015) Сетевой анализ		Мягкая сила в ООН (2001-2015) Регрессия		Центральность государств в сети спонсоров резолюций (2015)		Военные расходы как доля от ВВП (2015) SIPRI		Мягкая сила 30 (2015)	Опрос журнала Монокль (2014)	Мягкое присутствие (2014) Elcano	Национальные бренды (2014) Brand Finance
	Значение	Ранг	Значение	Ранг	Значение	Ранг	Значение	Ранг	Ранг	Ранг	Ранг	Ранг
Всего стран	137		62		146		143		30	30	80	100
Австралия	803,8	21	0,1	22	1946	22	1,9	48,5	6	6	11	9
Чили	787,8	22	0,1	14	1930	23	1,9	48,5				37
Словакия	786,6	23			1969	20	1,1	97				
Дания	706,7	24			1884	25	1,2	86,5				
Бельгия	694,6	25	0,1	24,5	1887	24	0,9	113	17	18	20	24
Марокко	618,0	26	0,0	43	1695	30	3,2	23,5				64
Индонезия	569,6	27	-0,1	50	1762	26	0,9	113				28
Чехия	565,6	28			1753	27	1	106,5				
Литва	537,6	29			1720	28	1,1	97				
Грузия	519,8	30	-0,4	62	1637	33	2,4	32				91
Великобритания	502,8	31			1640	32	2	43,5				
Сербия	467,8	32	-0,3	60	1605	35	2	43,5				74
Эквадор	466,9	33	0,0	48	1569	37	2,7	27				66
Никарагуа	440,6	34			1648	31	0,6	127,5				
Латвия	438,6	35			1626	34	1	106,5				
Румыния	410,7	36	0,2	6	1578	36	1,4	73,5				48
Ливан	392,1	37			1424	47	4,1	13				
Аргентина	371,7	38	0,0	38	1549	39	1,2	86,5		30		33
Япония	368,6	39	0,0	34	1556	38	1	106,5	8	4	5	5
Алжир	354,4	40	0,1	17	1281	57	6,2	5				56
Черногория	322,7	41			1480	44	1,6	61				
Новая Зеландия	316,7	42			1494	41	1,2	86,5				

При этом главное преимущество такого подхода состоит в том, что подсчет можно проводить для данных одного года или одной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, не агрегируя данные разных лет, как того требует регрессионный анализ. Это гораздо лучше соответствует теории «мягкой силы», так как имидж государства и другие подобные нематериальные ресурсы могут в отдельных случаях накапливаться и теряться очень быстро. В августе 2008 г. так было с Россией, а сейчас с Филиппинами, когда мы наблюдаем крайне интересный процесс роста внимания к ним, связанный во многом с неоднозначной личностью президента Родриго Дутерте.

Еще одним серьезным преимуществом второго подхода является возможность развивать индекс, используя новые методы сетевого анализа. В социально-политических науках уже разработан инструментарий для подобных исследовательских вопросов, так как борьба за власть – это одна из основных характеристик политической сферы. Например, на уровне государства по результатам выборов оцениваются отдельные политики, партии и

правительства. Из представленных альтернатив на данный момент наиболее перспективным видится подход К. Шнакенберг и Е. Пенн [Schnakenberg, Penn 2014], особенно учитывая, что данные по спонсорам резолюций удовлетворяют требованиям попарной сравнимости. К тому же, эта работа является хорошим примером того, как от простого расчета центральных [Patty, Penn, Schnakenberg 2013] можно перейти к продвинутому методу оценки результатов «политических соревнований».

Совершенно очевидно, что есть несколько возможных направлений развития индекса мягкой силы государств-членов ООН, но, учитывая сложности использования концепта «мягкой силы» в эмпирических исследованиях, выбирать следует осторожно. К сожалению, слишком часто стремление к построению моделей оборачивается либо излишней математизацией, либо примитивизацией, которые вызывают обоснованную критику количественных методов представителями гуманитарных наук [Мазур 2011: 144]. Индекс мягкой силы должен быть понятен людям без специального математического образования, потому что его целевой аудиторией являются политики. Необходимо соблюсти баланс. Ведь от того, насколько индекс и логика его построения будут ясны, зависит, удастся ли нам показать, что ненасильственные методы могут быть эффективны и что мягкая сила доступна тем, у кого значительных материальных ресурсов нет.

Литература

Fan Y. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. Vol. 4. No. 2. P. 147–158.

By the Rockets' Red Glare // The Economist [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economist.com/news/briefing/21699449-kim-jong-un-home-straight-making-his-country-serious-nuclear-power-nobody-knows> (дата обращения: 05.06.2016).

Nye J.S. North Korea's Powerful Weakness // Project Syndicate [Электронный ресурс]. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/north-korea-s-influence-over-china-by-joseph-s--nye> (дата обращения: 28.05.2016).

ЮНБИСНЕТ – Информационно-библиографическая система ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://unbisnet.un.org/indexr.htm> (дата обращения: 17.05.2016).

Владимирова А.В. Страны Азии и Африки в Организации Объединенных Наций: Анализ использования мягкой силы // *Мировая политика*. 2016. № 3. С. 1–13.

SIPRI Military Expenditure Database // Stockholm International Peace Research Institute [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (дата обращения: 03.06.2016).

Schnakenberg K.E., Penn E.M. Scoring from Contests. // *Political Analysis*. 2014. Vol. 22. No. 1. P. 86–114.

Patty J.W., Penn E.M., Schnakenberg K.E. Measuring the Latent Quality of Precedent: Scoring Vertices in a Network. // *Advances in Political Economy*. / Eds. N. Schofield, G. Caballero, and D. Kselman. Berlin Heidelberg: Springer, 2013. P. 249–262.

Мазур Л.Н. Исторические модели: виды, возможности и ограничения // *Российская история*. 2011. № 2. С. 142–149.

ФОРМАТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ВЬЕТНАМА

Динь Ле Хонг Занг

Аннотация: Целью исследования является анализ состояния и перспективы внешних отношений Социалистической Республики Вьетнам с другими странами в формате стратегического партнёрства, в целом, и с Российской Федерацией, в частности. В статье делается следующий вывод: СРВ имеет слишком большое количество стратегических партнёров (всего 15), отношения с которыми не всегда отражают характер данного формата. Следовательно, Вьетнаму будет трудно планировать программы взаимодействия с более важными партнёрами.

Ключевые слова: стратегическое партнёрство, внешняя политика СРВ, российско-вьетнамские отношения

THE FORMAT OF STRATEGIC PARTNERSHIP IN VIETNAM'S MODERN FOREIGN POLICY

Dinh Le Hong Giang

Abstract: The aim of the study is to analyse the status and perspectives for the external relations between the Socialist Republic of Vietnam and other countries in the format of the strategic partnership, particularly with the Russian Federation. The following conclusion is made: the SRV currently has 15 strategic partners, however, some of them do not fully reflect the nature of this format. Consequently, Vietnam may face difficulties to plan programs with more important partners.

Keywords: strategic partnership, Vietnam's foreign policy, Russia-Vietnam relations

На сегодняшний день Социалистическая Республика Вьетнам считается влиятельным региональным игроком с независимой внешней политикой и растущим влиянием в АСЕАН. Она также является единственной страной Юго-Восточной Азии, которая установила и развивает отношения с Российской Федерацией в

формате всеобъемлющего стратегического партнёрства. Изучение того, насколько вьетнамское правительство осознаёт значимость развития отношений данного формата, является актуальной темой, поскольку Вьетнам играет важную роль моста между Россией и другими странами Азиатско-Тихоокеанского Региона.

В политической науке до сих пор не существует общего определения термина «стратегическое партнёрство». Слово «партнёрство» в общем можно понимать как статус договорённости, в котором индивиды или организации работают вместе для достижения какой-либо цели [Кембриджский словарь]. Это значит, что стороны ведут взаимовыгодные отношения, способствующие реализации общих планов, и несут ответственность за обеспечение интересов своего партнёра.

Известный лингвист С.И. Ожегов даёт такое определение понятия «стратегия»: «Искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах» [Ожегов 2011]. Стратегия предполагает долгосрочное планирование способов выполнения действий и мобилизации ресурсов для достижения какой-либо сложной цели.

Совместив данные выше определения, по нашему мнению, можно заключить, что стратегическое партнёрство – это высшая ступень формата совместной деятельности по сравнению с обычными отношениями, сотрудничество на долгий срок на принципах равенства, стремление к достижению взаимной выгоды.

Таким образом, можно выделить три основных характеристики стратегического партнёрства между государствами:

- желание партнёров совместно работать в разных областях для достижения своих стратегических целей, имеющих жизненное значение для существования нации;
- долговременное сотрудничество, основанное на принципе равенства и взаимного доверия, взаимной выгоды и невмешательства во внутренние дела суверенных государств;
- сотрудничество, создание механизма и программы действия для обеспечения безопасности, мира, процветания и улучшения позиций партнёров на международной политической арене.

В отличие от «альянса», который определяется как «союз», «коалиция» или «объединение нескольких государств, организаций,

компаний, лиц на основе договорных обязательств» [Общий толковый словарь русского языка], отношения стратегического партнёрства являются более гибкими. У них нет никаких ограничений по сотрудничеству. Отношения стратегического партнёрства не обязательно должны привести к созданию коалиции, но такой потенциал имеют.

В отношении стратегического партнёрства требуется построение информационных каналов, анализ возможностей и угроз, формирование общего долгосрочного планирования, общей программы совместных действий. Со стратегическим партнёром страны могут защищать национальные интересы, укреплять безопасность, достигать процветания.

Концепция партнёров и установление приоритетных отношений являются неотъемлемой частью внешнеполитического курса суверенного государства. Во время холодной войны Вьетнам находился под сильным влиянием как идеологического противостояния между империализмом и социализмом, так и классовой борьбы. СРВ уделяла мало внимания сотрудничеству с государствами региона Юго-Восточной Азии, потому что она рассматривала АСЕАН как «замаскированное расширение организации СЕАТО» [Фам Куанг Минь 2015: 141], которая следовала в фарватере американцев.

Сразу после распада Советского Союза ханойское правительство поняло, что страна нуждается в стабильности, чтобы развивать экономику и повышать уровень жизни народа. Вьетнам начал процесс «обновления» и проведения внешней политики в духе «больше друзей, меньше врагов» [Дипломатия СРВ в течение двадцатилетия «обновления»]. В соответствии с этим курсом вьетнамские коммунисты прекратили использование «традиционного простого определения “врагов и друзей”» [Фам Куанг Минь 2015: 142]. Социалистическая республика стремилась «сотрудничать на принципе равенства, взаимной выгоды и мирного сосуществования с другими странами, несмотря на различие социально-политических систем» [Документы VII Съезд КПВ].

С тех пор вьетнамское правительство стало считать страны Юго-Восточной Азии своими партнёрами. Задача развития связей с членами АСЕАН стала приоритетным направлением

внешнеполитического курса. Начиная с VIII съезда, Компартия призвала содействовать «дальнейшему укреплению отношений со странами-членами АСЕАН, постоянному улучшению отношений с дружественными государствами, внимательному отношению к сотрудничеству с развитыми странами и политико-экономическими центрами мира, продвижению духовной солидарности и братства с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки, а также членами Движения неприсоединения» [Документы VIII Съезд КПВ].

В настоящее время Социалистическая Республика Вьетнам имеет дипломатические отношения со 187 странами мира, установив отношения всеобъемлющего стратегического партнёрства с тремя государствами (Китай с 2008 г., Россия с 2012 г. и Индия с 2016 г.), а отношения стратегического партнёрства — с двенадцатью (Япония с 2006 г., Южная Корея и Испания с 2009 г., Англия с 2010 г., Германия с 2011 г., Франция, Италия, Таиланд, Индонезия и Малайзия с 2013 г., Филиппины и Сингапур с 2015 г.)

Большинство соглашений о стратегическом партнёрстве было заключено Вьетнамом за последние пять лет. Стратегические партнёры СРВ являются важными игроками в разных регионах и в мире в целом. Углубление таких отношений даёт Вьетнаму «огромные преимущества для социально-экономического развития, расширения торговых связей, инвестиций, обеспечения устойчивости, безопасности и национальной обороны» [Голубая дипломатическая книга Вьетнама 2015: 28]. Министр иностранных дел СРВ Фам Бинь Минь считает, что «построение отношений стратегического партнёрства является «источником мягкой силы Вьетнама» [Фам Бинь Минь].

Наличие отношений стратегического партнёрства со многими странами-членами Совета Безопасности ООН и основными игроками региона показывает, что Вьетнам занимает важную позицию в системе международных отношений, прежде всего, он играет весомую роль в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском Регионе. Таким образом, можно согласиться со словами Фам Суан Шона о том, что Вьетнам сегодня «всё более инициативно и ответственно участвует в двусторонних и многосторонних механизмах, как в своём регионе, так и в глобальном плане» [Фам Суан Шон 2014: 17].

Однако 15 стратегических партнёров, по мнению ряда вьетнамских исследователей, это слишком большое число. Ле Хонг Хиеп, политический аналитик Сингапурского Института исследований Юго-Восточной Азии, считает, что вьетнамские мозговые центры до сих пор ещё не дают чёткое определение понятию «стратегическое партнёрство», а также его содержанию. По его словам, отношения должны рассматриваться как «стратегические» только тогда, «когда они имеют важное значение для безопасности, процветания и повышения международной позиции Вьетнама» [Ле Хонг Хиеп 2014].

Если посмотреть на список стран, имеющих статус стратегических партнёров, то можно увидеть, что некоторые из них, по оценке Ле Хонг Хиёпа, не оказывают большое влияние на «безопасность, процветание и международный авторитет» СРВ. Среди них можно назвать Испанию, с которой Вьетнам установил отношения стратегического партнёрства в 2009 г., поскольку после пяти лет общий товарооборот с Вьетнамом составил всего 2,5 млрд долл. [Испано-вьетнамские торговые отношения]. Мадрид практически не оказывает влияния на безопасность и национальную оборону Вьетнама, международное положение этой страны нельзя сравнить с положением великих держав, поэтому она не может эффективно помогать укреплению позиций Ханоя на международной арене.

Отношения с Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, по нашей оценке, очень важны для Вьетнама: Москва – крупнейший поставщик оружия, а Пекин – крупнейший инвестор. Оба партнёра являются одними из самых крупных игроков в Азиатско-Тихоокеанском Регионе и в мире в целом. Углубление отношений в формате всеобъемлющего стратегического партнёрства всегда было важным приоритетом внешнеполитического курса СРВ. Однако существует немало проблем в отношениях с этими странами, например, торгово-экономические связи России и Вьетнама не находятся на должном уровне. В случае же с Китаем растет политическая напряжённость из-за спорных территорий в Южно-Китайском море.

Однако в настоящее время экономические отношения двух стран ещё не вышли на максимум своих возможностей. В течение последних пяти лет объём российско-вьетнамского товарооборота

вырос в два раза, достиг примерно 3,8 млрд долларов в 2016 г., но, конечно, это не предел. Такое положение дел можно объяснить фактором географического расстояния, ослаблением и неустойчивым экономическим положением России, а также отсутствием серьёзного интереса к России у вьетнамских инвесторов.

Российское и вьетнамское правительства пытаются повысить эффективность сотрудничества в экономической области. В начале октября 2016 г. вступило в силу Соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам. Снижение торговых пошлин между странами, безусловно, должно дать импульс увеличению взаимного товарооборота. По мнению специалистов, благодаря действию режима ЗСТ, годовой объём торговли только между РФ и СРВ составит не менее 10 млрд долл. к 2020 г. [Соглашение о свободной торговле ЕАЭС]. Успешная модель российско-вьетнамского сотрудничества может побудить другие страны региона последовать их примеру и, таким образом, расширить возможности РФ инвестировать в динамично развивающиеся экономики государств АСЕАН.

Как мы видим, российско-вьетнамские отношения пока не находятся на уровне «всеобъемлющего стратегического партнёрства», но они носят многогранный характер. Углубление отношений с Москвой является приоритетом внешнеполитического курса ханойского правительства, позволяют Ханоя решать задачи в рамках своих национальных интересов. Либерализация торговли в рамках ЗСТ ЕАЭС–Вьетнам будет способствовать раскрытию потенциала сотрудничества, чтобы партнёрство между РФ и СРВ стало и стратегическим, и всеобъемлющим, исходя из своего названия.

Литература

Вьетнам: сколько стратегических партнёров достаточно? (Việt Nam: Bao nhiêu đối tác chiến lược là đủ?) [Электронный ресурс]. URL: <http://nghiencuuquocte.org/2014/05/24/viet-nam-bao-nhieu-doi-tac-chien-luoc-la-du/#sthash.UrT5m3sQ.dpuf> (дата обращения: 02.10.2017).

Голубая дипломатическая книга Вьетнама 2015 (Diplomatic Bluebook Vietnam 2015). [Электронный ресурс]. URL: <http://baoquocte.vn/bao-in/diplomatic-bluebook-2015.paper> (дата обращения: 02.10.2017).

Декларация о стратегическом партнерстве между РФ и СРВ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/vn/-/asset_publisher/a6q3L9Hzzxu2/content/id/589248 (дата обращения: 02.10.2017).

Дипломатия СРВ в течение двадцатилетия «обновления» (Ngoại giao Việt Nam trong hai mươi năm Đổi mới. 1986-2010). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tapchiconsan.org.vn/Home/Tieu-diem/2010/1530/Ngoai-giao-Viet-Nam-trong-25-nam-doi-moi-1986-2010.aspx> (дата обращения: 01.10.2017).

Документы VII Съезд КПВ (Văn kiện Đại hội VII Đảng cộng sản Việt Nam). [Электронный ресурс]. URL: <http://dangcongsan.vn/tu-lieu-van-kien/van-kien-dang/van-kien-dai-hoi/khoa-vii.html> (дата обращения: 01.10.2017).

Документы VIII Съезд КПВ (Văn kiện Đại hội VIII Đảng cộng sản Việt Nam). [Электронный ресурс]. URL: <http://dangcongsan.vn/tu-lieu-van-kien/van-kien-dang/van-kien-dai-hoi/khoa-viii.html> (дата обращения: 01.10.2017).

Испано-вьетнамские торговые отношения (Spain-Vietnam Trade Relations and Further Opportunities for Growth). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vietnam-briefing.com/news/spain-vietnam-trade-relations-and-further-opportunities-for-growth.html/> (дата обращения: 02.10.2017).

Кембриджский словарь. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/partnership> (дата обращения: 01.10.2017).

Общий толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://tolkslovar.ru/a3392.html> (дата обращения: 01.10.2017).

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, 2011.

Развитие отношений стратегического партнерства и всестороннего партнерства Вьетнама (Triển khai quan hệ đối tác chiến lược, đối tác toàn diện của Việt Nam). [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofahcm.gov.vn/en/mofa/cs_doingoi/ns140217232521 (дата обращения: 02.10.2017).

Соглашение о свободной торговле ЕАЭС–Вьетнам вступает в силу. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3679048> (дата обращения: 02.10.2017).

Фам Куанг Минь. Внешняя политика Вьетнама в период Обновления. 1986–2010 (Phạm Quang Minh. Vietnam's foreign policy in the Renovation period 1986-2010. Н.: The gioi, 2015).

Фам Суан Шон. Внешняя политика СРВ после XI съезда КПВ // Вьетнамские исследования. Выпуск 4. Вьетнам в мировом сообществе. М., 2014.

«СОКОЛЫ СВОБОДЫ КУРДИСТАНА»: ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ибрагимов И.Э.

Аннотация: В 2015 – 2016 гг. особую известность в Турции и среди мировой общественности получила группировка «Соколы свободы Курдистана» (ССК). В силу того, что источники сведений о ССК малочисленны, как и научная литература, при общей значимости организации невозможно было судить о том, что она собой представляла, какова программа ее деятельности и воздействие на социально-политическую обстановку в Турецкой Республике и на Ближнем Востоке. В целом, в данной статье представлена попытка систематизировать имеющиеся сведения; предложен перевод (с незначительными сокращениями) официального воззвания ССК – самого полного и содержательного источника информации о группировке. Отдельные разделы посвящены идеологии организации и молодежной составляющей в ее составе: тенденция к расширению молодежной базы влечет за собой новые явления в развитии структуры и методов деятельности ССК и позволяет предложить возможный сценарий дальнейших событий в Турции и в регионе.

Ключевые слова: «Соколы свободы Курдистана», курдский вопрос, Турция, курды, терроризм, сепаратизм, радикализм

“KURDISTAN FREEDOM HAWKS”: IDEOLOGICAL BASIS, FORMS AND METHODS OF ACTIVITY

Ibragim E. Ibragimov

Abstract: Since mid-2015 actually neither one of weeks were without reports of bloody attacks in Turkey. Although it was not always reported about what the radical organization took responsibility for these tragic events, it is possible with high probability to assume that in most cases it was “Kurdistan Freedom Hawks”(TAK), one of the most persistent organizations in the implementation of the ideas of Kurdish

separatism in Turkey in the last decade. What is this organization, what is the program of its activities and its impact on the socio-political situation in the Republic of Turkey and the Middle East?

Keywords: “Kurdistan Freedom Hawks” (TAK), Kurdish issue, Turkey, terrorism, separatism, radicalism

Среди современных террористических организаций Ближнего Востока особняком стоит движение «Соколы свободы Курдистана» (ССК/ТАК¹). Одна из самых активных группировок, ССК, в отличие от большинства экстремистских движений региона, делает упор на национализм, а не на исламскую идентичность.

Активное вмешательство турецкого правительства в кризисы и конфликты в регионе влечет за собой важные последствия для турецких курдов и их политической позиции. В результате на фоне активизации внешней политики Анкары в Сирии и Ираке и деятельности Рабочей Партии Курдистана [см.: Рабочая партия Курдистана... 2013], ведущего политического инструмента турецких курдов, количество терактов, ответственность за которые взяли на себя ССК, существенно выросло.

В то же время все внимание исследователей и специалистов оказалось приковано к Сирии и Ираку. Несмотря на роль, которую ССК сыграли в 2015-2016 гг., научных статей, посвященных этой группировке, очень мало. Источники, на основе которых можно было бы проводить исследование, также малочисленны и могут быть сведены к новостным сообщениям и официальному сайту ССК, на котором, среди прочего, опубликовано их воззвание, включающее основные положения их программы [To the Press and Public Opinion].

Этими соображениями определяется цель данной работы – систематизация отрывочных сведений о ССК и создание общего представления о данной организации, ее задачах и методах их достижения. В свою очередь, решение этой задачи позволит

¹ Зачастую приводится аббревиатура по курдскому названию группировки (Teugebazen Azadiya Kurdistan). Сокращение «ССК» в русскоязычных источниках принимается не всеми – иногда вместо «соколов» название организации переводят как «Ястребы свободы Курдистана». В англоязычной литературе принята курдская аббревиатура – по той же причине (Falcons или Hawks) [Gunter 2008: 91].

проследить общую динамику развития событий с участием ССК в 2015-2016 гг.

Зарождение и формирование ССК

Возникновение движения «Соколы свободы Курдистана» связано с арестом в 1999 г. основателя и бессменного лидера Рабочей Партии Курдистана (РПК) Абдаллы Оджалана. После того, как турецкие власти изолировали харизматического лидера, сформировавшего в 1974 г. РПК, встал вопрос о необходимости реорганизации партии, пересмотра основных целей и методов ее деятельности [Ахмедов 2012: 69].

С начала 2000-х гг. сам Оджалан вел политическую деятельность, находясь в заключении. В 2012-2013 гг. он вместе с турецкими властями разработал новый план урегулирования курдского вопроса [Гунеев 2013; Турецкие власти... 2013]. В соответствии с директивами Оджалана, на VII съезде РПК было заявлено, что основная форма борьбы РПК – мирный политический процесс. На следующем, VIII съезде партии, состоявшемся в 2002 г., это решение было подкреплено структурными изменениями. Сменилось и название организации, которая теперь официально стало называться Курдский Конгресс Свободы и Демократии.

В связи с введением моратория на проведение боевых действий, некоторые члены РПК оказались недовольны допущением компромисса и откололись, сформировав собственные организации и фракции. Их ряды, первоначально состоявшие из бывших членов РПК, не согласных с политикой примиренчества, пополнялись за счет молодежи, политически ангажированной, а потому политически мобильной: молодежь легче всего было увлечь новыми «прогрессивными» идеями. В числе зародившихся в этот период организаций были и «Соколы свободы Курдистана».

Впервые «Соколы» дали о себе знать в 2004 г., когда совершили ряд терактов в государственных учреждениях Турции и официально приняли на себя ответственность за них. Однако тогда их атаки были демонстративными, взрывы не были нацелены на уничтожение людей, акты носили характер мелкомасштабных показательных действий. Ни Анкара, ни мировая общественность не восприняли эти теракты в качестве серьезной угрозы внутренней стабильности Турции.

В 2005-2006 гг. ситуация коренным образом изменилась: в качестве одной из целей атак руководство ССК обозначило курортные районы страны, поскольку туризм являлся одной из наиболее развитых сфер турецкой экономики и существенным подспорьем ВВП страны. Летом 2005 г. в результате терактов в туристических зонах стали гибнуть люди, в том числе иностранные граждане.

С 2008 г. «Соколы свободы Курдистана» дополнили список террористических организаций не только в Турции, но также и в США и ЕС. С тех пор группировка ССК стала брать на себя ответственность за многие теракты на территории Турции, а в появившемся тогда же ее официальном воззвании «К прессе и общественности» сообщалось о намерении продолжить террористические атаки с целью дестабилизировать обстановку в Турции и решить курдскую проблему. В 2015-2016 гг. ССК провели ряд громких террористических атак в Анкаре [PKK's organization game 2016; Ankara bombing 2016], в Стамбуле [Sakan, Pamuk 2016; TAK claims responsibility... 2015] и в других крупных городах Турции [Pamuk 2016; PKK offshoot claims... 2016].

Власти страны рассматривали ССК в качестве террористической группировки, являющейся молодежным экстремистским крылом РПК. Отсюда следует, что Анкара не делала различий между РПК и ССК. Однако сами «Соколы» отрицали какую-либо связь с курдскими партиями и обвинили их лидеров в предательстве интересов курдского народа [Ахмедов 2012: 70]. Впрочем, некоторые турецкие политические деятели и аналитики по-прежнему полагали, что ССК действует по негласной указке руководства РПК [Necif 2012].

Представители ССК заявляли, что их террористические действия – это месть за спецоперации турецких служб безопасности на преимущественно курдском юго-востоке страны [Иванов 2016]. Так, теракты в марте-июне 2016 г. (наивысший пик активности ССК) были «приурочены» к вооруженным столкновениям, происходившим между турецкими войсками и курдами с июля 2015 г. по март 2016 г. в юго-восточных провинциях Турции [Давутоглу: антитеррористическая операция... 2016]. С одной стороны, деятельность «Соколов» позволила поднять боевой дух курдов, мобилизовать их для реализации националистических лозунгов курдских партий. С другой стороны, акты насилия лишь

спровоцировали Турцию на расширение карательных действий против Курдистана и дискредитировали курдское освободительное движение в глазах мировой общественности.

Воззвание «Соколов свободы Курдистана»

Поскольку Воззвание остается основным, самым полным и существенным источником в изучении идеологии и методов борьбы ССК, представляется необходимым познакомить читателя с переводом этого документа (с некоторыми сокращениями)²:

«Старания и извечные самоотверженные усилия решить курдский вопрос мирными демократическими методами, которые семь лет прилагались нашим лидером, не получили никакого отклика. Губительная политика отказа [от любых инициатив], проводимая Турецким государством, такой подход к делу, который игнорирует все проблемы, остались в силе. Государственные методы решения курдского вопроса подразумевали навязывание [нам] капитуляции и жизнь в бесчестье. Против нашего лидера проводилась серьезная изоляционная и деструктивная политика, и наш лидер лишился связи со своим народом. Не перестали осуществляться и политика ассимиляции, продолжают нарушаться права человека, а также резня, подкрепляемая лозунгом «Лучший курд – мертвый курд», сопутствовавшие всей истории республики.

Предложения ПСР и Эрдогана по поводу проблемы на деле не способствуют ее решению – это лишь политические маневры и тактические ходы, отвлекающие наш народ от вооруженной борьбы и помогающие тянуть время. Эти утверждения способствуют появлению курда-предателя, курда-компрадора, давя на корню тягу к свободе во имя всех курдов. Мы не рассматриваем эти предложения правительства и Эрдогана в качестве реальных подходов к решению проблемы и не воспринимаем их всерьез.

<...>

Мы не могли прибегать лишь к методам пассивной борьбы, пока государство опиралось на террористические атаки; мы будем еще более радикальны, противостоя этим атакам. Акты, совершенные

² Перевод авторский; выполнен в апреле 2017 г. по англоязычной версии текста, представленной на официальном сайте ССК:

To the Press and Public Opinion // Official site of TAK. – URL: http://www.teyrenbaz.net/2016_Basin_Aciklamasi.html (accessed on: 20.08.2017).

нами к настоящему моменту, были лишь предупреждением. Но результатов, которые они должны были повлечь за собой, не последовало, и теперь наши атаки продолжатся и будут еще более жестоки. В организационном отношении мы ни с кем и ни с чем не связаны, ни от кого и ни от чего не зависим. Каждый борец в наших рядах готов(а) отдать его (ее) жизнь за эту борьбу. Мы обладаем достаточной волей и силой для совершения действий любого рода; наши военная подготовка и технические возможности позволяют нам совершать любые действия. Приоритетными мишенями [наших атак] до той поры, когда террор государства будет прекращен, служат объекты военной бюрократии, экономики и туризма.

<...>

По поводу туризма: он является одним из основных источников ресурсов для этой грязной войны, а потому это – одна из первых целей наших атак. Мы предупреждаем иностранных и отечественных туристов, чтобы те не посещали туристические зоны Турции. Мы не несем ответственности за тех, кто погибнет в ходе наших акций на данных территориях. Турция не является безопасной страной и никогда ей не будет, потому как мы сами – народ под угрозой уничтожения, и мы в состоянии войны.

Наш призыв к молодежи:

Действуйте вне зависимости от того, велики ли ваши дела или малы, жгите и уничтожайте. Турции должно быть хуже, чем Франции. Мы передаем всю инициативу вам, вы свободны. Мы призываем отважную, героическую молодежь курдского народа к тому, чтобы совершить больше. Боритесь вместе!

Наша численность в кратчайшие сроки возросла втрое, наш народ горой стоит за нас. За последний год многие члены НСО и других организаций влились в наши ряды, а мы оказываем [всевозможное] содействие, чтобы увеличить численность наших сил. За прошедший год мы совершили множество действий различного рода. Только некоторые из них были отражены в прессе – большая часть актов была сознательно проигнорирована. Их рассматривали в качестве последствий короткого замыкания электросети или сжатия газа в газопроводе. Таким способом общественное мнение само желало быть обманутым.

ССК – это сила обороны и атаки нашего народа. Наш народ не лишен самодостаточности. В конечном итоге мы дадим жесткий

ответ на атаки на наш народ, мы принесем все мыслимые жертвы в защиту нашей достойной и героической нации.

- Да здравствует Абдалла Оджалан!
- Долой террор государства, [долой] предателей и перебежчиков!
- Да здравствуют силы отмщения нашего народа!..»

Идеологическая основа ССК

Таким образом, «Соколы свободы Курдистана» позиционировали себя в качестве продолжателей «настоящего» дела РПК и Оджалана, «заброшенного» в начале 2000-х гг., когда было достигнуто продолжительное перемирие в истории курдско-турецкого противостояния, которое длилось почти 5 лет [Gunter 2008: 90–91]. При этом руководство группировки не заявляло о прекращении контактов с РПК, и, как уже говорилось, аналитики разошлись во мнениях относительно того, можно ли рассматривать ССК в качестве самостоятельного подразделения партии.

По неподтвержденной информации, опубликованной бывшими членами РПК, партия изначально планировала расширить свои наступательные возможности путем создания боевых ячеек в западных районах Турции [Dugulin 2016]. Такие ячейки должны были действовать независимо друг от друга и не иметь никакой прямой связи с центральными структурами РПК. Эти небольшие группы высокоидейных курдских экстремистов, возможно, и были включены в ССК начале 2000-х гг. [Dugulin 2016].

Основной линией поведения ССК стало непризнание любых форм компромиссов. Эксперты по курдской проблеме утверждают, что в 2006-2007 гг. имелись все возможности для решения курдского вопроса; однако турецкие власти упустили случай [Eccarius-Kelly 2011: 70], что привело к новой волне насилия, на пике которой «Соколы» превратились в террористическую организацию, известную во всем мире.

Силловые структуры Турции периодически совершали (и совершают) атаки на некоторые приграничные с Ираком и Сирией горные районы Курдистана [Напр.: Турция нанесла авиаудар... 2016]. Это только усилило стремление «Соколов» расширять масштабы вооруженной борьбы. Интересно, что со времени обнародования в 2006 г. приведенного выше официального воззвания даже сам лидер РПК Абдалла Оджалан предпринял некоторые шаги – насколько это

возможно в заключении – по пути мирного разрешения курдского вопроса; однако масштабы террористической активности ССК не были сокращены.

Когда Турция вмешалась в конфликты в Сирии и Ираке, контроль над государственными границами осложнился. Кроме того, были упрощены пути сообщения между курдами Турции, Ирака и Сирии, как и получения ресурсов из-за рубежа. Более того, участие Турции в иракском и сирийском конфликтах непосредственно затронуло приграничные районы страны, и любая локальная стычка преподносилась в качестве примера агрессивной политики Анкары [Аватков, Соколов 2016].

В основе ведения любой вооруженной деятельности лежит обеспечение ресурсами – техникой, оружием, опытом. Что касается техники, ее в Турецком Курдистане хватает – до середины 1990-х гг. курдов активно поддерживали соседние страны, прежде всего Сирия, а также Советский Союз/Россия [Рейнолдс 2016], опыт же приобретался в ходе постоянных стычек в горных районах региона.

При этом основными целями террористических атак изначально заявлялись правительственные учреждения и туристические зоны [Marcus 2009: 19]. Атаки на курортные районы не только были нацелены на турецкую экономику, но должны были способствовать выведению курдской проблемы на международный уровень, привлечению к ней внимания мировой общественности.

В 2016 г. атаки на места скопления людей в Анкаре и Стамбуле преобладали над терактами в правительственных и армейских учреждениях, и это вызвало крайнее неодобрение официального руководства РПК. В рамках своей почти 30-летней вооруженной борьбы РПК направляла атаки против военных и правительственных организаций. Расширение «зоны поражения» на гражданские объекты, сопровождающееся гибелью мирных граждан, РПК не считает приемлемой формой борьбы [Шореш 2017: 74].

В то же время, ССК вышли за пределы области расселения курдов и стали действовать по всей стране, что вызвало серьезную обеспокоенность со стороны властей. Тенденция к росту «партизанских» атак в городах стала новым явлением в истории борьбы курдов за свои права.

Основная форма деятельности ССК – проведение диверсионных атак. Стремясь расширить народную поддержку своей активности и мобилизовать максимальное количество молодых людей, «Соколы» позиционируют свои теракты как месть за гибель курдов в ходе турецких нападений [Иванов 2016].

Молодежь в ССК

Стоит обратить отдельное внимание на то, что в приведенном выше воззвании отдельный – пусть небольшой – раздел посвящен молодежи, и юное поколение рассматривается в качестве основного источника пополнения рядов группировки. Единственной ценностью, которую «Соколы» несут молодежи, провозглашается при этом преданность курдскому народу и лично Оджалану, в то время как в остальном члены ССК свободны, причем свобода подразумевает даже свободу выбора методов вооруженной борьбы [Yazdi 2016].

Передача молодым людям инициативы в действиях, также как и свобода в выборе методов борьбы, предполагает апеллирование к молодежной потребности скорейшей самореализации и большей самостоятельности. И хотя точное число членов группировки ССК и тем более их возрастно-гендерная составляющая неизвестны, можно с уверенностью утверждать, что молодежь в рядах «Соколов» превалирует, и всплеск активности ССК в последние годы может быть связан с ростом этой страны.

Степень свободы и инициативности, предложенная молодому поколению, делает группировку малоуправляемой. Рост численности членов ССК в какой-то момент может привести к потере контроля руководства организации над ее членами, и группировка может или распасться на несколько отдельных фракций, или перестроиться в организацию сетевого типа со множеством автономных ячеек и отсутствием жесткой иерархии в управлении.

Крайне опасно дальнейшее накопление вооруженных боевиков в районах, соседствующих с Сирией и Ираком. Оно усугубило бы ближневосточный кризис, охватывающий и без того, кроме Турции, Ливан, Палестину, Израиль и Кипр. Становится возможным подрыв относительной стабильности внутренней ситуации в Иране, обострение противоречий между сирийскими курдами и правительством Дамаска, и хотя ССК нельзя рассматривать в

качестве самого значимого фактора такого развития сценария, игнорировать их роль также нельзя.

В будущем боевики ССК, скорее всего, продолжают планировать и проводить нападения в крупных городах страны. Это значит, что в ближайшие годы, если эта тенденция не изменится, «Соколы свободы Курдистана» станут одним из постоянных ключевых факторов внутренней нестабильности Турции и угрозой для развития ряда секторов национальной экономики.

Заключение

«Соколы свободы Курдистана» остаются одной из самых ярких, но также одной из самых неизученных террористических организаций. В связи с этим, а также в контексте противоречивости сведений о принадлежности ССК к РПК, прогнозировать тенденции дальнейшей эволюции группировки и ее террористической активности весьма сложно. Тем не менее, можно сделать определенные выводы.

Во-первых, ССК сформировалась в контексте общего раскола РПК на рубеже тысячелетий, однако пик активности приходится на 2015–2016 гг. Он был спровоцирован открытым вмешательством Анкары в кризисы в Сирии и Ираке, в результате которого пострадали, в том числе, и приграничные курдские районы. Кроме того, вероятно, рост террористической активности был призван напомнить мировой общественности об открытом статусе курдского вопроса в Турции.

Идеология ССК сводится к неприятию каких-либо компромиссов со стороны турецкого правительства и к продолжению вооруженной борьбы до полного решения курдского вопроса – предоставления независимости Турецкому Курдистану. Важно отметить, что ССК не комментируют состояние курдского вопроса в Ираке, Сирии или Иране, их активность направлена лишь на турецкие территории и на турецких курдов. Отсюда следует, что и цели всех террористических атак – исключительно турецкие объекты. Основным методом борьбы – проведение диверсионных атак в городах и на курортах; возможно, также в сельской местности в курдских районах.

О принадлежности ССК к РПК можно спорить, а о самой внутренней иерархии ССК нет никаких сведений. Тем не менее, судя по наращиванию молодежных ячеек с практически полной свободой

действий и выбора методов борьбы, организация структурирована не жестко. Включение в прежние годы ряда независимых вооруженных ячеек РПК также должно было способствовать расшатыванию единой структуры командования. Неизвестно, с чем связан спад активности ССК, однако нет никаких оснований полагать, что группировка отказалась от вооруженной борьбы. Скорее всего, «Соколы» останутся важным фактором дестабилизации в Турции и, возможно, в долгосрочной перспективе – и на всем Ближнем Востоке.

Литература

Аватков В., Соколов А. Турецкая операция в Сирии направлена против курдов и боевиков ИГИЛ // Внешняя политика. – URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/turetskaya-operatsiya-v-sirii-natselena-protiv-kurdov-i-boevikov-igil/> (дата обращения: 18.10.2017).

Ахмедов Т.А. Реорганизация и деятельность Партии рабочих Курдистана в 1999–2009 гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 362. – С. 69–72.

Гунеев С. Предложения по курдскому вопросу в Турции представят через 2-3 недели // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/world/20130226/924612082.html> (дата обращения: 18.10.2017).

Давутоглу: антитеррористическая операция в Силопи окончена // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/world/20160119/1361840331.html> (дата обращения: 16.10.2017).

Иванов С. За что воюют «Ястребы Курдистана»? // NEO: Новое Восточное Обозрение. – URL: <http://ru.journal-neo.org/2016/03/22/zachto-voyuut-yastreby-kurdistana/> (дата обращения: 17.08.2017).

Рабочая партия Курдистана заявила о прекращении огня // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/world/20130323/928689197.html> (дата обращения: 18.10.2017).

Рейнолдс М. Владимир Путин – крестный отец Курдистана? // Inosmi. – URL: <http://inosmi.ru/politic/20160310/235673929.html> (accessed on 17.10.2017).

Турецкие власти составили план урегулирования конфликта с курдами // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2102103> (дата обращения: 17.10.2017).

Турция нанесла авиаудар по позициям Рабочей партии Курдистана в Ираке // ТАСС. – URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4427360> (дата обращения: 15.10.2017).

Шореш Абы. Деятельность Рабочей партии Курдистана как фактор формирования политической культуры у курдов Турции (Северный Курдистан) // Вестник МГУКИ. – 2017. – № 1 (75). – С. 66-76.

Ankara bombing: Kurdish group claims responsibility // AlJazeera. – URL: <http://www.aljazeera.com/news/2016/02/ankara-bombing-kurdish-group-claims-responsibility-160219165710818.html> (accessed on 16.10.2017).

Cakan S., Pamuk H. Kurdish militant group says it was behind Istanbul bombing // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-turkey-blast-tak/kurdish-militant-group-says-it-was-behind-istanbul-bombing-idUSKCN0YW0LL> (accessed on 16.10.2017).

Dugulin R. The Kurdistan Freedom Falcons: A distinct terrorist threat // Global Risk Insights. – URL: <http://globalriskinsights.com/2016/06/kurdistan-freedom-falcons-terrorism> (accessed on 17.08.2017).

Eccarius-Kelly V. The Militant Kurds: a Dual Strategy for Freedom. – Santa Barbara; Denver; Oxford: ABC CLIO, LLC, 2011. – 258 p.

Gunter M.M. The Kurds Ascending: the Evolving Solution to the Kurdish Problem in Iraq and Turkey. – NY: Palgrave Macmillan, 2008. – 140 p.

Marcus A. Kan ve İnanç. PKK ve Kürt Haraketi. – İstanbul: İletişim, 2009. – 428 p.

Necf M. Ü. Et undertrykt folk har altid ret // Center for Mellemøststudier. – URL: <http://static.sdu.dk/mediafiles//A/3/A/%7BA3A4F7D0-8F51-4DD0-B9BE-C27A79307350%7D0212UN.pdf> (accessed on: 16.07.2017).

Pamuk H. Kurdish militants claim suicide bombing in Turkey's Bursa: website // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-turkey-blast-bursa-claim/kurdish-militants-claim-suicide-bombing-in-turkeys-bursa-website-idUSKCN0XS1F9> (accessed on 15.10.2017).

PKK offshoot claims Kayseri bus bombing that killed 13 soldiers: Hurriet // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-egypt-security/death-toll-from-egypt-gun-battle-rises-to-52-killed-sources-idUSKBN1CQ08Z> (accessed on 16.10.2017).

PKK`s organization game // Anadolu Agency. – URL: <http://aa.com.tr/en/todays-headlines/pkks-organization-game/539390> (accessed on 17.10.2017).

TAK claims responsibility for the attack at Sabiha Gökçen Airport. – URL: <https://web.archive.org/web/20160305142825/http://anfenglish.com/news/tak-claims-responsibility-for-the-attack-at-sabiha-gokcen-airport> (accessed on 15.10.2017).

To the Press and Public Opinion // Official site of TAK. – URL: http://www.teyrenbaz.net/2016_Basin_Aciklamasi.html (accessed on: 20.08.2017).

Yazdı A.D. TAK Nedir ve Kimlerden Oluşur? – URL: <http://bianet.org/bianet/siyaset/173331-tak-nedir-ve-kimlerden-olusur> (accessed on 18.08.2017).

ПАКИСТАНСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ «АВАМИ»: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ТРАНЗИТА

Красин А.А.

Аннотация: Глобальный процесс демократического транзита, затрагивающий развивающиеся страны Азии, уже не раз рассматривался в качестве теоретического концепта, объясняющего особенности политических систем тех или иных модернизирующихся обществ. В данной статье сделана попытка применить теорию демократического транзита к политической системе Пакистана. Для этого в качестве элемента политической системы Пакистана рассмотрена деятельность рабочей партии «Авами», несущая в себе черты как традиционной, так и подвергшейся модернизации политической системы и политической культуры общества, переживающего трансформацию. Гипотеза исследования заключается в том, что, рассматривая партию «Авами» как частный пограничный случай, находящийся, тем не менее, в рамках политической системы Пакистана, мы можем сделать выводы о состоянии системы в целом и степени включения её в процесс демократического транзита.

Ключевые слова: Пакистан, политическая система, модернизация, демократический транзит, социализм

PAKISTANI AWAMI WORKERS PARTY: A GLIMPSE THROUGH THE LENS OF DEMOCRATIC TRANSITION THEORY

Artem A. Krasin

Abstract: Many studies addressed the global process of democratic transition which affects developing countries in Asia as a theoretical concept explaining peculiarities in political systems of modernizing societies. In this article, I've made an effort to apply the democratic transition theory to the political system of Pakistan. So the article reviewed activities of the Awami Workers Party as a part of the Pakistani political system. It combines the features of the traditional political

system and political culture, as well as the features of the modernized ones, existing in the society undergoing a fundamental transformation. The study supposes that taking into account the Awami Workers Party as an extreme particular case we nevertheless may draw conclusions about the whole political system and about its level of incorporation into the democratic transition process.

Keywords: Pakistan, political system, modernization, democratic transition, socialism

Эту статью я хотел предварить объяснением, что главной целью данного исследования является отнюдь не всесторонний анализ действующей в Пакистане рабочей партии «Авами». Данная партия была выбрана лишь в качестве любопытного примера новообразованного протестного движения, рассмотренного в парадигме теории транзита. Исследование опиралось на информацию из открытых источников и интервью с одним из членов партии, проведённого мной в Москве в ноябре 2016 г. Следует отметить также, что текст данной статьи был переработан с учётом дискуссии, прошедшей в ходе Меликсетовских чтений, модерацию которой осуществляли Григорий Валерьевич Лукьянов и Дмитрий Валентинович Микульский, за что я хотел бы выразить им искреннюю признательность.

Ряд исследований уже ставил вопрос о преобразовании политической системы Пакистана, но делал это, обращая внимание на иные аспекты. Так, в работе В.В. Воробьёва «Роль армии в современном Пакистане» рассматривается постепенное укрепление институтов гражданской власти и постепенное отстранение армии от участия в политических процессах, что также увязано с процессом демократизации [Воробьёв 2014]. Статья О.А. Попадюка «17 поправок конституции Пакистана» проясняет моменты конституционно-правового развития [Попадюк 2009]. В работе В.Я. Белокреницкого «Становление и роль гражданского общества в Пакистане: дефиниции, тенденции и перспективы» рассматривается новообразующееся гражданское общество как, в основном, совокупность НГО и НКО [Белокреницкий 2013]. Не обходится вниманием пакистанская политическая система и в статье Е.М. Дриновой «Политическая модернизация и исламские партии: тернистый путь к нелиберальной

демократии», однако это исследование также фокусируется в основном на рассмотрении политических программ исламистских партий в Пакистане [Дринова 2014]. В моём исследовании я решил пойти от частного к общему и исследовать деятельность нетипичного для пакистанского общества агента – рабочей партии «Авами» – в пакистанском политическом поле и, по степени допущения этой партии к открытому политическому диалогу, сделать выводы о прогрессе демократического транзита в Пакистане.

Понятие транзита я предлагаю рассмотреть в данном случае в интерпретации Ж. Бодрийера и М. Пости, как «многовариантность и релятивизм ценностей» и утверждение модели демократии участия, допускающей к политическому процессу даже те группы, взгляды которых могут резко отличаться от политического мейнстрима [Федотова 2010: 29]. Именно поэтому отправной точкой рассуждения стало рассмотрение деятельности партии «Авами», позиционирующей себя как революционная левая, коммунистическая партия. Радикальные левые взгляды плохо вписываются в политическую культуру Пакистана, косвенным подтверждением чему служат 0,04% голосов, набранных партией в ходе всеобщих парламентских выборов в Пакистане в 2013 г. При этом рабочая партия «Авами» является первой с момента крушения Советского Союза левой партией в Пакистане, открыто заявляющей свою политическую программу, выдержанную в духе марксизма. По словам информанта, «после 1993–1995 гг. никто не заявлял о себе, как о левом или коммунисте». В это время даже крупные левоориентированные партии дистанцируются от социализма и коммунизма. Так, из программы Пакистанской народной партии в 1988 г. исчезает слово «социализм», а обещания социальной поддержки отныне увязываются с «исламскими ценностями». После крушения Советского Союза по пакистанским социалистам и коммунистам был нанесён новый удар. Открытое выражение своих взглядов было невозможно, по словам информанта, «Пакистан стал более подвержен влиянию радикального ислама. О коммунистах стали говорить как о людях, выступающих против бога и божественного закона, что сделало их лёгкой мишенью для убийства» [Красин 2017]. Естественно, об открытой политической деятельности в таких условиях не приходилось вести и речи.

Однако в нулевые левые силы собираются и реорганизуются, приспособляясь к существованию в новом многополярном мире, и Пакистан, что примечательно, не становится исключением. Более того, включенность в общий тренд, опора на опыт других левых партий мира становится определяющей для нового поколения коммунистов Пакистана. «В 2001–2002 гг. стали появляться люди, готовые начать всё сначала, вновь организовываться и решать проблемы. Это характерно не только для Пакистана, в это же время левые подняли голову в Латинской Америке, активизировались курды в Турции. И в 2006 г. большинство коммунистов новой волны были вдохновлены на эту деятельность самообразованием или образованием, полученным в институте», – сообщает информант [здесь и далее, там же].

Рабочая партия «Авами» аккумулирует протест рабочего, крестьянского и правозащитного движений. Оформление левых политических движений в Пакистане в партию «Авами» произошло в 2012 г. Однако организационному оформлению предшествовало долгое развитие левых политических движений в Пакистане, которые прошли как через периоды активизации в связи с внешней подпиткой со стороны СССР во время войны в Афганистане, так и затухания после вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. и, впоследствии, глубокого кризиса, постигнувшего многие левые движения в связи с распадом СССР.

Интересно отметить, что в авторитарном политическом поле Пакистана партия, претендующая на выражение интересов основной массы населения – крестьянства, промышленных рабочих, либерально мыслящей интеллигенции – остаётся подверженной влиянию традиционных институтов и региональных движений. «Двойственность» партии «Авами» как политического агента, являющаяся непосредственной реакцией на фрагментированность политического поля, позволяет рассматривать политические движения в Пакистане в парадигме транзита и в рамках широкого мирового контекста.

В ходе анализа я отметил ряд особенностей партии, где эта двойственность проявляется ярче всего. Возможно, иногда эти дихотомии могут диктоваться личным восприятием, но регулярность противоречий, на мой взгляд, хорошо укладывается в понятие транзита, символизирующего как бы одновременное существование

в двух политических культурах – отживающей традиционной и намечающейся модернизированной.

Так, новые члены партии приходят в партию, руководствуясь как рациональным выбором в пользу левой политической идеологии, так и под влиянием регионального сепаратизма в районе Гилгит-Балтистана. Несмотря на то, что программа партии находится под влиянием социал-демократических веяний в развитых странах и идей «новых левых», часть членов партии сохраняет приверженность ортодоксальному марксизму в различных его изводах: сталинизму, маоизму, и его организационным формам, в том числе вождизму. Информант сообщал: «Единая партия была создана путём собирания единичных групп, которые основывались молодыми людьми. “Старики” обычно делились на сталинистов, маоистов и т.п., эти секты были обособлены, это слишком сильно вросло в их природу. Те же, кто реально работают вместе, как правило, молоды, для них это легче, так как они не привыкли разделяться по принципу, кто троцкист, а кто сталинист». Вместе с тем, окончательно превратиться в «широкую левую» партию, по всей видимости, тоже не удаётся. Например, на фото с открытия партийной школы в Карачи можно было увидеть красный флаг с профилями Маркса, Ленина и Сталина. Сочетание политического сектантства и готовности идти на компромиссы ради общего дела тоже можно назвать одним из ярких отражений транзита в партийном строительстве.

Распределение лидерских полномочий в партии также неоднозначно. Инструментальное лидерство осуществляет Абид Хассан Минто, избранный президентом партии на учредительном съезде, а экспрессивным лидером можно назвать Баба Джана. Баба Джан, харизматичный вождь партии «Авами» находится в заключении, сохраняя авторитет в урегулировании внутрипартийных противоречий и влияние на привлечение в партию новых членов. Фигура «лидера в заключении» характерна и для некоторых других левых движений (например, Абдулла Оджалан, лидер Рабочей партии Курдистана). Типичность этого явления может свидетельствовать об очередной попытке синтеза традиционных вертикальных структур власти и «горизонтального» лидерства, опирающегося на консенсус между несколькими лидерами, при формальном главенстве «лидера в заключении/эмиграции».

Стоит отметить, что вовлеченность партии в международные связи тоже «двоится»: информант отмечал, с одной стороны, заинтересованность в сопоставлении опыта партии «Авами» с опытом других левых партий, например, в Латинской Америке и на Ближнем Востоке, но, с другой стороны, признавал, что международные связи партии опираются, в основном, на диаспору, которая особенно велика в Великобритании, а также заявлял, что помощь из-за рубежа партия не считает для себя приемлемой.

В условиях общества, в котором до сих пор сильны предубеждения и традиции, активистам рабочей партии «Авами» приходится лавировать, и если не отказываться от каких-то политических требований в угоду «священному», то, по крайней мере, не заострять внимание на этом аспекте. В условиях, когда статус ислама, как государственной религии, закреплён в конституции Пакистана, часть политических требований приходится если не снимать вообще, то хотя бы не заострять на них внимание. Это позволяет добиваться определенных успехов на политическом поле. «Главным успехом на данный момент является участие партии в муниципальных выборах. В 2015 г. нам удалось завоевать семьдесят мест, что очень мало, так как общее число мест составляет тысячу [sic!]. Здесь стоит отметить, что число мест на муниципальных выборах в Пакистане колеблется от провинции к провинции, кандидаты от «Авами» участвовали в качестве независимых выдвиженцев, так что проверить эту информацию не представляется возможным]. Но это знак того, что люди принимают нас. Потому что обычно мы заявляем, что мы социалисты, мы наследники опыта Советского Союза, мы видим проблемы и открыто говорим вам, что мы не националисты, не мусульмане, мы коммунисты и социалисты. Хотя мы не высказываемся против религии, мы даём своё видение проблем, и люди принимают нас». Однако и у этой деятельности есть «теневая» сторона, порой приобретающая роковой характер. Как уже упоминалось ранее, санкционирование государством уголовного преследования за богохульство, «убийство коммуниста в Пакистане не подвергается общественному осуждению, все приветствуют это: “Ты убил неверного. Это славно!”». Вплоть до настоящего момента общество Пакистана не застраховано от такого рода инцидентов, а исламизация, поддержанная государством, укореняет в обществе

предубеждение против левых активистов, что порой выливается в публичную травлю и убийства. Из недавних печальных примеров можно привести убийство студента-коммуниста в городе Мардан – административном центре провинции Хайбер-Пахтунхва, включающей в себя провинциально управляемые племенные территории, и исламизированной ещё больше, чем остальные части страны, в силу неразвитости экономики и влияния Талибана, чьи активисты проникают в провинцию из пограничных территорий Афганистана [Русская служба ВВС 2017]. Модернизация, затрагивающая образованное население городов, может не так быстро разрушать общественные предрассудки в тех местах, где традиция до сих пор является основой жизненного уклада.

Эти моменты заставляют нас прийти к выводу, что рабочая партия «Авами», являясь лишь маленьким осколком в сложном социальном и политическом устройстве Пакистана, тем не менее, отражает в себе процесс модернизации, в который страна постепенно вовлекается. Создание и функционирование партии, подобной «Авами» – показатель включения пакистанской политической системы в глобальный процесс демократического транзита.

Литература

Белокреницкий В.Я. Становление и роль гражданского общества в Пакистане (дефиниции, тенденции и перспективы) // Сравнительная политика. –2013. – №1 (11). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-rol-grazhdanskogo-obschestva-v-pakistane-definitcii-tendentsii-i-perspektivy-1> (дата обращения: 23.11.2017).

Воробьёв В. В. Роль армии в современном Пакистане // Вестник МГИМО. –2014. – №3 (36). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-armii-v-sovremennom-pakistane> (дата обращения: 23.11.2017).

Дринова Е.М. Политическая модернизация и исламские партии: тернистый путь к нелиберальной демократии // Исламоведение. – 2014. – №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-modernizatsiya-i-islamskie-partii-ternistyuy-put-k-neliberalnoy-demokratii> (дата обращения: 23.11.2017).

Красин А.А. Красный флаг над Исламабадом: интервью с активистом рабочей партии «Авами» [Электронный ресурс] //

Vostok Magazine: сайт. – URL: <http://vostalk.net/krasnyj-flag-nad-islamabadom/> (дата обращения: 23.11.2017).

Попадюк О. А. 17 поправок конституции Пакистана // Вестник МГИМО. – 2009. – №6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/17-popravok-konstitutsii-pakistana> (дата обращения: 23.11.2017).

Русская служба ВВС. В Пакистане толпа убила студента, заподозрив в богохульстве 14.04.2017 URL: <http://www.bbc.com/russian/news-39597070> (дата обращения: 23.11.2017).

Федотова М. Г. К содержанию понятия «Транзитивное общество» // Вестник ВятГУ. – 2010. – №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-soderzhaniyu-ponyatiya-tranzitivnoe-obschestvo> (дата обращения: 23.11.2017).

**МОТИВ ВСТРЕЧИ С БОЖЕСТВОМ, ПРИНЕСЕННЫМ
ВОДОЙ, В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ XVIII ВЕКА
«ЗАПИСИ ОБ УВИДЕННОМ И УСЛЫШАННОМ»
ВУ ЧИНЯ**

Лукина А.А.

Аннотация: Доклад посвящен тому, как в сборнике коротких рассказов «Записи об увиденном и услышанном» (Kíến vãn lục, автор – Ву Чинь, XVIII в.) воплотился популярный для дальневосточной литературы мотив встречи с божеством, принесенным водой.

Произведение относится к традиционной прозе *тиеу тхует* (кит. *сяошо*). Анализируя, как воплотился в сборнике данный мотив, мы обратимся к фольклору и некоторым письменным памятникам прозы *сяошо*.

В одном из рассказов сборника речь идет о королеве и принцессах, которые выбросились за борт после разгрома сунской армии. Совершив самоубийство, они проплыли тысячи миль, но их тела остались неизменными. Впоследствии они были признаны божествами, и в честь них воздвигли храм.

Подобный сюжет можно проследить в предании о сестрах Чынг, где речь идет о двух приплывших к храму сверкающих статуях, изображающих сестер. Другая легенда связана с богиней Тхиен-хи А-На, и рассказывает она о двух моряках, выловивших в реке необычайное дерево, олицетворявшее богиню.

Ключевые слова: литература Вьетнама, Ву Чинь, тиеу тхует, сяошо, сборник рассказов, божества, принесенные водой

**THE MOTIF OF A MEETING WITH THE DEITY
BROUGHT BY WATER IN THE COLLECTION OF SHORT
STORIES OF XVIII CENTURY “NOTES ABOUT WHAT I SAW
AND HEARD” BY WU CHINH**

Alisa A. Lukina

Abstract: In this report we would like to show how the motif of a meeting with a deity brought by water was embodied in the collection of

short stories “Notes about what I saw and heard” (Kiến văn lục, author – Wu Chinh (18th century)).

“Notes about what I saw and heard” refers to the traditional prose *tiêu thuyet* (Chinese *xiaoshuo*). Analyzing how this motif embodied in Wu Chinh’s collection of short stories, we will look through the Vietnamese folklore and some other collections of written prose *xiaoshu*.

One story of the collection is about the queen and the princesses, who threw themselves overboard after the defeat of the Army of Song dynasty. Had committed the suicide, they swam for thousands of miles, but their bodies remained the same. Later they were recognized as deities, and in honor of them local dwellers built a temple.

A similar plot can be traced in the legend of the Ching sisters, which is about two glittering statues depicting the sisters, which were brought to the shore near the old temple. Another legend is related to the goddess Thien-Hi An-Na, it is about two sailors who found an extraordinary tree in the river, later on it turned out to be a goddess.

Keywords: Wu Chinh, *tiêu thuyet*, *xiaoshuo*, collection of short stories, deity brought by water

Данный доклад посвящен воплощению в сборнике «Записи об увиденном и услышанном» мотива встречи с божеством, принесенным водой. В основу исследования «Записей об увиденном и услышанном» лег перевод текста сборника на вьетнамском языке, опубликованный в «Полном собрании вьетнамской прозы *tiêu thuyet* на ханвьете» (TỔNG TẬP TIÊU THUYẾT CHỮ HÁN VIỆT NAM).

В сборнике Ву Чиня подобный сюжет встречается только в одном рассказе, а именно в рассказе «Храм Кыа Кон», однако мы считаем необходимым рассмотреть его более внимательно, так как данный сюжет действительно является очень распространенным в дальневосточном культурном ареале в целом и во Вьетнаме, в частности.

Подобные сборники рассказов представляют собой вид традиционной прозы *сяошо*, широко бытующей в странах дальневосточного культурного региона (Китае, Корее, Японии и Вьетнаме). Такие собрания коротких рассказов были наиболее распространенным видом вьетнамской традиционной прозаической литературы, жанры которого развивались до начала XX в. *Сяошо*

– вид китайской прозы, включающей в себя произведения, противопоставляемые каноническим сочинениям или так называемой изящной прозе (*вэнь* или вьет. - *ван*). Как пишет Л. Меньшиков в предисловии к русскому изданию «Записок о поисках духов» («*Соу шэнь цзи*») Гань Бао, к *сяошо* изначально относились небольшие произведения, безразлично – фантастического или бытового содержания. Получившие общее название *сяошо*, эти произведения представляли собой «рассказы ничтожных». Согласно «Истории Ранней Хань» Бань Гу, в государстве были специальные чиновники, записывающие, что говорил простой народ «у колодцев и в переулках». Целью же этих записей было узнавать народное мнение и сообщать его властям. Но уже ко времени Гань Бао (конец III — начало IV в.) *сяошо* стали называть коротким сюжетным рассказом. А во втором тысячелетии термин *сяошо* приложили к сюжетной, повествовательной прозе вообще [Меньшиков 1994: 13–14]. Собрания коротких рассказов были наиболее развитым видом вьетнамской традиционной прозаической литературы, жанры которого развивались до начала XX в. В конце XVIII в. появляются «Записи об увиденном и услышанном» Ву Чиня. Е. Ю. Кнорозова отмечает, что название – «Записи об увиденном и услышанном» – скорее всего, было заимствовано из китайской литературы [Кнорозова 2009: 101]. Рассказы, собранные в «Записях» – это короткие истории простых людей, часть из которых носит вполне реалистичный, бытовой характер, а другая, подавляющая часть рассказов, включает какие-либо сверхъестественные мотивы. Согласно мнению вьетнамских ученых, это сочинение напоминает «Рассказы об удивительном» (*чжигуай сяошо*, вьет. *чуенки*) [Vãn Tân 1997: 176].

Специфика сборника обусловлена не только самой особенностью жанра, но и личностным началом автора. Поэтому для знакомства с подобного рода сборником будет сказано несколько слов о том, что сформировало духовный облик автора, а именно об историческом периоде, в котором жил автор, роде его деятельности помимо писательской.

Как отмечает К.И. Голыгина, подобные сборники никогда не утрачивали своей специфичности и долгое время сохраняли следы первоначальных генетических связей. Даже у поздних авторов

наблюдается тенденция к использованию традиционных сюжетных схем и образов [Голыгина 1980: 19]. Так и произведение Ву Чиня необходимо анализировать, опираясь, прежде всего, на фольклорный материал и на рассказы жанра *чжигуай сяошо* более раннего периода. Здесь же необходимо отметить, что под «фольклорным материалом» в данной работе подразумевается не весь широкий спектр фольклорных произведений различных жанров, а непосредственно наиболее популярные легендарно-мифологические сюжеты, так как именно они служили основным источником, из которого авторы черпали вдохновение во время написания сборника.

Актуальность этой темы обусловлена тем, что подобное исследование вьетнамских собраний позволяет, прежде всего, выявить особенности традиционной вьетнамской прозы *сяошо* на примере конкретного сборника и конкретного мотива, а также дает материал для сравнительного изучения прозаической литературы народов дальневосточного региона.

Цель данной работы – проанализировать рассказ сборника «Храм Кыакон», определив, как в нем воплотился популярный для дальневосточной повествовательной традиции мотив божеств, принесенных водой. Для этого предполагается рассмотреть основные, наиболее близкие к выбранному сборнику образцы жанра малой прозы, а также фольклорные произведения Вьетнама, такие как легенды и мифы, на предмет наличия в них данного мотива и затем сравнить их с соответствующим рассказом из «Записей об увиденном и услышанном» Ву Чиня.

Исследование мотива божеств, принесенных водой, во вьетнамской традиционной прозе приводится в статье Е.Ю. Кнорозовой «“Плавающие” божества в традиционных культурах Кореи и стран Юго-Восточной Азии». Е.Ю. Кнорозова приводит примеры сюжетов рассказов вьетнамских сборников, а также вьетнамских преданий, где наиболее ярко воплотился данный мотив, сравнивая их со схожими сюжетами китайской и тямской литературы. В своей работе Е.Ю. Кнорозова говорит о том, что зачастую божества, принесенные водой, являются сакральными персонажами. Кроме того, усматривается связь в этих вьетнамских персонажах с подобными персонажами других стран дальневосточного культурного региона и не только [Кнорозова 2004: 39].

Автор рассматриваемого нами сборника «Записи об увиденном и услышанном» Ву Чинь был также известен под псевдонимами Лай Шон, Лай Чи Нгы За и Нгуен Нянь. Родился он во Вьетнаме, а именно в деревне Суанкуан, район Лангтанг, провинция Бакнинь в 1759 году.

Ву Чинь рос и воспитывался в окружении образованных людей. Его дедушка по отцовской линии, Хи Нги, сдал конкурсные экзамены в период правления династии Поздние Ле (1428–1788), а отец, сдав конкурсные экзамены, стал советником при правящем доме. Сам Ву Чинь отличался пытливым умом и крепкой памятью с самых юных лет. Прочитав книгу один раз, он вмиг запоминал всю информацию, за что его считали одаренным ребенком. В 17 лет Ву Чинь сдал конкурсные экзамены, а несколькими годами позже он унаследовал звание своего отца, став одним из ближайших советников императора.

За тот период, пока Ву Чинь находился на государственной должности, его не раз отмечали как талантливого оратора, искусного дипломата и в целом ответственного человека. В конце XVIII в., когда период феодальной раздробленности во Вьетнаме подходил к концу, и шли последние годы формального правительства династии Поздние Ле, Ву Чинь исполнял свои последние обязательства как государственного деятеля.

Весной 1789 года Нгуен Хюэ, известный тогда уже как император Куанг Чунг, мобилизовал армию с целью противостоять вторжению Цинов. Согласно воле Сунь Шиуи, император Ле Тьиеу Тхонг был отправлен в Китай. Ву Чинь не успел проследовать за ним и в конце концов уехал в свою родную деревню, не став чиновником при дворе династии Тэйшон.

Как отмечает Е.Ю. Кнорозова, многие ученые того времени остались не у дел, они жили уединенно, либо странствовали по стране. Уход со службы, отказ от государственной деятельности был на Дальнем Востоке своеобразной формой протеста, традиционной позицией ученого-книжника, которую он занимал в смутные времена. Отход от служебных дел, от забот чиновника давал возможность для наблюдений и размышлений, которые затем воплощались вьетнамскими писателями в традиционную для дальневосточной литературы форму «записок», «заметок», «собраний». В таких

произведениях информация делового характера, сообщения о важном событии, размышления автора соседствуют с линией сюжета. Не случайно сборники, которые появляются в этот период, назывались «Записи об увиденном и услышанном», «Записи отшельника» и т. п. Такого рода названия свидетельствуют о характере материала и социальном положении самого автора [Кнорозова 2009: 100].

Ву Чинь скончался в 1828 году в возрасте 70 лет. Он был прекрасно образованным и интеллигентным человеком, что отразилось и на его литературе.

Как было отмечено ранее, «Записи об увиденном и услышанном» скорее всего можно отнести к поджанру *чжигуай сяошо*, что в русской филологической традиции принято называть «рассказами об удивительном». Подобные сборники появляются впервые в Китае, начиная с III века. Авторы подобных сборников *чжигуай сяошо* во многом основывали свое повествование на распространенных в их обществе автохтонных верованиях и ранних религиозных традициях, сведения о которых они черпали в основном из фольклора [Желоховцев 1983–1994: 110]. Именно поэтому сверхъестественные мотивы, которые воплощались в таких сборниках, зачастую отражают религиозно-мифологическое восприятие того или иного народа. Авторы *чжигуай сяошо* зачастую стремились утвердить с помощью собранных примеров веру в нечистую силу. Они не могли игнорировать в своих записях распространение среди современников убеждения в том, что нет резкой границы между мирами людей и духов. Люди верили, что жизнь наряду с рационально объяснимыми явлениями и событиями содержит и немало происшествий иррационального характера. Культовым сборником таких рассказов об удивительном являются «Записки о поисках духов» Гань Бао, написанные в конце III – начале IV вв. в Китае.

Рассказы об удивительном еще далеки от развитого художественного повествования, но они знаменуют собой начало сюжетной повествовательной прозы в Китае и, соответственно, во Вьетнаме.

Что же касается развития вьетнамской прозы уже в эпоху Ву Чиня (XVIII в.), то здесь, согласно Н.И. Никулину, она в наивысшей степени обогащается новыми жанрами [Никулин 1977: 167]. Как

заключают вьетнамские ученые, этот расцвет не был случайным, его вызвали изменения в духовной жизни страны, обусловленные развитием экономики и торговли, ростом городов [Кнорозова 2009: 98]. В работе Е.Ю. Кнорозовой «Странствия в бесконечном. Вьетнамская традиционная проза малых форм» также отмечается, что изучая литературный мир Вьетнама в XVIII–XIX вв., вьетнамские исследователи обратили внимание на распространение в этот период таких жанров, как «заметки» (*бутки*), «записи-заметки» (*туибут*), «биография, рассказ, записки» (*чуенки*) и т.п. Также отмечается близость жанров *киши* (дневник), *бутки* и *туибут*, которые зачастую невозможно отличить друг от друга [Кнорозова 2009: 98]. В целом, у вьетнамских исследователей нет единого мнения, к какому именно жанру следует отнести то или иное произведение, часто их точки зрения расходятся. Осложняется это и отсутствием четких критериев, по которым они выделяют эти жанры. Поэтому в вопросе определения жанрового показателя сборника Ву Чиня «Записи об увиденном и услышанном» мы остановимся на том, что сборник относится к жанру *сяошо* поджанру *чжигуай сяошо* (*чуенки*, рассказы об удивительном).

Итак, абсолютное большинство литературоведов, исследовавших *чжигуай сяошо* или *чуенки* отмечали, что основной неизменной особенностью китайской и, соответственно, вьетнамской новеллы об удивительном является наличие в ней сверхъестественных мотивов. Чтобы раскрыть, как и почему этот элемент необычайного и сверхъестественного воплощался в рассказе сборника Ву Чиня «Записи об увиденном и услышанном», мы, в первую очередь, перевели, а затем проанализировали содержание этого рассказа, сравнивая его с фольклорным сюжетом, а затем и с более ранними рассказами других авторов сборников повествовательной прозы *сяошо*.

Мотив, заинтересовавший нас, это мотив божеств, то есть обладающих сверхъестественной силой героев, принесенных водой. Подобный мотив неоднократно просматривается в фольклоре Вьетнама. Как было отмечено ранее, данный мотив встречается в сборнике в рассказе «Храм Кыакон». В рассказе Ву Чиня речь идет о королеве и трех принцессах, выбросившихся за борт после разгрома сунской армии при Яйшане. Совершив суицид, они

проплыли тысячи миль, но их тела остались неизменными. Когда тела правительниц принесло течением к одному прибрежному храму, их заметил настоятель и, не поверив своим глазам, тут же решил похоронить девушек и королеву-мать как подобает. Это было расценено местными жителями как святое знамение. Королева и принцессы были признаны божествами. Настоятеля впоследствии тоже причислили к лику святых.

В данной ситуации речь идет о так называемом явлении «плавающих божеств», т.е. об обладающих сверхъестественной силой героях, принесенных водой. Подобный мотив неоднократно просматривается в фольклоре Вьетнама, подробно это изложено в статье Е.Ю. Кнорозовой «“Плавающие божества” в традиционных культурах Кореи и стран Юго-Восточной Азии» [Кнорозова 2004: 39].

Данный мотив встречается и в сборнике XIV в. «О таинственных силах и духах земли Вьет» («*Вьет диен у линь*»; автор – Ли Те Суен): «Давным-давно в деревне Киеухан в Хангтяю жили два брата из рода Данг; старший носил имя Куен Минь, младший – Тхиен Ша. Братья добывали себе пищу ловлей рыбы, поэтому часто выходили на лодках в открытое море. Однажды на глаза им попался странный предмет, покачивающийся на волнах. Братья подобрали его, решив, что это кусок дерева: в длину он достигал трех тхыков, а по цвету напоминал птичье яйцо. Ночью они вдруг услышали из этого странного куска дерева человеческую речь. Они испугались, выбросили деревяшку в воду и ушли ночевать на другую лодку. Той же ночью обоим братьям во сне явилась женщина, промолвившая: «Вы – люди и не можете знать, что произошло, поэтому слушайте меня. Я наложница Лонг-выонга – Властелина драконов, полюбила огненного дракона. У меня родился его ребенок. Опасаясь гнева супруга, я пустила дитя плавать по морю. Он – это тот кусок дерева, который вы нашли». Проснувшись, братья припомнили чудесный сон и очень удивились. Выловив бревно, они приплыли домой. Когда они приблизились к пристани, кусок дерева сам выпрыгнул из лодки на берег. Рыбаки решили там его и оставить. На этом месте возвели храм, а из бревна мастера вырезали статую Лонг-куана – достопочтенного господина Дракона – и начали ему поклоняться. С тех пор люди из рода Данг стали особо искусными в добыче раковин-жемчужниц. Лонг-куан

покровительствовал всем ловцам жемчуга, и правитель сделал его богом жемчуга» [Кнорозова 2004: 39].

Подобные рассказы из сборника Ву Чиня истории, где фигурируют «приплывающие дочери-принцессы и королева-мать», были широко распространены во Вьетнаме. В письменно зафиксированных рассказах такого типа порой разнятся лишь небольшие детали. Например, подобный сюжет приводится в «Новых Записях о провинции О» («*О тяу кан лук*»): там фигурируют четыре святых матушки – мать и три дочери, однако суть их культа отражена абсолютно иначе: «Жители, следующие древним обычаям, очень невежественны. Почитание этих духов сопровождается непристойностями – какое извращение!» [Кнорозова 2004: 39].

Согласно другой, не менее распространенной версии, у королевы было две дочери и не было сына, то есть будущего наследника престола. Ее собирались заменить наложницей. Но так как королева была беременна, король, перед тем как принять решение, дождался родов. Королева родила мальчика, но повивальная бабка отрезала ему половой орган. Когда король узнал, что этот сын не сможет продолжить династию, он пришел в ярость и изгнал королеву и ребенка, поселив их на морском острове. Когда королева умерла (неизвестно каким способом), ее тело так же плыло по морю, пока не прибило к аннамитскому берегу. Явившись во сне рыбаку, она поведала ему, что должна стать духом в Аннаме. Рыбак выстроил в честь нее пагоду, где каждый год совершали жертвоприношения, которые сопровождались танцами с красными цветами.

Придадим, имеющим своим элементом мотив «плавающих божеств», также является одна из многочисленных историй о сестрах Чынг, сакрализованных реальных исторических личностях, возглавивших восстание против китайской династии Хань в 40–43 гг. В 1142 г. при императоре Ли Ань-тонге в столичном поселении Донгнян в честь них был сооружен поминальный храм, с которым как раз и связано это предание. Однажды ночью в начале второго месяца по лунному календарю две статуи сестер Чынг прибило течением к местечку Донгнян. Статуи испускали яркое сияние. Удивившись, местные жители с почестями вытащили их на берег. Когда известие о случившемся дошло до императора Ли Ань-тонга, он приказал соорудить храм в честь сестер-воительниц прямо на том же месте [Кнорозова 2004: 39].

Среди прочих вьетнамских божеств, связанных с подобным сюжетом, Е.Ю. Кнорозова упоминает также и Тхайзыонг фунян, храм которой находится в Тхуанане на берегу моря. Согласно легенде, она утопилась из-за того, что по незнанию вышла замуж за своего брата. Один рыбак нашел труп, прибившийся к берегу, и вытащил его из воды. Так она и стала объектом культа. Во время зимних жертвоприношений ей раньше подносили молодых девушек, но позже обряд был отменен. Девушек заменили несколькими буйволами.

Истории, в которых рассказывается о принесенном водой женском божестве, действительно получили широкое распространение во Вьетнаме. Легенда о китайских морях, которые отправились на поиски алойного дерева и Тхиен-и А-на, тоже сводится к подобному сюжету. Моряки добыли это дерево, разрубили его на три куска, но внезапно порыв ветра отнес их вверх по реке Сонглюй, где течение выбросило их на берег возле деревни Биньтхюи, где находилась пагода, посвященная Ба Нгок («Госпоже-Яшме»). Когда вода отступила, хранители подобрали три куска дерева и обнаружили, что один из них походил на женское туловище – это и была Тхиен-и А-на. Два других куска оказались ее детьми. Из каждого куска сделали их статуи, к которым приходили молиться местные жители. Здесь необходимо сказать несколько слов о том, какое значение придается во Вьетнаме этой богине, и о том, откуда она появилась. «Тхиен-и А-на» – это транскрипция тямпского «По Нагар». Впервые упоминания По Нагар были найдены в эпиграфических памятниках III в., найденных на территориях современного Нячанга, Мишона, которые раньше принадлежали государству Тямпа [Народная культура 1998: 24]. Подобно тямпской богине По Нагар, Тхиен-и А-на является богиней благовонных деревьев и, в первую очередь, ассоциируется у вьетнамцев именно с историей об алойном дереве. Кроме того, она является богиней бурь, наводнений и подательницей дождя. Анализируя вышеупомянутый рассказ, Е.Ю. Кнорозова связывает эти два аспекта в теме кораблекрушения. Ценность алойного дерева проявляется только после долгого пребывания в воде. Только тогда сердцевина дерева становится твердой и тяжелой, и оно тонет в воде [Кнорозова 2007: 210].

Как мы видим, из всех упомянутых рассказов и преданий подобный мотив действительно является довольно популярным. К божеству, принесенному водой, местные жители относятся с особым почтением, зачастую сооружают в честь него храм, делают покровителем местности. Вероятно, это и хотел продемонстрировать Ву Чинь, включив в свой сборник рассказ «Храм Кыакон». А наличие связи данного мотива с такими сакральными персонажами, как сестры Чынг и богиня Тхиен-и А-на, говорит о том, что водная стихия обладала особым, действительно важным значением в литературной традиции Вьетнама.

Литература

Гань Бао. Записки о поисках духов. Предисл., пер. с древнекитайского, статья, примечания, словарь-указатель Л.Н. Меньшикова. СПб., 1994.

Голыгина К.И. Новелла средневекового Китая. М., 1980.

Желоховцев А.Н., Лисевич И.С., Рифтин Б.Л., Соколова И.И., Сухоруков В.Т., Черкасский Л.Е., Эйдлин Л.З. Сюжетная проза: Китайская литература III–XIII вв. История всемирной литературы. ТТ.1–8. – АН СССР. М., 1983–1994.

Кнорозова Е.Ю. «Плавающие» божества в традиционных культурах Кореи и стран Юго-Восточной Азии. Вестник центра корейского языка и культуры. Выпуск 7. –СПб., 2004.

Кнорозова Е.Ю. Странствия в бесконечном. Вьетнамская традиционная проза малых форм. – СПб., 2009.

Миниатюрные сады стран дальневосточного культурного региона. Пер. с французского и предисловие Е.Ю. Кнорозовой. – СПб., 2007.

Никулин Н.И. Вьетнамская литература. От средних веков к новому времени. М., 1977.

Tổng tập tiểu thuyết chữ Hán Việt Nam (Полное собрание прозы тиеу тхует на ханвьете). Т.1. Hà Nội, 1997.

Văn hóa dân gian số 3 (Народная культура. Выпуск 3) – Hà Nội, 1998.

ВЛИЯНИЕ НЕФТЯНОГО ФАКТОРА НА ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ВНУТРИ ЛИВИИ

Манафова А.Д., Орлов И.А.

Аннотация: Несмотря на то, что до открытия месторождений нефти Ливия не имела надёжных источников дохода, а вскоре после начала её продажи стала одной из самых быстрорастущих экономик Африки, чёрное золото сыграло не только положительную роль в истории Ливии. В данной работе мы показываем, что нефть не только создала основу для развития государства, но и предопределила внутренние конфликты, которые коренным образом изменили интеграционные процессы внутри страны. Смена федеративного устройства на унитарное и постепенный перенос власти в восточную провинцию страны, в которой была развита нефтяная инфраструктура, были негативно восприняты жителями наиболее населённой ливийской провинции – Триполитании и стали одной из причин переворота, организованного молодыми офицерами в 1969 г. Пришедший к власти Муаммар Каддафи пытался остановить центробежные процессы. Одной из мер стала централизация добычи нефти. Однако ливийский лидер не смог осуществить интеграцию регионов и наладить справедливое распределение доходов, а также не смог ослабить племенные устои. В результате начавшаяся в соседних странах «арабская весна» пробудила в Ливии нерешённый конфликт вокруг распределения власти и доходов и привела к гражданской войне. Тем не менее, это же столкновение интересов не позволяет конфликтующим сторонам образовать независимые друг от друга государства, которые могли бы мирно сосуществовать, а не находиться в состоянии постоянной борьбы за наиболее важный экономический ресурс – нефть.

Ключевые слова: Ливия, нефть, внутренняя политика, Каддафи, ас-Сануси, гражданская война

THE IMPACT OF OIL FACTOR ON INTEGRATION PROCESSES IN LIBYA

Anna D. Manafova, Ilya A. Orlov

Abstract: Despite the fact that oil discovery in Libya transformed this country, bereft of reliable source of income, into one of the fastest growing economies in Africa, the role of oil in Libya's history was not exclusively positive. In this research, we demonstrate that oil not only created the basis for state-building in Libya, but it also changed drastically its integration processes and doomed it to internal struggle. The decision to change Libya into a unitary state and gradual transfer of power to the oil-rich eastern province was opposed by Tripolitania, the most populated part of the country. This was one of the reasons behind the success of the coup in 1969. Coming to power, M.Gaddafi tried to stop the centrifugal processes. One of the measures was a centralization of oil production. However, M.Gaddafi failed to integrate the country and to diminish the power of tribalism. As a result, the Arab Spring awakened the latent struggle for revenue sharing and triggered the start of a civil war. Still, this struggle also keeps the parties from disintegration into independent states, as those would not be able to co-exist peacefully without the constant fight for their most valuable economic resource that is oil.

Keywords: Libya, oil, domestic politics, Gaddafi, King Idris I, civil war

Введение

История Ливии во второй половине XX в. и в начале XXI в. изобиловала различными политическими и экономическими событиями, что привлекало интерес ряда учёных, таких как В. В. Наумкин [Наумкин 1988], А. З. Егорин [Егорин 1999], Д. Вандевалле [Vandewalle 2012], которые по-разному объясняли процессы, происходящие в данной стране. В том числе немало внимания было уделено внутренней интеграции Ливии. Особенность данной работы заключается в том, что она посвящена, главным образом, изучению влияния нефтяного фактора на процессы интеграции. Целью работы является изучение влияния нефтяного фактора на

интеграционные процессы внутри Ливии. Для достижения цели в работе последовательно решается ряд задач. В первую очередь, выявляются особенности формирования ливийского государства и даётся характеристика экономическим и социально-политическим изменениям в Ливии, к которым привела разработка нефтяных месторождений. Далее рассматриваются происходившие на этом фоне попытки правительств И. ас-Сануси и М. Каддафи централизовать власть в стране и интегрировать её исторические области. В конце работы показывается роль нефтяного фактора в начавшейся в 2011 г. гражданской войне.

История Ливии до независимости

Ливия – это самая восточная страна Магриба, которая исторически делится на три области (см. рис. 1). Триполитания (Тарабулус) располагается на побережье Средиземного моря на северо-западе страны. Киренаика (Барка) располагается на побережье на северо-востоке, однако позже в неё стали включать Ливийскую пустыню, северную часть Сахары, которая простирается далеко на юг от исторической Киренаики вдоль границы с Египтом. Феццан (Фаззан) является самой малонаселённой областью, располагающейся на юго-западе страны и не имеющей выхода к морю.

Рис. 1. Исторические области Ливии.

Триполитания, Киренаика и Феццан входили в состав Османской империи, но с 1912 г., после окончания итало-турецкой войны, стали итальянскими колониями. Тем не менее, номинальная власть Османской империи в этих областях частично продолжала осуществляться, потому что, по согласованию с итальянским королём, турецкий султан назначал в этих итальянских колониях кади – судей, которые судили, в соответствии с исламскими предписаниями, на основе шариата [Наумкин 1988: 171]. Жители всех трёх областей сопротивлялись проникновению власти Итальянского королевства. Триполитанцы не смогли организовать единый фронт сопротивления, зато приверженцы суфийского тариката сануситов, возглавляемые шейхом Омаром аль-Мухтаром, не давали итальянцам закрепиться в Киренаике [Егорин 1999: 46-47]. Но в 1923 г. к власти в Италии пришёл Бенито Муссолини. С тех пор, в связи с экспансионистской идеологией и стремлением «восстановить империю», колониям стали уделять больше внимания. Контроль метрополии усилился. В 1934 г. Триполитания, Киренаика и Феццан были объединены в Ливию.

В 1943 г. итальянские войска были выбиты из Ливии англо-французскими силами. После окончания Второй мировой войны Киренаика и Триполитания перешли под контроль Англии, а Феццан – Франции.

В 1949 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, которая провозглашала необходимость предоставления независимости Ливии до 24 декабря 1951 г. Ливия провозгласила свою независимость и стала конституционной монархией. Королём был провозглашён Идрис ас-Сануси, который был эмиром Ливии с 1947 г., а также во времена итальянского владычества до прихода к власти фашистов.

Таким образом, новое федеративное государство Соединённое Королевство Ливия включало в себя три исторические области, каждая из которых имела особенный племенной состав и культурную специфику, а также свою историю борьбы с итальянскими колонизаторами.

Правление короля Идриса I и начало добычи нефти

В период правления короля Идриса три района страны продолжали существовать как отдельные образования. У них не

было единой идеологической и политико-экономической базы [Vandewalle 2012: 43]. Их население никогда совместно не боролось за независимость. Не существовало и политических партий, которые могли бы создать идеологическую платформу, способную стать базисом для их объединения или организации. Государственные институты в их современном понимании практически отсутствовали, базой экономико-политических отношений оставалась племенная система. Король Идрис был родом из Киренаики и, как отмечают историки, был мало заинтересован в проведении жёсткой политики по централизации государства [Vandewalle 2012: 47–49]. Три области даже торговали не столько между собой, сколько с другими своими соседями – Киренаика с Египтом, Триполитания и Феццан – с Италией и Алжиром.

На начало 1950-х гг. пришлось и зарождение ливийской нефтегазовой отрасли. Принятие двух законов – Закона о полезных ископаемых (1953 г.) и Закона о нефти (1955 г.) открыло Ливию для иностранных инвестиций в разведку нефти и газа.

Важно отметить две особенности Закона о нефти [Закон о нефти ... 1955]. Во-первых, он наделял местные власти трёх регионов широкими правами в нефтегазовой сфере. Главным регулирующим сектор органом становилась Комиссия по нефти, в составе которой был один представитель центральной власти и по одному представителю от каждой из четырёх экономических зон страны (в Киренаике выделили северную и южную зоны). Таким образом, закон отражал существовавшее положение дел – автономию федеральных регионов королевства.

Во-вторых, закон оказался на удивление продуманным и современным, так как его авторы успешно решили ряд важных задач [Закон о нефти ... 1955]: 1) привлечь большое количество иностранных компаний (16 компаний к 1960 г.), обеспечив конкуренцию на рынке [Report of a Mission ... 1960: 60]; 2) стимулировать компании быстрее вести разведку и не откладывать запуск добычи сырья; 3) на начальном этапе решить проблему распределения полномочий федеральных и региональных властей, через учреждение упомянутой Комиссии по нефти. Однако в Законе о нефти не было установлено, как будут распределяться доходы от экспорта, ведь продажа нефти за рубеж началась не сразу, а к 1955

г. эта отрасль наоборот требовала расходов федерального бюджета [Закон о нефти ... 1955].

В первые годы после начала разведки нефти международные эксперты сдержанно оценивали потенциал Ливии как нефтепроизводителя [Report of a Mission ... 1960: 5]: ситуация на мировом рынке нефти не способствовала появлению новых игроков. Однако хорошая законодательная база, высокое качество и дешевизна ливийской нефти, успех по привлечению высокопрофессиональных кадров из-за рубежа и внешняя конъюнктура в виде роста потребления нефти в Европе и арабо-израильской войны 1967 г. позволили ливийцам быстро занять подобающее им место на рынке [BP Statistical Review].

В период с 1956 по 1961 г. были открыты крупные нефтяные месторождения: Зелтен, Амаль, Сарир, Рагуба. Все они относятся к бассейну Сирт, который, что важно, залегает на границе между Киренаикой и Триполитанией. В 1961 г. Ливия начала коммерческую добычу нефти, а к 1969 г. показатель добычи вырос до 3,1 млн барр./день [Ергин 2012: 391].

К тому времени на нефть приходилось 98,7% доходов национального экспорта. Экономика страны росла на 20% в год, её подушевой ВВП подскочил с 50 долл. США в 1960 г. до 1200 долл. США в 1969 г. [Vandewalle 2006: 50].

Курс на централизацию

Приток нефтедолларов запустил в Ливии интеграционные процессы. Рост доходов естественным образом подталкивал элиты к борьбе за свою долю «нефтяного пирога» и мотивировал центральную власть укреплять своё влияние во всех трёх провинциях, чтобы направить денежные поступления в федеральный бюджет.

Рост экономики привёл к ускоренной индустриализации и урбанизации, а вместе с этим укрепил экономическую самостоятельность государства и усилил поддержку зародившейся идеологии арабского национализма. Созданию крепкого национального государства мешало федеративное устройство, потому что растущие нефтяные доходы не поступали напрямую в федеральный бюджет, тем самым ограничивая возможности федеральной власти [Турьинская 2015: 20].

В 1963 г. Идрис ас-Сануси инициировал изменения в конституции и сменил федеративное устройство государства на

унитарное [Vandewalle 2006: 51]. С тех пор области Триполитания, Киренаика и Феццан уже не являлись более субъектами федерации и лишились собственных самостоятельных органов власти. Реформа сделала нефть национальным достоянием государства, а правом распределения доходов стала обладать центральная власть в лице короля. В этом же году была упразднена Комиссия по нефти, а её полномочия перешли к созданному в 1960 г. министерству нефти, которое уже не отражало интересы упразднённых регионов. Был создан Центральный банк Ливии, который стал важным инструментом централизации нефтегазовой отрасли.

Примечательно, что большинство нефтяных запасов Ливии находятся именно в Киренаике, откуда происходит род короля. Министр нефти стал работать в городе эль-Бейде – центре древнего тариката сануситов. В эль-Бейду также был запланирован перенос столицы [Турьинская 2015: 20], несмотря на то, что население официальной столицы (Триполи) было в несколько раз больше.

Все эти социально-политические тенденции не могли быть положительно восприняты триполитанцами, которые составляли большую часть населения страны. Ослабление влияния Триполитании на ливийскую политику наряду с возрастающей ролью иностранного капитала, увеличением значения компаний из США, а также сосредоточением доходов от нефти в руках центральной власти, стали поводом для антимонархического военного переворота 1969 г., который возглавил триполитанец, капитан войск связи Муаммар Каддафи.

Таким образом, открытие нефтяных месторождений и ускоренная добыча нефти создали возможность для построения экономически независимого государства, однако переход к унитарной форме государственного устройства и централизация власти, обусловленные желанием контролировать доходы от нефти, вызвали недовольство значительной части населения, создав условия, при которых государственный переворот не встретил сопротивления.

Административная политика Каддафи

М. Каддафи, пришедший к власти после военного переворота 1 сентября 1969 г., будучи уроженцем Триполитании, напротив, решил сохранить за родным регионом ведущий политический

статус. Режим Каддафи продолжил политику, направленную на строительство унитарной системы государства.

Новый лидер Ливии столкнулся с оппозицией в регионах, особенно в Киренаике, поэтому стал придерживаться более жёсткой, репрессивной внутренней политики. В декабре 1969 г. был издан указ «О защите революции», согласно которому наказанием за любое насильственное сопротивление новому правительству была смертная казнь, а за контрреволюционную пропаганду и организацию протестов предполагалось тюремное заключение [Товмасын 1980: 143]. Для вынесения подобных приговоров был создан специальный военный трибунал.

По всей стране было подавлено несколько контрреволюционных заговоров. Один из них организовал родственник короля Абдаллах Абид ас-Сануси. Несмотря на то, что заговорщики планировали начать свою операцию в Феццане, они рассчитывали на поддержку населения Киренаики [Товмасын 1980: 143]. Для последующей борьбы с угрозой внутреннего сопротивления в 1972 г. был издан закон, запрещающий забастовки и демонстрации, а также вводивший контроль над прессой [Наумкин 1988: 192].

В первые годы руководства государством М. Каддафи сочетал политику по централизации государства и подавлению оппозиции с мерами по ослаблению влияния племенной структуры на внутреннюю политику страны. Он провёл реформу, поставив во главе местных администраций выходцев из менее влиятельных племён и отстранив от руководства вождей крупных кланов. В результате усиливалась единоличная власть лидера страны.

Кроме того, за период своего правления М. Каддафи шесть раз поменял административно-территориальное устройство Ливии: в 1979, 1980, 1992, 1994, 2004, 2007 гг. Это делалось для того, чтобы перераспределять власть и не давать возможность местным властным структурам восстановить своё исконное влияние в исторических областях [Турьинская 2015: 19].

Однако политика полковника Каддафи не всегда была последовательной, во многом из-за того, что сохранить власть, полностью отказавшись от поддержки «на местах» было попросту невозможно или крайне сложно в существовавших социально-экономических условиях. Поэтому в трудные для себя периоды,

сталкиваясь с политическими и экономическими сложностями, угрожавшими правящему режиму, М. Каддафи искал поддержки племён.

Уже к концу первого десятилетия правления государством М. Каддафи решил опереться на родное племя и ряд других кланов, предоставив их членам большое количество высоких позиции во властных структурах. Более того, в 1993 г., когда экономика страны оказалась под колпаком международных санкций, в Ливии была создана система народного лидерства, государственная организация, целью которой было включение племенных вождей в управление страной. Новая децентрализованная административная структура ознаменовала очередной этап усиления племенной власти [Vandewalle 2008: 109-110].

Таким образом, М. Каддафи не удалось трансформировать племенную систему политико-экономических отношений. При этом авторитарный режим не был способен модернизировать экономику и создать устойчивые государственные институты, аналогичные институтам развитых стран: ведь приток нефтедолларов и без специальных институтов позволял заглушить социально-политические проблемы страны.

Нефтяная политика М. Каддафи

Нефть, являвшаяся основой экономики Ливии, по большей части находилась под контролем иностранных компаний. Эта ситуация категорически не устраивала нового национального лидера. Однако если бы М. Каддафи с приходом к власти тут же национализировал весь иностранный капитал, то вызвал бы сильную негативную международную реакцию. Ведь как только он совершил переворот, военные силы на базах США и европейских стран, располагавшихся в Ливии, некоторые из которых находились в непосредственной близости от столицы, были приведены в полную боеготовность. Поэтому, как только М. Каддафи пришёл к власти, он гарантировал соблюдение международных договоров и неприкосновенность иностранных владений [Исаев, Даушвили 2008: 379], однако впоследствии нарушил свое обещание.

Ливийский лидер проводил резкую политику, направленную на снижение влияния иностранных компаний на национальный нефтегазовый комплекс и увеличение доходов от продажи нефти. В

1971 г. по инициативе Ливии ОПЕК подняла цены на нефть до 3,45 долларов США за баррель. После этого М. Каддафи начал добиваться более выгодных условий распределения прибыли от иностранных компаний. Ливийское правительство стало национализировать контрольные пакеты акций американских корпораций, и к 1974 г. собственность самых крупных и влиятельных из них (Shell, Exxon, Техасо) была национализирована полностью [Исаев, Даушвили 2008: 380]. В 1973 г. случился мировой нефтяной кризис, сопровождаемый подъёмом цен на чёрное золото. Все эти факторы привели к тому, что среднегодовые доходы ливийского государства от продажи нефти с 1972 по 1975 гг. увеличились примерно в шесть раз, при том, что объём экспортируемой нефти сильно не изменился [Исаев, Даушвили 2008: 381].

При М. Каддафи руководство нефтегазовой отраслью страны осуществлялось через Национальную нефтяную корпорацию Ливии (ННК) [NOC History Brief 2017], которая отвечала за всю цепочку от разведки до экспорта ливийских нефти и газа. Доходы от продажи проходили через Центральный Банк Ливии. Обе структуры базировались в Триполи и полностью подчинялись М. Каддафи. Таким образом, центр распределения нефтегазовых доходов находился в Триполитании, которая стала главным бенефициаром нефтегазового экспорта.

При этом подавляющее большинство ливийских углеводородов добывали в Киренаике и Феццане (см. рис. 2). А Триполитания же с точки зрения нефтедобычи важна лишь тем, что через её порты проходит 37% добываемой нефти. В период перед революцией 2011 г. на нефтяной бассейн Сирт приходились оставшиеся 63% экспортируемой нефти [Libya's Zawiyah export ... 2013], а также ни много ни мало 80% доказанных запасов нефти государства и почти 90% добычи углеводородов [Country Analysis ... 2017].

При М. Каддафи Ливия пошла на национализацию нефтегазовых активов иностранных корпораций и инициировала повышение цен на нефть странами ОПЕК. Благодаря этому выросли доходы бюджета от экспорта. Однако система распределения полученных доходов не отвечала интересам части элиты и не соответствовала географии расположения углеводородных ресурсов на территории страны.

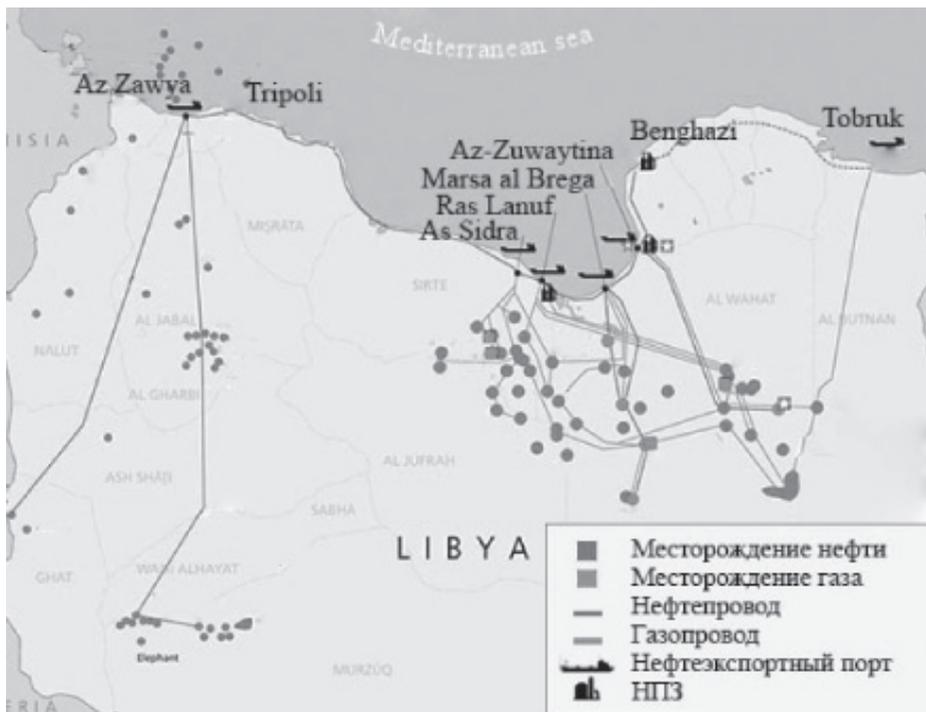

Рис. 2. Нефтегазовая инфраструктура Ливии.

Последствия нерешённого интеграционного вопроса

К свержению власти М. Каддафи привели многие факторы, и один из них – недовольство племенных элит страны системой распределения доходов от нефти и газа [Alaaldin 2011]. Конфликт между племенами Киренаики и Триполитании стал важной причиной для начала конфликта [Коротаев 2012: 9].

При этом высокая фрагментированность племенной системы каждой из трёх провинций и в особенности Киренаики при отсутствии центральной власти привели Ливию к состоянию хаоса и гражданской войны с многочисленными акторами.

Расположение нефтегазовых запасов создаёт условия для образования двух экономических и политических полюсов в Ливии – «западного» и «восточного». Ведь в стране по сути всего два центра добычи – месторождения Сирта на востоке и месторождения района Феццан на западе.

Однако тот же географический аспект при более подробном рассмотрении не позволяет ни одному из трёх исторических районов, даже наиболее богатой углеводородами Киренаике, безболезненно наладить независимую добычу и экспорт нефти. Так, на историческую территорию Триполитании протягивается лишь часть бассейна Сирта, от которого триполитанцы не захотят отказываться. Кроме того, нельзя забывать о неоднородности и несогласованности элит внутри каждого из трёх районов, клановые устои которых остались настолько сильными, что работа любого месторождения/НПЗ/трубопровода зависит от тех племён, которые проживают в районе расположения этого объекта.

Другой преградой для чёткого разделения страны на два противостоящих района стало то, что племена и группировки, контролирующие отдельные объекты нефтегазового сектора, не влияли на финансовые потоки от продажи нефти, так как иностранные компании продолжали сотрудничать с ННК и Центральным Банком, которые базируются в Триполи.

Показательно, что летом 2015 г. признанное большинством западных стран правительство Ливии в Тобруке создало свою Национальную нефтяную корпорацию, а затем и свой Центральный банк и на протяжении нескольких месяцев безуспешно пыталось привлечь к сотрудничеству иностранные компании. В начале 2016 г., после формирования (при помощи ООН) правительства национального единства Ливии, две ННК были объединены в одну, равно как и два Центральные Банка.

Также отметим, что ущерб, нанесённый нефтегазовому сектору Ливии не настолько серьёзен, насколько того можно было ожидать от конфликта с таким уровнем жестокости и сложности. Сокращение добычи и экспорта происходило в подавляющем большинстве случаев по причине забастовок рабочих месторождений и портов, либо из-за прекращения функционирования этих объектов в период активных боевых действий. Подрывов инфраструктуры было сравнительно мало, и самые громкие подобные происшествия были связаны с появлением в районе порта эс-Сидр группировок, лояльных организации «Исламское государство» [Pack, Sizer 2016].

Очевидно, что племена как на востоке, так и на западе страны, понимали, что рано или поздно конфликт завершится и им необходимо будет сохранить свою долю в нефтегазовом секторе.

Таким образом, нефтегазовый сектор играет двойственную роль в начавшемся в 2011 г. ливийском конфликте. С одной стороны, все участвующие в конфликте стороны борются за контроль над нефтегазовой инфраструктурой. С другой стороны, политический ландшафт трёх исторических регионов, в связи с многочисленными административными реформами М. Каддафи, был слишком раздроблен, а его акторы показали неспособность к объединению в какие-либо более или менее крупные структуры, могущие побороться за автономию или независимость. Поэтому единственным вариантом возобновления получения доходов от нефтегазовой отрасли для этих структур является сосуществование в рамках одного государства, в чем вырисовывается другая – «объединяющая» – роль нефтегазового сектора.

Выводы

Ливия является одним из примеров молодого послевоенного государства, в котором по воле держав-победителей во Второй мировой войне были объединены три разные по своей истории и экономическо-политической специфике области.

Начатое во второй половине 1950-х гг. развитие нефтегазовой сферы запустило интеграционные процессы внутри Ливии. Созданная в 1955 г. Комиссия по нефти предоставляла элитам трёх районов широкий круг полномочий в нефтегазовой сфере. Однако такое положение дел сохранялось до поступления первых доходов от нефтедобычи.

С одной стороны, нефть оказалась той экономической базой, на которой можно было строить единое государство, что и попытался сделать король Идрис ас-Сануси, сменив форму государственного устройства Ливии на унитарную. С другой стороны, действия короля по усилению Киренаики, откуда он был родом, а также географическое расположение обнаруженных на тот момент запасов сырья привели к смещению центра силы – экономического и политического – на восток страны, что вызвало справедливое недовольство других районов.

Пришедший к власти в результате революции М. Каддафи пытался нивелировать племенной фактор во внутренней политике, при этом усиливая централизацию государства. Экономический достаток, обеспеченный выручкой от продажи углеводородов,

многие годы притуплял проблемы, связанные с неравномерным распределением нефтяных доходов и раздробленностью политической карты Ливии. Однако ряд факторов, в том числе нерешённость вопроса интеграции трёх регионов и неразвитость экономики, привели к падению власти М. Каддафи.

Страна, единство которой держалось на власти лидера, погрузилась в гражданскую войну. Административная политика М. Каддафи лишь усилила фрагментированность ливийского общества. Однако ливийцы унаследовали от предыдущих руководителей централизованную систему добычи и экспорта углеводородов, осуществлявшуюся ННК и Центральным банком. Эта система оказалась на удивление гибкой в период войны. Таким образом, нефтегазовый сектор, за ресурсы которого борются все стороны ливийского конфликта, также остался единственным фактором, удерживающим это государство от распада на множество квазигосударственных образований.

Итоги данной статьи имеют, во-первых, теоретическое значение, поскольку показывают, как важно учитывать географические и экономические условия при анализе интеграционных процессов внутри страны. Во-вторых, проведенное исследование имеет практическое значение, потому что даёт читателю более четкое представление об особенностях внутренней интеграции ливийского государства.

Литература

Егорин А.З. История Ливии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 1999. –563 с.

Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Паблишер, 2012. С. 391.

Закон о нефти (Закон №25 от 1955 г.) [пер. с араб., текст закона] // DCAF. URL: <http://security-legislation.ly/ar/node/35063> (01.11.2017)

Исаев Г.Г., Даушвили Г.Д. Проблемы и стимулы развития энергетики Северной Африки и Ближнего Востока: Иран, Саудовская Аравия, Алжир, Ливия // «Ресурсное проклятие»: Нефть, газ, модернизация общества / Под общ. ред. Н. А. Добронравина, О. Л. Маргания. СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008. – С. 285–394.

Коротчаев А.В. Революция бугров и разломов // Эксперт. 2012., № 30-31. С. 7–10. Наумкин В.В. Новейшая история арабских стран Африки. 1917–1987. М.: Наука, 1988. – 472 с.

Резолюция 4-й сессии Генеральной ассамблеи ООН: 289 (IV) Вопрос о судьбе бывших итальянских колоний // ООН. 21.11.1949. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/052/84/IMG/NR005284.pdf?OpenElement> (01.11.2017)

Товмасын С.А. Ливия на пути независимости и социального прогресса. М.: Наука, 1980. – 208 с.

Турьинская Х.М. Ливия: возможен ли возврат к федерализму? // Азия и Африка сегодня. 2015. – №8. – С. 18–23.

Alaaldin, F. How Libya's tribes will decide Gaddafi's fate // The Telegraph, 04.03.2011. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/libya/8361279/How-Libyas-tribes-will-decide-Gaddafis-fate.html> (01.11.2017)

BP Statistical Review of World Energy June 2017 // BP, 2017.

Country Analysis Brief: Libya // Energy Information Agency, 2017.

Libya's Zawiya export terminal resumes loadings of Sharara crude // Platts, 24.09.2013.

NOC History Brief // National Oil Corporation, 2017. URL: <http://noc.ly/index.php/en/about-us-2> (01.11.2017)

Pack J., Sizer L. ISIS Fuels Discord in Libya // Foreign Affairs, 17.05.2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/libya/2016-05-17/isis-fuels-discord-libya> (01.11.2017)

Report of a Mission Organized by the International Bank for Reconstruction and Development: Economic development of Libya // International Bank for Reconstruction and Development World Bank. 1960. С.60. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/573751468757209997/pdf/multi-page.pdf> (01.11.2017)

Vandewalle D. History of Modern Libya // Cambridge University Press. 2012. С. 43.

Vandewalle D. Libya since 1969: Qadhafi's Revolution Revisited // Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2008.

Vandewalle D. Libya Since Independence: Oil and State-Building // I.B. Publishers. London. 2006.

ФАКТОРЫ УПАДКА МИЛЛЕТНОЙ СИСТЕМЫ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Матросов В.А.

Аннотация: Миллетная система в Османской империи не только предполагала формальную автономию немусульманских конфессиональных общин в рамках государства, но определяла образ жизни и социальную модель, затрагивающую все внутренние сферы социума. Официально система сохранялась вплоть до крушения Османской империи, но уже к рубежу XIX-XX вв. в силу ряда факторов реальное разграничение между общинами-миллетами начало исчезать. Виной тому было несколько факторов как политического, так и идеологического характера. В начале XX в. политические интересы и становление идеологий нового типа вытеснили миллетную систему с исторической арены.

Ключевые слова: миллетная система, Османская империя, немусульманские общины, Левант, внутренняя автономия

FACTORS OF THE DECLINE OF THE MILLET SYSTEM IN THE OTTOMAN EMPIRE

Valeriy A. Matrosov

Abstract: The Millet system in the Ottoman Empire not only supposed formal autonomy for non-Muslim communities within the state, but also determined their lifestyle and social model, which affected all inner spheres of social life. This system officially existed till the collapse of the Empire, but in fact, the distinction between millet communities had already begun to disappear at the turn of the 19th and 20th centuries. It happened due to some factors of political, ideological, social character. At the beginning of the 20th century political interests of different actors and formation of new-styled ideologies dislodged the Millet system from the historical arena.

Keywords: the Millet system, the Ottoman Empire, non-Muslim communities, Levant, inner autonomy

Введение

В жизни стран Ближнего Востока религиозный фактор играет ключевую роль. Он определяет принадлежность человека к той или иной общине – а значит зачастую к той или иной страте общества, профессии, социальной прослойке. Иерархия внутри общин и между ними вырабатывалась веками, и статус немусульманских сообществ всегда оставался несколько неясен. Даже положения договора о покровительстве (*зиммы*)-*зиммы* халифа Умара с христианами Иерусалима, считавшегося каноническим юридическим текстом в этой области, регулярно пересматривались и изменялись.

Одной из наиболее успешных практик управления немусульманскими общинами можно считать миллетную систему, кодифицированную в законах Османской империи. Некоторые элементы этой системы живы до сих пор – для ряда общин Ливана, друзов в Сирии или Израиле слово «миллет» подошло бы в качестве характеристики общественного устройства как нельзя лучше.

Поскольку вопрос управления обществом на многоконфессиональном Ближнем Востоке является неизменно актуальным, таким же остаётся и изучение старых моделей устройства этого общества. В западной науке анализ состояния миллетной системы в XIX в., в период её упадка, представлен рядом исследований [Masters 2011: 130–168, Quataert 2005: 188–192, Karpat 1985: 45–59 и т.д.], однако в отечественном востоковедении специальных работ крайне мало.

В данной статье миллетная система будет рассматриваться лишь на примере Леванта. Под словом «Сирия» имеется в виду Историческая Сирия в составе ряда современных государств Ближнего Востока, под словом «Ливан» – Горный Ливан.

Формирование и развитие миллетной системы до XIX в.

Миллетная система, предполагающая внутетерриториальное административное управление немусульманскими общинами в Османской империи, формировалась, как и основная масса прочих управленческих институтов и практик, в XV–XVI вв. [Карташян 2015: 175]. Наибольшее распространение она получила на Балканах и в Леванте, где, собственно, и проживали основные немусульманские общины империи.

Миллетная система представляла собой новую стадию в развитии классической исламской *зиммы* («договор о покровительстве»)

– системы отношений между властями и немусульманскими общинами, сложившейся в ранний период существования Халифата, при которой христиане и иудеи признавали подданство в отношении мусульманских властей, платили подать и выполняли ряд правил, в обмен на что получали защиту и признание.

На Ближнем Востоке *зимма* в классическом виде изжила себя при мамлюках: мамлюкские эмиры по-прежнему собирали налоги, но ни неприкосновенности имущества, ни безопасности жизни христиан и иудеев они не могли гарантировать. Одно время они даже пытались превратить в вакуфную собственность могилы иудейских пророков – чтобы взимать плату за их посещение в пользу мечетей и собственной казны [Раввин Мешулам 2014: 216–217]. Нашествие Тимура и отсутствие внятной религиозной политики привели к тому, что на месте прежних отношений покровителей-мусульман и защищаемых ими *зиммиев* возникли автономные общины. И по мере того, как эмиры в каждом крупном городе сменялись всё быстрее и быстрее, главы общин брали власть в свои руки.

Этот период важен ещё и тем, что в первой половине XV в. тенденция восточных общин к униатству и к поиску покровительства далеко за морем достигла апогея. Униатство, правда, было номинальным: когда в 1470-х гг. из Рима прибыла миссия, целью которой было расследование состояния дел в Горном Ливане, выяснилось, что в каждом городке, при каждом монастыре существует богословская школа, и что в Ливане процветает несколько десятков уникальных, непохожих друг на друга учений, которые пришлось признать «ересями» [Moosa 2005: 238].

Собственно, когда в 1516 г. турки-османы захватили Сирию, им досталась страна со сложной этно-конфессиональной ситуацией и очень разобщёнными сообществами, относящимися к разным религиям, конфессиям, течениям, сектам. Миллетная система не стала осознанной политикой ассимиляции коренного населения – скорее, это был комплекс мер, направленных на подчинение ближневосточного общества в том виде, в каком оно и существовало [Карташян 2015: 176].

Формально миллетная система до XIX в. предполагала существование внутерриториальных общин-миллета – греко-православных, армянских и иудейских. На деле каждая уважающая себя конфессия и течение пользовались широкой автономией и от

глав трёх упомянутых общин, полагаясь в вопросах юриспруденции и образования на собственных лидеров; это способствовало глубокой консервации общества [Hitti 1951: 671].

Упадок миллетной системы и политика

В качестве общего фактора распада миллетной системы как системы закрытых автономных общин можно выделить уже то, что общины никогда не были совершенно закрытыми. Принадлежность к той или иной религии или конфессии зачастую диктовалась политическими или социальными соображениями. Даже друзья, славившиеся своей отчуждённостью от внешнего мира, приняли в свои ряды многие суннитские кланы – например, некоторых представителей клана Шихабов, будущих правителей Горного Ливана [Hitti 1928]. Шихабы возводили свою родословную к курайшитам, и если учесть, что с друзьями не слишком считались в исламском мире, их родство с сопленниками Пророка определённо прибавляло им вес в глазах мусульман. Сам по себе переход из общины в общину, по-видимому, не был чем-то из ряда вон выходящим. Величайший представитель Шихабов, эмир Башир II, суннит по рождению, в пору правления принял христианство маронитского толка, чтобы успешно противостоять крупному друзскому роду Джумблатов.

Роль политического фактора в XVIII-XIX вв. стремительно росла, поскольку за спиной каждой общины стояла иностранная держава. Покровительство меньшинствам позволяло великим державам вмешиваться во внутренние дела Османской империи и разрешать собственные противоречия. Так, в том же Горном Ливане маронитская община пользовалась неизменной с XII в. поддержкой со стороны Франции, а друзья – со стороны Великобритании [Смилянская 1955: 43]. И дело не в том, что в Лондоне сочувствовали друзьям, но в том, что друзья выступали в качестве единственного реально сильного противовеса маронитам в регионе, а значит – единственным противовесом французским интересам.

Вмешательство извне имело два важнейших следствия. Во-первых, великих держав было чуть больше, чем три (а формальных миллетов всё ещё оставалось три), рычагов влияния не хватало; с 1830-х гг. число миллетов начало стремительно расти и к Первой мировой войне достигло 13-ти [Abu Jaber 1967: 214]. В результате миллеты становились слишком зависимы от зарубежной поддержки.

Во-вторых, политика европейских государств вынуждала Стамбул придерживаться курса на уравнивание всех общин в правах. Это, правда, скорее способствовало сохранению миллетной системы: мусульмане были недовольны потерей привилегированного статуса, и немусульманам по-прежнему приходилось держаться обособленно [Douwes 2000: 80].

Само собой, дробление миллетов и попытка уравнивать их представителей между собой и с большинством населения империи так и не позволили решить прежние споры территориального и экономического характера. Наиболее трагические события сотрясли Ливан и Дамаск в 1860 г.: сначала в Горном Ливане состоялась взаимная резня друзов и маронитов, затем в Дамаске произошёл разрушительный погром христианского квартала [самое раннее и интересное описание: Churchill 1862; в отечественной литературе достаточный анализ предлагает И.М. Смилянская: Смилянская 1955].

Для устранения дальнейших неурядиц был введён режим *мутасаррифийи*. *Мутасаррифийя* в османской административной практике предполагала наличие небольшой территориальной единицы, правитель которой (*мутасарриф*) был подотчётен непосредственно султану. Однако после событий 1860 г. в Горном Ливане и санджаке Иерусалим был сделан дальнейший шаг: в качестве *мутасаррифов* назначались представители лидирующих кланов маронитской и греко-православной общин [Hitti 1951: 695]. Такое нововведение было попыткой привязать внутритерриториальную систему управления ко вполне территориальным единицам.

Положение в Ливане было двояким. С одной стороны, маронитская община проживала довольно компактно (на тот момент, вне Ливана на территории империи была лишь кипрская община маронитов), и привязка миллетной внутритерриториальной системы к конкретной административной единице прошла относительно успешно. С другой стороны, представители других конфессий, и, прежде всего, друзы, выразили явное недовольство. Одно время стамбульские власти даже пытались разделить Горный Ливан на две *мутасаррифийи* сразу, но вскоре проект был свёрнут [Moosa 2005: 285]. В 1861 г. было постановлено учредить Административный совет Горного Ливана, в него входили по два представителя от каждой из

крупнейших общин – маронитов, друзов, суннитов, шиитов, греко-православных и греко-католиков. Должность *мутасаррифа* носила более-менее номинальный характер [Simon 1995: 33].

На деле марониты воплотили в себе идеал общины-миллета: они жили довольно автономно и мало-помалу разрабатывали собственный концепт Великого Ливана. Друзы к концу XIX в. стали играть меньшую роль, поскольку крупнейшие кланы погрязли в распрях друг с другом. Наиболее показательным стал мятеж рода ал-Атраш в 1909-1910 гг.: властям даже не пришлось его подавлять, поскольку отдельные ветви клана не смогли договориться о будущем разделе власти и влияния, и восстание против Османской империи переросло в обычную междоусобицу [Котлов 1986: 65–66].

То есть в Ливане миллетная система воплотилась в маронитской общине, а формирование *мутасаррифийи* снабдило маронитов набором политических институтов и управленческой практикой современного типа, что позволило впоследствии Ливану остаться довольно консолидированной единицей (с некоторыми оговорками, рассмотрение которых не входит в предмет этой статьи).

В то же время в Иерусалиме введение режима *мутасаррифийи* оказалось менее удачным. Греко-православный патриархат возглавляли, само собой, греки, в то время как подавляющее большинство православной общины Иерусалима состояло из арабского населения. Лишённые права хотя бы избирать патриарха и представителей церковной верхушки, палестинские арабы в 1909-1910 гг. бойкотировали религиозные мероприятия, включая Пасху, а христианская пресса (благодаря отмене младотурецким правительством ряда цензурных ограничений) позволяла себе в негативных выражениях рассматривать внутренние дела миллета [Котлов 1986: 54–55].

Греко-православный миллет при попытке хотя бы частично определить его территориальные границы оказался непрочной конструкцией. И большая роль в этом принадлежала ключевому фактору социальных процессов в Леванте на рубеже XIX-XX вв. – становлению националистических движений.

Миллетная система и идеологический фактор

Строго говоря, на эволюцию миллетной системы оказали существенное влияние три крупных идеологии – османизм, арабский

национализм и пантюркизм. Общим для всех идеологий было уже то, что они выстраивались на не-религиозной основе, тогда как миллетная система базировалась на том, что основной формой увязывания между собой различных элементов общины была их единая религиозная принадлежность.

Идеология османизма восходила к тому же этапу исторического развития, что и комплекс мер по уравниванию в правах мусульман и немусульман империи. Собственно, османизм в какой-то степени можно считать попыткой примирить мусульманское большинство с потерей их привилегированного положения, обосновать их равенство с «неверными» [Khoury 1983: 53–54]. И в ряде городов Леванта среди интеллигенции эти идеи были подхвачены арабами. Если учесть, что многие арабы-христиане получали образование на Западе, где впитывали идеи Французской революции и других новаторских учений, османизм, очень схожий с западными концепциями, получил широкое распространение в городах Ближнего Востока [Dowes 2000: 69].

Так или иначе, идеология признания равенства в правах всех граждан империи предполагала в том числе и равенство перед законом. В 1876 г. была принята конституция, которая, правда, закрепила фактическое, локальное разделение на миллеты – её 111-я глава гласила: «В каждом округе {Империи} каждая религиозная община должна возглавляться собственным Советом» [Kânûn-ı Esâsî, madde 111]. То есть, с одной стороны, конституция становилась тем общим законом, перед которым были равны все представители разношёрстного населения, с другой стороны, она оставляла возможности административной автономии для каждой локальной общины. Через год, впрочем, конституция была отменена.

Но и после её отмены, в эпоху «зулума» («тирании») Абдул-Хамида II, происходили некоторые шаги по претворению в жизнь османистской концепции. Например, появлялись локальные спортивные клубы: в Дамаске, Бейруте, Иерусалиме и других крупных городах формировалось нечто вроде городских сборных. Ещё важнее то, что у стран Европы была заимствована практика детских садов, а детские сады устраивались общими для представителей всех религий и конфессий [Late Ottoman Palestine 2011: 70-71]. Это означало, что уже в юном возрасте на воспитание

ребёнка непосредственное влияние оказывали не только родители, но и воспитатели, предрасположенные к светскому османизму.

Арабский национализм как идеология противостояния центральной власти Стамбула и попытка сформировать идеологию исключительности арабоязычащих жителей империи, безусловно, также сильно пошатнул позиции миллетной системы. В числе арабоязычащих были и мусульмане, и христиане, и «родные» палестинские иудеи, которых, в отличие от европейских сионистов, признавали полноправной частью общества. Более того, многие из первых деятелей арабского национализма были немусульманами, а одним из центров его становления стал Ливан [Зеленев 1990: 18].

Среди активистов арабского национализма были и идеологи, и культурные просветители, и они привносили в городскую образованную среду новые книги и театральные постановки, вдохновенные стихи, которые, так или иначе, влияли на саму систему ценностей. Ускорению прогресса мешал низкий уровень грамотности; становление новой идеологической системы происходило исключительно в крупных городах с развитой печатью [Котлов 1986: 170]. Уже после отделения Сирии от Османской империи новый фактический правитель Леванта, эмир Файсал, указывал на то, что все беды арабской нации – от её невежества и необразованности [لصيف ري مأل ا ةب طخ 1997: 14-15].

Пантюркизм оказал на миллетную систему косвенное влияние: дело в том, что обитатели Леванта не столько увлеклись его идеями (к большей части их самих не имевшими никакого отношения), сколько искали средства противостояния тюркизму – как, кстати, и сионизму [Котлов 1986: 198]. В этой борьбе развивались пресса и общественная мысль, что позволяло сплотить между собой общины в крупных городах.

В годы Первой мировой войны пантюркистское правительство, опасаясь роста сепаратистских настроений у не-тюркских народов, начало политику депортации, забив в крышку гроба миллетной системы последний гвоздь. Несколько тысяч семей сирийских мусульман были переселены в Анатолию, большинство христиан Анатолии – в Сирию. Курдов и друзов, а также последователей христианских конфессий расселяли по разным городам и районам так, чтобы ни в одном районе не скапливалось много представителей

одной общины [Findley 2005: 149]. В каждом крупном городе сложилось довольно разнородное общество, для которого миллетная система утратила всякую актуальность. Общая неразбериха была подкреплена притоком беженцев, и уже к моменту отделения Ближнего Востока от Османской империи говорить о миллетной системе как об упорядоченной политической программе или как хотя бы о более-менее внятном комплексе мер и практик в отношении немусульман не приходилось.

Заключение

В течение четырёх столетий немусульмане Османской империи не только находились под покровительством мусульманских властей, освобождались от военной службы, но и всячески оберегались в обмен на подушную подать и соблюдение ряда правил, как то было в период классической *зиммы*. Они обладали довольно широкой автономией в судопроизводстве, образовании и в частной жизни, а главы их общин – миллетов – отвечали за своих подотчетных непосредственно перед самим султаном.

Правда, с самого начала формальная миллетная система и фактическая миллетная система значительно разошлись: формальных трёх общин было бы мало, чтобы охватить всех немусульман империи. Вскоре выявились и другие изъяны, связанные как с политическими, так и с идеологическими факторами.

До XIX в. внутривнутриполитический фактор играл решающую роль: принадлежность к общине-миллету определяла статус лидирующих в разных регионах кланов и их позицию в отношении Стамбула. Переход из общины в общину отчасти подкашивал миллетную систему. Когда к внутренним вопросам добавилось внешнее влияние, общины стали инструментами в руках европейских держав, которые при помощи давления на миллеты (число которых тут же выросло с трёх до тринадцати) пытались оказать воздействие друг на друга и на Стамбул.

Идеологический фактор сводился к тому, что девятнадцатое-двадцатое столетия были эпохой светских националистических учений, на фоне которых устройство общества по религиозному принципу мало-помалу теряло актуальность. Миллетная система, подточенная политическими неурядицами, стала постепенно меркнуть под давлением секулярных идеологий. Последней каплей

стала политика депортаций: жившие веками на одном месте общины были вынуждены сняться с мест и перемешаться, что подорвало традиционные устои общества и уничтожило миллетную систему в большинстве регионов Леванта.

Литература

Зеленев Е.И. Османизм и его роль в общественно-политической жизни Сирии. Вторая половина XIX – начало XX вв. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 98 с.

Карташян А.З. Османская политика в отношении этноконфессиональных меньшинств как модель управления полиэтническим и поликонфессиональным обществом // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 6. – С. 175–181.

Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения в арабских странах Азии, 1908–1914 гг. – М., 1986. – 375 с.

Раввин Мешуллам бен р. Менахем из Вольтерры. Письмо 1481г. // Адлер Э.Н. Дети Вечного Жида: 19 рассказов странствующих еврейских учёных, купцов, послов и паломников. – М.: Центрполиграф, 2014. – С. 179–230.

Смилянская И.М. Крестьянское восстание в Кесруане (Ливан, 1859-1860) // Краткие сообщения института востоковедения. – 1955. – № XIV. – С. 31–45.

Abu Jaber K.S. The Millet System in the Nineteenth-Century Ottoman Empire // The Muslim World. – 1967. – Vol. 57, Is. 3. – P. 212–223. Churchill Ch.H. The Druzes and the Maronites under the Turkish Rule, from 1840 to 1860. – L. : Bernard Quaritch, 1862. – 308 p.

Douwes D. The Ottomans in Syria. A History of Justice and Oppression. – I.B. Tauris Publishers, 2000. – 244 p.

Findley C.V. The Turks in World History. – Oxford University Press, 2005. – 284 p.

Hitti Ph. K. History of Syria: Including Lebanon and Palestine. – L.: Macmillan & co ltd, 1951. – 749 p.

Hitti Ph. K. Origins of the Druze People and Religion (1928). – URL: <http://www.sacred-texts.com/asia/odpr/odpr05.htm> (accessed on 06.09.2016).

Karpat K.H. Ottoman Population 1830–1914. Demographic and Social Characteristics. – University of Wisconsin press, 1985. – 242 p.

Khouri Ph.S. Urban Notables and Arab Nationalism: The politics of Damascus 1860-1920. – Cambridge univ. press, 1983. – 153 p.

Late Ottoman Palestine. The Period of Young Turk Rule / ed. Y. Ben-Bassat, E. Ginio. – I.B. Taurus, 2011. – 320 p.

Masters B. Christians and Jews in the Ottoman Arab World. – Cambridge univ. press, 2001. – 223 p.

Moosa M. The Maronites in history. – New Jersey : Gorgias Press, 2005. – 391 p.

Simon J.J. The Creation of Greater Lebanon, 1918-1920: the Roles and Expectations of the Administrative Council of Mount Lebanon. Thesis for the degree of Master of Arts at the University of Utah, 1995.

Quataert D. The Ottoman Empire, 1700–1922. – Cambridge univ. press, 2005. – 212 p.

Хутбат ал-амир Файсал ‘ала аград ас-саура // Са‘ид Амин. Ас-Саура ал-‘Арабиййа ал-Кубра. Тарих муфассал джами‘ ли-л-кадиййа ал-‘арабиййа фи руб‘ ал-карн 20 м. Ал-Кахира. Мактабат Мабдула, 1997, с. 10 – 15.

Kânûn-ı Esâsî (1876). Электронная версия.

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ОБЩИНА КАК АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВНУТРИ ИЗРАИЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

Мошкова Т.Д.

Аннотация: Предметом данного исследования является русскоязычная община Государства Израиль и ее характерные черты. Автор рассматривает такие аспекты темы как: состав и структура «русской» общины Израиля, отличия «большой алии» 1990-х гг. от первой волны репатриации 1970-х гг., факторы формирования уникальной «русско-еврейской» идентичности у представителей «русской улицы», этапы эволюции русскоязычного медийного пространства в Израиле, формирование «русского» лобби и его перспективы. Основной вывод проведенного исследования: «Русский Израиль», с одной стороны, может положить начало тенденции к развитию принципиально новых форм абсорбционной деятельности, отличных от всех ныне существующих в стране. С другой стороны, для реализации этой задачи необходимо выработать новые структурообразующие элементы общины, усилить «русский» компонент общеизраильских движений и партий и вывести на новый уровень общинную партийную политику.

Ключевые слова: Государство Израиль, русский язык, русскоязычная община, русская улица, медийное пространство, репатрианты, русское лобби

RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITY AS AN AUTONOMOUS FORMATION IN THE ISRAELI SOCIETY

Tatyana D. Moshkova

Abstract: The research subject is the Russian-speaking community of the State of Israel and its peculiarities. The author studies such aspects of the topic as the structure of the Russian community in Israel, the difference between the Great Aliya of the 1990th and the first wave of repatriation in the 1970th, the factors of formation of the unique Russian-Jewish identity, the stages of the evolution of the Russian media space in Israel, the formation of the Russian lobby and its prospect. The

author concludes that the Russian Israel, on the one hand, can establish a tendency to development of essentially new forms of absorption. On the other hand, the realization of this task requires a development of the new structure-forming elements of the community, a strengthening of the Russian component of the Israeli movements and parties and a new level of the communal party policy.

Keywords: repatriates, media space, Russian street, Russian-speaking community, Russian language, The State of Israel, the Russian lobby

Лингвистическая картина Израиля характеризуется высокой степенью политической толерантности, поскольку Израиль является государством, построенным репатриантами из 80 стран мира. Русскоязычная община составляет порядка миллиона человек (из восьми миллионов, проживающих сегодня в стране) и является, таким образом, самой многочисленной [Selected Data from the Social Survey...]. Однако феномен «русской улицы»¹ представляет интерес не только в связи с большим числом ее представителей. «Большая волна» репатриации, начавшаяся в 1990-е гг., включала в себя людей, которые, помимо своего традиционного уклада жизни, который резко отличался от быта выходцев из других стран, привезли с собой культурное наследие страны исхода. Таким образом, они не приняли идею «плавильного котла» [Герцль 1896: 58], а заявляли о необходимости сохранения национальной идентичности и создания русскоязычной общины, являющейся автономным образованием внутри общества Государства Израиль. Суть этой концепции сформулировал известный в Советском Союзе правозащитник и будущий глава одной из «русских» партий Натан Щаранский: «Хватит быть пешкой в чужой игре» [Шапиро 2011: 18].

Целью настоящей работы является определение факторов, которые способствовали формированию «русской улицы» как автономного образования внутри израильского общества. Теме исследования посвящен ряд работ израильских ученых. В частности,

¹ «Русская улица» (в Израиле – общепринятый термин) – устойчивое выражение, синоним русскоязычной общины, «Русского Израиля» или «Третьего Израиля».

В. Ханин придерживается точки зрения, что пик деятельности русскоязычной общины приходится на период «большой волны» репатриации, после завершения которой запустился процесс не формирования, а исчезновения общины как таковой [Ханин 2014: 22]. Та же самая точка зрения приводится Э. Лешемом, который пишет о завершении процесса абсорбции в течение максимум двух поколений [Leshem 2007: 283]. Уровень институционализации «Русского Израиля», несмотря на тот факт, что существует он уже достаточно продолжительное время, действительно остается рыхлым, однако текущая ситуация позволяет утверждать, что русскоязычное сообщество все еще может и должно рассматриваться как долгосрочное явление, которое, безусловно, является общиной. Остается открытым лишь вопрос, обладают ли представители «русской улицы» **классическими** структурными особенностями, присущими общинам.

Становление русскоязычной общины

Сравнивая репатриантов периода «большой алии» с иммигрантами «первой волны» (1970-е гг.), возможно отметить большое количество определенных особенностей «алии 1990-х». Необходимо учитывать тот факт, что все волны репатриации протекали в абсолютно разные периоды внутривосточной обстановки в стране исхода. В течение 1970-х гг. среди репатриантов было большое количество активистов сионистского движения, в частности, участников организации «Узники Сиона». Сионизм в СССР являлся идеологией, враждебной по отношению к государственной, поэтому до конца 1980-х гг. сионистская деятельность в стране была под запретом. Репатрианты 1970-х гг. стремились на «Землю Обетованную», поскольку не могли смириться с положением евреев в СССР, с ущемлением их религиозных и политических прав, а также с проявлениями антисемитизма в той или иной форме [Horowitz 1998: 514].

Для репатриантов периода «большой алии» Израиль мог стать страной, которая безоговорочно обеспечивала бы им помощь. Репатриация произошла, в первую очередь, не из-за сионистских взглядов иммигрантов, а из-за трудных жизненных обстоятельств, в результате которых репатрианты были вынуждены покинуть страну исхода. В отличие от предыдущей волны, «большую алию» в основной

массе составили люди еврейского происхождения, далекие вместе с тем от иудаизма, еврейской культуры, традиций, иврита, сионистской идеологии, почти равнодушных (особенно это касалось молодого поколения) к проблемам еврейского самосознания. В большинстве своем, в среде репатриантов «большой алии» отсутствовало чувство солидарности с коренными жителями Израиля – сабрами [Lissak, Leshem 1995: 22].

Большой процент репатриировался из Молдовы, Закавказских республик, Украины в связи с ухудшением экономической и политической ситуации в этих регионах; при этом у новых *олим* почти полностью отсутствовали идеологические или религиозные причины для репатриации. Подавляющее большинство их были светскими евреями, лишь малая часть (согласно опросам) «соблюдала некоторые традиции» [Adler 1997: 135]. Страх перед политической и экономической нестабильностью в странах СНГ был одной из главных причин, чтобы уехать. Ухудшение экономической ситуации, условий жизни, растущая безработица во многих странах СНГ стали существенными аргументами в пользу алии. Согласно опросам общественного мнения, среди причин отъезда одно из центральных мест занимало желание обеспечить молодому поколению стабильное будущее [Adler 1997: 144]. Примечательно, что среди аргументов в пользу репатриации в иммигрантском сообществе периода «большой алии» отсутствовал аргумент, связанный с проявлениями антисемитизма, что было характерно для алии 1970-х гг. [Al-Haj 1998: 211].

Таким образом, с одной стороны, репатрианты 1990-х гг. гораздо менее идеологизированы, нежели репатрианты предыдущей волны. Вместе с тем, образовательный уровень репатриантов «большой алии» был очень высок. Эта волна репатриации включала большое количество дипломированных и остепененных специалистов. 40,5% репатриантов имели общий опыт обучения 13 лет, в то время как в среде коренных израильтян этот процент намного ниже и составляет 24,2% [Adler 1997: 137]. 60% новых *олим* были специалистами, имевшими высшее образование, среди сабров эта категория составляет 28% [Ременник 2008: 167]. Таким образом, после «большой алии» население Израиля не только в целом увеличилось на 13%, но также на 41% выросло число научных сотрудников,

что вывело страну на первое место в мире по количеству ученых на душу населения [Adler 1997: 143]. Профессиональная структура иммигрантов выглядела следующим образом: 73 тысячи инженеров (это вдвое больше, чем число инженеров-сабров), 15,2 тыс. врачей (это почти эквивалентно количеству израильских врачей), 16,1 тысяч медсестер, 33,6 тысячи учителей, 11,7 тысяч ученых, 15,1 тысяч представителей творческих профессий (артисты, писатели, журналисты) [Leshem, Lissak 1999: 139].

Столь высокий уровень образования, культурный и интеллектуальный потенциал представителей «русской улицы» определили занятость репатриантов в индустрии высоких технологий, в области прикладных технологий, в банковской сфере, в оборонной промышленности, в предпринимательской деятельности [Фельдман 2003: 125].

Становление русскоязычного медийного пространства как основного инструмента лоббирования интересов «русского Израиля»

Несмотря на рыхлый уровень институционализации русскоязычной общины, можно, тем не менее, выделить несколько факторов, формирующих «русскую улицу» сегодня. В первую очередь, речь идет о таком структурообразующем элементе, как СМИ.

Неверным будет утверждение, что до периода «большой волны» репатриации русскоязычная пресса отсутствовала в Израиле как таковая. Более справедливым будет утверждение, что до 1990-х гг. она не представляла собой социокультурный феномен. Целевой аудиторией русскоязычных газет в 1970-1980-х гг. являлся ограниченный круг новых олим, только что прибывших в страну и еще не овладевших ивритом в достаточной степени. Тиражи русскоязычной прессы были невелики, поскольку новые репатрианты нуждались в ней лишь до определенного момента [Lewin 1987: 361]. С началом периода «большой алии» в связи с, во-первых, сильно возросшим потоком репатриантов из России, во-вторых, с тем фактом, что новое поколение репатриантов не было намерено менять свою культурную платформу, информационное поле Израиля начало меняться. С 1990-х гг. оно ориентировалось также и на тех, кто хочет интегрироваться в израильское общество,

но сохранить при этом свою уникальную «русско-еврейскую» идентичность. То есть, в рамках информационного поля Государства Израиль сформировалось более узкое поле, являвшееся своего рода механизмом лоббирования интересов «русской улицы».

Вопрос об идеологической направленности русскоязычной прессы в Израиле остается дискуссионным. Первые несколько лет после своего появления она являлась однозначно правоцентристской [Чемерисова 2006: 8]. Еще до провозглашения Декларации Независимости Израиля, в 1939 г., был основан медиа-концерн «Едиот Ахронот», являющийся и сегодня крупнейшим медиа-холдингом. Под его эгидой, начиная с 1992 г., издается газета «Вести» [Шульга 2000: 65]. Медиа-концерн сформулировал задачи, поставленные перед изданием, следующим образом: во-первых, смысловым ядром «Вестей» должны были стать материалы, посвященные русскоязычным репатриантам и проблемам их адаптации; во-вторых, идеологически газета должна была быть правоцентристской, поскольку «русская улица» в те годы придерживалась правых взглядов.

К концу десятилетия уровень экономического неравенства между русскоязычными израильтянами вырос, что является абсолютно закономерным. Основным фактором, сформировавшим «русский» средний класс, являлся большой процент высококвалифицированных специалистов среди репатриантов «большой алии». В первую очередь, это были представители тех профессий, которые и сегодня востребованы в стране. Результатом расслоения «русской улицы» стал тот факт, что часть ее представителей стала поддерживать левые движения и партии, и сегодня, согласно статистическим данным, лишь половина представителей «русской улицы» продолжает придерживаться правых взглядов [Ханин 2014: 127].

Если говорить о специализации русскоязычных периодических изданий в стране, то необходимо отметить, что самой качественной является аналитическая пресса, причем как экономическая, так и политическая. Кроме того, сегодня уже выросло поколение журналистов, которые пишут на русском языке, но получили образование и состоялись в Израиле. Активность этих журналистов породила следующее явление: для детей, которые родились в семьях

репатриантов «большой алии», уже иврит является родным языком, они растут в ивритоязычной среде, однако при этом понимают важность своей принадлежности к «русской улице» [Olshtain, Kotik 2000: 148]. Как правило, такие дети говорят на двух языках бегло и не хотят становиться полностью израильянами, полагая, что у «русской» общины есть определенная элитарность. Принимая во внимание опыт репатриантов из других стран, было бы логично ожидать, что молодое поколение ивритоязычных журналистов должно было бы полностью интегрироваться в израильское общество, но этого не происходит.

С момента своего появления «русские» СМИ часто сталкивались с недостатком финансирования, в связи с чем со временем уступили место русскоязычному телевидению, которое появилось в 2002 г. Таким образом, целевая аудитория русскоязычной периодики сегодня – это представители старшего поколения. Наиболее популярные издания – газеты «Вести» и «Новости недели», а также журналы «Глобус» и «Русский израильянин». Периодические издания «русской улицы» читаются русскоязычными евреями диаспоры по всему миру.

Среди всех русскоязычных телеканалов самые сильные позиции традиционно сохраняет «Девятый канал». В 2005 г. он начал вещание в США и в Австралии [Ханин 2014: 133]. Еще один русскоязычный канал – RTVI – вещает в Европе и в США. Кабельное телевидение делает российские телеканалы доступными русскоязычным израильянам, существует также ряд ивритоязычных программ с русскими субтитрами. Вещание русскоязычных телеканалов в США позволяет общине влиять на позицию израильского лобби в этой стране.

За время, прошедшее с момента появления русскоязычных СМИ в Израиле, они успели превратиться из социокультурного феномена в политический инструмент. В конечном счете, репатрианты последней алии, гордящиеся своим происхождением и твердо стоящие на своем этнокультурном базисе, выиграли борьбу за власть у бывших идеологов сионизма, утверждавших, что для всех израильян, независимо от страны исхода, должна быть присуща единая культурная платформа.

Русскоязычная община на пути интеграции в политическую жизнь Израиля

Политические инициативы выдвигались русскоязычной общиной еще в 1970-е гг., то есть в период не «большой», а первой волны репатриации. Первыми «русскими» партиями можно считать «Нес», основанную в 1977 г., и партию «Список за русских *олим*», основанную в 1981 г. [Leshem 2007: 311]. Несмотря на то, что первые политические проекты русскоязычной общины не были популярны, заслуга ашкеназских элит того времени состоит в накопленном опыте влияния на группы интересов.

В период «большой алии» политико-электоральная структура «русской улицы» меняется. В 1992 г. голоса русскоязычного электората распределились между правой партией «ДА» и левой партией «ТАЛИ», которые являлись сателлитами двух крупнейших общеизраильских партий – «Ликуда» и «Аводы» [Leshem 2007: 333]. Однако по-настоящему судьбоносным для «русской улицы» становится 1995 г., когда была создана партия «Израэль ба-Алия» во главе с Натаном Щаранским, которая получила большое количество голосов на выборах 1996 и 1999 гг. [Remennick 2002: 515]. В 1999 г. на политической арене страны появился ее главный конкурент – правая партия «Наш дом Израиль» во главе с Авидором Либерманом. После проигрыша партии Щаранского на выборах 2003 г. «Израэль ба-Алия» исчезла с политической арены страны. Голоса ее «ядрового электората» распределились между общенациональными партиями [Кохен 2013: 199]. Вследствие этого «Наш дом Израиль» и по сей день остается единственным политическим крылом «русской улицы». Через год после судьбоносных выборов 2003 г., в конце 2004 г. А. Либерман заявил о том, что его партия является единственной в политическом поле Израиля, представляющей интересы русскоязычной общины, а также о своем намерении разработать принципиально новую программу, в которой будут отражены пути решения всех проблем «русского Израиля» [Ханин 2006: 112]. Вместе с тем, партийные лидеры не хотели, чтобы «Наш дом Израиль» воспринималась обществом как «русская» секторальная партия и отказались от самоопределения, которое было дано перед выборами 2003 г. («партия, большая часть избирателей которой говорит на русском языке»); напротив, они взяли курс

на создание «русской партии с израильским акцентом» [Зубарев 2004: 12]. Этот факт является доказательством того, что Либерман и его сторонники стремились получить голоса не только своего «домашнего электората», который всегда входил в их традиционную сферу влияния, но и голоса бывших сторонников «Израэль ба-Алия», которые после ее исчезновения с политической арены страны еще не определились со своими политическими предпочтениями.

Помимо секторальных партий, «русская улица» предпринимала попытки реализации и других политических проектов. В частности, проект В. Эхтшайна «Гильдия граждан Израиля» был задуман в связи с необходимостью реформировать внутривнутриполитическую жизнь Государства Израиль, что представлялось авторам проекта невозможным без участия русскоязычной общины.

«Гильдия» должна была представлять собой организацию граждан, которые готовы менять существующие порядки. В состав подобной гильдии должны были бы войти региональные, муниципальные и районные подразделения. Этот план, однако, был апробирован лишь один раз, когда в 2005 г. в городе Арад была предпринята попытка создания организации «Союз общественных сил» [Rosenblum, Hershman 2013: 15]. Этот пример показывает, что, с одной стороны, «русский Израиль» представляет собой сильную политическую группировку, однако, с другой стороны, механизмы лоббирования интересов не всегда эффективны, в связи с чем политические инициативы «русской улицы» зачастую остаются нереализованными.

Проблемами репатриантов в Израиле занимается ряд организаций. Во-первых, еврейское агентство «Сохнут», основанное еще до провозглашения Декларации Независимости Израиля в 1929 г.; во-вторых, Министерство алии и абсорбции, основанное в 1968 г.; в-третьих, правительственная комиссия по вопросам абсорбции иммигрантов. У различных фондов и учреждений также есть программы и проекты, связанные с репатриантскими проблемами. Опыт, накопленный Израилем в области абсорбции новых *олим*, довольно велик, однако до сих пор сохраняется определенное несоответствие в путях решения проблем абсорбции и адаптации репатриантов. Существует несколько форм абсорбции: первая делает акцент на традиционных ценностях, вторая – на атеизме

и антиклерикализме, третья делает упор на идею «плавильного котла»; четвертая предполагает плюралистическую модель развития общества в Израиле [Horowitz 1998: 526].

Проведенное исследование и анализ особенностей эволюции «русской улицы» Израиля позволяют сделать вывод о том, что развитие общинной ячейки (в содружестве с общинными домами или культурными центрами) могло бы стать реальной альтернативой всем четырем программам государственной абсорбции, действующим сегодня в Государстве Израиль. Старые догмы абсорбционной деятельности уступили бы в этом случае место новым направлениям репатриации.

Процессы, происходящие сегодня с русскоязычной общиной Израиля, представляют собой пример абсорбции нового типа. Русскоязычная община может заложить тенденцию к развитию других общинных ячеек, вытесняя таким образом старые модели абсорбционной деятельности. Вместе с тем община нуждается в новом уровне институционализации и в выработке новых политических инициатив.

Единственной на сегодняшний день «русской» политической партии «Наш дом Израиль» необходимо делать ставку не на работу «русской секции» на местах, а на массовые политические технологии, взять курс на освоение русскоязычного медийного пространства и на сотрудничество с русскоязычными средствами массовой информации, посредством которых можно не только рассказать о своих проектах, но и, в первую очередь, создать свой позитивный образ у «русской улицы».

Сегодня языковая политика не является приоритетным направлением в деятельности израильских политических институтов, в связи с чем формирование лингвистической картины в стране не является следствием проведения формальной лингвистической политики. Выбор и использование того или иного языка зависят от объективной реальности, а не регулируются структурами власти. В краткосрочной перспективе эта ситуация сохранится, поэтому, с одной стороны, можно с уверенностью утверждать, что значение русского языка не упадет в ближайшие годы; с другой стороны, при таком раскладе представляется маловероятным, что русскоязычная община преодолет период стагнации, в котором она сейчас находится.

Литература

Герцль Т. Еврейское государство. – Берлин: Регине Денель, 1896. – 63 с. Зубарев Я. Вставайте, люди «русские» // Русский израильтянин. – 2004. – № 43. С. 1, 12-13.

Кохен Р. В чащобе приверженностей: общество и политика в русском секторе. – Тель-Авив: Бейт Нелли, 2013. – 298 с.

Ременник Л. «Русские» израильтяне глазами социолога: культура и образ жизни. – М.: ИВ РАН «Наталис», 2008. – 470 с.

Фельдман Э. «Русский» Израиль: между двух полюсов. – М.: Маркет ДС, 2003. – 536 с.

Ханин В. Вокруг размежевания: общество и политика Израйля в 2005 году. – М.: ИБВ, 2006. – 182 с.

Ханин В. «Третий Израиль»: русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века. – М.: Институт Ближнего Востока, 2014. – 242 с.

Центральное статистическое бюро Израйля. Selected Data from the Social Survey on Mastery of the Hebrew Language and Usage of Languages [на иврите]. URL: http://www1.cbs.gov.il/reader/newhodaot/hodaa_template.html?hodaa=201319017 (дата обращения: 29.10.2017).

Чемерисова Н. Русское слово в Израиле // Еврейское слово. – 2006. – №4. – С. 8-16.

Шапиро М. 100 великих евреев. – М.: Вече, 2011. – 383 с.

Шульга Н. Книга о «русской» общине Израйля.– Иерусалим, 2000. – 65 с.

Adler Sh. Israel's Absorption Policies since 1970's. Russian Jews on the Three Continents. Migration and Resettlement. – L., 1997. – 167 p.

Al-Haj M. Soviet Immigrants as Viewed by Jews and Arabs: Divided Attitudes in Divided Country. – New Brunswick and London: Transaction Pub., 1998. – 228 p.

Horowitz T. Value-Oriented Parameters in Migration Policies in the 1990's: The Israeli Experience // International Migration. – 1998. – №4. – С. 514-526.

Leshem E. The Russian Aliya in Israel: Community and Identity in the Second Decade. – Lanham: Rowman and Littlefield Publ. Inc., 2007. – 422 p.

Leshem E., Lissak M. Development and Consolidation of the Russian Community in Israel. – Jerusalem: Magnes Press, 1999. – 400 p.

Lissak M., Leshem E. The Russian Intelligensia in Israel: Between Ghettoization and Integration // Israel Affairs. – 1995. – №2. – pp. 22-23.

Lewin B. Attitudinal Aspects of Immigrants' Choice of Home Language // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 1987. – №8. – pp. 361-378.

Olshtain E., Kotik B. The Development of Bilingualism in an Immigrant Community. – Jerusalem, 2000. – 217 p.

Remennick L. Transnational community in the making: Russian-Jewish immigrants of the 1990s in Israel // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2002. – №3. – pp. 515–530.

Rosenblum I., Hershman T. Media Consumption Among Immigrants From the CIS // Research Report. – Tel-Aviv: PORI, 2013. – 18 p.

РОЛЬ ШИИТСКИХ НЕРЕГУЛЯРНЫХ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ПОСТСАДДАМОВСКОГО ИРАКА

Мусихин А.Е.

Аннотация: Статья посвящена анализу положения шиитских нерегулярных вооруженных формирований (НВФ) в Ираке и их влияния на политическую ситуацию в стране в постсаддамовский период. Сегодня в Ираке существует значительное количество шиитских НВФ, которые являются серьезной военной силой. С одной стороны, они оказывают военную поддержку государству, с другой – они являются независимыми от государства акторами, что лишает его монополии на применение силы. Многие из шиитских НВФ входят в Силы народной мобилизации, дискуссии о будущем которых сегодня активны как внутри Ирака, так и в экспертной среде за его пределами. В статье рассмотрены причины появления и роста числа шиитских НВФ в Ираке в постсаддамовский период, динамика этих процессов, проблемы, с ними связанные, и возможные пути их решения.

Ключевые слова: Ирак, шииты, политический процесс, нерегулярные вооруженные формирования, Силы народной мобилизации

THE ROLE OF SHIA IRREGULAR ARMED GROUPS IN THE POLITICAL PROCESS OF POST-SADDAM IRAQ

Anton E. Musikhin

Abstract: The article is devoted to the analysis of the Shiite irregular armed formations (IAF) and their influence on the political situation in Iraq during the post-Saddam period. Today in Iraq there is a significant number of Shiite illegal armed formations, which are considered to be a serious military force. On the one hand, they provide military support to the state, on the other - they are the independent actors, which means the state authorities are limited in the monopoly on the use of force. Many of the Shiite illegal armed formations are members of the

Popular Mobilization Forces, discussions about the future of which are now active both inside Iraq and in the expert community outside of it. The article examines the reasons for the emergence and growth of the number of Shiite illegal armed groups in Iraq in the post-Saddam period, the dynamics of these processes, the problems associated with them, and possible solutions to them.

Keywords: Iraq, Shiites, political process, irregular armed formations, Popular Mobilization Forces

Большое влияние на повестку дня в постсаддамовском Ираке оказывают нерегулярные вооруженные формирования (НВФ). Чтобы осознать их значение достаточно обратиться к ходу кампании против Исламского государства (ИГ), решающую роль в которой, помимо правительственной армии, сыграли шиитские милиционные формирования, суннитские ополчения и отряды пешмерга, вооруженные группировки иракских курдов. Следствием этого стало решение парламента Ирака, которое 26 ноября 2016 г. проголосовало за включение Сил народной мобилизации (СНМ), состоящих преимущественно из шиитских отрядов, в состав Вооруженных сил страны. Все это заставляет получше приглядеться к роли шиитских НВФ.

Первые шиитские НВФ появились в годы правления Саддама Хусейна. Так, старейшее из существующих шиитских НВФ – «Корпус Бадр» – было основано в 1982 г. и первоначально являлось военным крылом Высшего совета исламской революции в Ираке (ВСИРИ)¹ [Militias in Iraq 2016: 6]. Однако их силы тогда были слишком малы, чтобы оказывать значительное влияние на политический процесс в стране и представлять собой реальную угрозу саддамовскому режиму.

После американского вторжения в Ирак в 2003 г. и последовавшего свержения С. Хусейна положение и роль шиитских НВФ начали меняться. Падение режима и дальнейшие решения временной оккупационной администрации о роспуске армии и сил

¹ Шиитское движение, создано Абдель Азизом аль-Хакимом в 1982 г. в Иране. В 2003 г. после свержения режима С. Хусейна перебазировалось в Ирак, где стало одной из политических партий вошедших в парламент. С 2009 г. партию возглавляет Аммар аль-Хаким. С 2012 г. носит название «Высший совет Ирака».

безопасности привели к тому, что государство перестало сдерживать рост НВФ. В результате прежняя армия была разрушена, новая – только создавалась, а американские войска, равно как и Временная оккупационная администрация, воспринимались большинством населения Ирака как оккупанты и захватчики, что являлось дополнительным фактором консолидации и мобилизации поддержки НВФ населением. Социальные проблемы, неприятие оккупационных сил, а также неспособность государства обеспечить безопасность своих граждан, привели к вакууму власти и безопасности, а также углублению социальных различий. Множество безработных из числа молодежи, студентов шиитских медресе, противников американской оккупации присоединились к НВФ, что обусловило увеличение их общего числа, а также расширение численности боевиков в их составе. Так, например, «Армия Махди» М. ас-Садра весной 2003 г., когда она только создавалась, имела в своих рядах лишь несколько сотен вооруженных студентов, а меньше чем через год ее численность возросла до 10 тыс. человек [Жантиев 2012: 33].

На этом фоне в Ираке сформировалось несколько крупных шиитских НВФ, таких как «Армия Махди», «Асаиб Ахль аль-Хак», «Корпус Бадр» и «Катаиб Хезболла».

«Армия Махди» была создана в 2003 г. шиитским духовным лидером Муктадой ас-Садром, который является ее руководителем. В организацию входит преимущественно молодежь шиитского Юга, а также выходцы из бедных районов Багдада, в первую очередь, Садр-сити. Она выступала за создание шиитского правительства и против военного присутствия американцев в Ираке, а также против чрезмерного усиления позиций Ирана. В 2008 г. «Армия Махди» была распущена, однако в 2010 г. произошла фактическая легализация «Бригады обещанного дня», которая была частью «Армии Махди». Эксперты не сомневаются в возможности М. ас-Садра мобилизовать значительное количество бойцов, которые готовы по его призыву взяться за оружие [Жантиев 2012: 36].

«Асаиб Ахль аль-Хак» образовалось в 2004 г., отделившись от «Армии Махди» в результате конфликта между Кайсом аль-Хазали (основатель и лидер организации) с М. ас-Садром. Организация имеет тесные связи с Ираном и получает от него поддержку, а часть лидеров заявляет, что её главная цель – распространение идей

иранской революции в Ираке. Поддерживает Нури аль-Малики, в чей блок «Государство закона» входило политическое крыло организации [Finnish Immigration Service 2015: 7] Входит в Силы народной мобилизации.

«Корпус Бадр» – старейшее шиитское НВФ, основанное в 1982 г. в Иране, являвшееся военным крылом ВСИРИ. С 2003 г. действует в Ираке. В 2005 г. частично была включена в силовые структуры Ирака. В 2012 г. отделилась от ВСИРИ, сменив название на «Организация Бадр» и примкнув к «Государству закона» Н. аль-Малики. Имеет хорошие отношения с Ираном, который поддерживает данное НВФ. Обладает широким политическим представительством в парламенте и среди членов правительства [Morris 2014]. Лидер организации – Таяр аль-Расули, ставил целью распространение идей иранской революции в Ираке, а также защиту шиитского населения в суннитских областях [Smyth 2014]. Входит в СНМ.

«Катаиб Хезболла» была основана в начале 2007 г. военнослужащими бригады «аль-Кудс» Корпуса стражей исламской революции, для осуществления операций на территории Ирака и обеспечения прочной связи между Ираном и Ираком, Сирией и Ливаном. Лидер организации – Джамал аль-Ибрахими, более известный, как Абу Махд аль-Мухандис, является одним из лидеров СНМ. Считается более сплоченной, но малочисленной по сравнению с другими шиитскими НВФ [Finnish Immigration Service 2015: 12].

Шиитские НВФ становились мощной боевой силой, особенно учитывая тот факт, что многие члены таких организаций проходили подготовку в составе ливанской «Хезболлы» и Корпуса стражей исламской революции (КСИР) или имели опыт партизанской борьбы еще с саддамовских времен. В результате шиитские формирования весьма успешно боролись против суннитских повстанцев, в состав которых преимущественно входили суннитские племенные ополчения, джихадисты, включая «Аль-Каиду в Ираке», и бывшие баасисты, в т.ч. военнослужащие, уволенные из иракской армии в 2003 г. Успехи шиитских НВФ дали основания президенту Ирака Д. Талабани в апреле 2005 г. выступить за еще более активное использование в борьбе против повстанцев и террористов наряду с армией и полицией так называемых «народных сил» [Юрченко 2005]. Опора на НВФ, с одной стороны, позволила правительству

усилить давление на повстанцев, с другой – ослабила авторитет государственной власти, усугубила этно-кофессиональные расколы в обществе в целом и силовых структурах – в частности.

Повышение военной мощи шиитских НВФ, их роли в установлении и обеспечении порядка в ряде районов и городов, а также зависимости государства от их помощи и лояльности, делала эти формирования и их лидеров более значимыми игроками и на политическом поле. Все больше проявлял себя «невоенный» аспект деятельности НВФ – борьба за политическое представительство. Под эгидой некогда чисто военных организаций стали складываться гражданские структуры, в т.ч. политические партии, призванные придать легальный статус политическому участию НВФ в диалоге с государством, а также обеспечить доступ к институциональным способам влияния на политический процесс. Это вело к тому, что даже самые элементарные споры и противоречия между политическими лидерами подобных «легальных» структур в любой момент рисковали перейти из словесной баталии в стенах парламента в боестолкновения вооруженных отрядов на улицах. Причем шиитские НВФ, ввиду своей многочисленности и разнообразия, нередко могли оказаться по обе стороны стихийно возникавших конфликтов. Подобные ситуации возникали в отдельных регионах, где группировки вели борьбу за контроль и влияние на местах, особенно, в крупных городах, куда приезжала молодежь из шиитского Юга. Так, «Армия Махди», «Организация Бадр» и «Асаиб Ахль аль-Хак» боролись за контроль над рядом районов Багдада, что позволяло им обеспечить безопасность населения данных районов, получив необходимую поддержку с его стороны. Данные столкновения не теряли актуальности и в середине 2010-х гг. [Finnish Immigration Service 2015: 23].

Рост значимости НВФ в иракской политике объясняется и тем, что в условиях вакуума власти и слабости силовых структур, они дают возможность лидерам данных формирований устанавливать контроль над определенной территорией, оказывать эффективное давление на власть и локальные элиты, заставив их считаться со своим мнением. Более того, в 2010-х гг. шиитские организации стали активно проявлять себя и в гражданских акциях, примером чего служат массовые выступления в Багдаде, когда сторонники М.

ас-Садра ворвались в «зеленую зону», временно парализовав работу государственных учреждений [Chulov 2016]. Власти вынуждены были стерпеть данную акцию, ведь в Багдаде численность военизированных отрядов садристской милиции, вставшей на защиту мирных демонстрантов, составляла на тот момент около 10 тыс. человек [Finnish Immigration Service, 2015: 9]. Другими словами, мы видим, как наличие сил «в поле» является залогом успешного продвижения интересов лидеров НВФ и дает им возможность осуществлять давление на власть «снизу».

Вместе с тем, многие шиитские НВФ трудно назвать полностью независимыми. Не менее 50 из них [Smyth 2014] имеют значительные связи с Ираном, который активно снабжает данные организации деньгами, оружием и тренирует их бойцов. К числу подобных организаций можно отнести и такие влиятельные формирования, как «Корпус Бадр», «Асаиб Ахль аль-Хак» и «Катаиб Хезболла». Их лидеры близки к Ирану, например, у лидера «организации Бадр» Хади аль-Амери и у лидера «Катаиб Хезболла» Абу Махди аль-Мухандиса очень тесные связи с командующим бригадой «аль-Кудс» Касемом Сулеймани [Nader 2016: 11], имеющим большое влияние в Тегеране и являющимся одним из основных лиц, отвечающих за иранскую политику в Ираке и Сирии. Иран требует определенной лояльности со стороны организаций, которые он поддерживает, тем самым превращая их в эффективный инструмент своей внешней политики в Ираке и регионе Ближнего Востока в целом. Поэтому значительно меньшую поддержку ИРИ оказывает шиитским силам, использующим националистическую риторику, например, движению М. ас-Садра, которое старается быть более независимым в своей политике, а иногда выступает с критикой действий Тегерана [Nader 2016: 5].

С началом гражданской войны в Сирии на проиранские НВФ в Ираке легла еще одна задача – рекрутировать бойцов и осуществлять логистическую поддержку всем проиранским силам, которые едут воевать в Сирию. Начали появляться небольшие организации, вроде «Бригады аль-Аббаса», которые состоят из иракских бойцов, но при этом воюют на территории Сирии, а в качестве своей цели декларируют защиту шиитских святынь, как, например, мечети Сейида Зейнаб в Дамаске [Gilbert 2013: 23].

Вторжение Исламского Государства (ИГ) в Ирак в 2014 г., достигшее значительных успехов, привело к множественным поражениям правительственных войск и продвижению и утверждению сил джихадистов в ряде провинций. Это создавало угрозу для шиитских святынь, вроде «Золотой мечети» в Самарре. В условиях очередного кризиса в правительстве, когда политики не могли определиться с кандидатурами на ключевые должности, в т.ч. министра обороны, 12 июня 2014 г. духовный лидер иракских шиитов аятолла Али ас-Систани издал фетву, в которой призвал шиитов встать на борьбу с ИГ [BBC 2014]. Ответом на фетву стало формирование «Сил народной мобилизации» (аль Хашд аш-Шааби) – шиитского ополчения, в которое записывались десятки тысяч добровольцев. СНМ смогли добиться своей цели и остановить наступление ИГ. В то же время, многие бойцы в ополчении одновременно состояли в других шиитских группировках. Ряд организаций, например, как «Асаиб Ахль аль-Хак» или «Корпус Бадр», использовали СНМ как зонтичную организацию, под прикрытием которой они преследовали свои цели, например, расширяя зоны своего влияния [Mansour, Jabar 2017: 13]. На этом фоне имели место столкновения между шиитами и курдами в Дияле, Салах-ад-Дине и Найнаве, в районах Туз Хурмату и Синджара. Таким образом, СНМ представляли альтернативу армии, которая не несла практически никакой ответственности, но в отдельных аспектах даже превосходила правительственные войска. Поэтому важным шагом стало принятие закона об организации сил народной мобилизации, включавший эти силы в структуру вооруженных сил Ирака [Мамедов 2016]. Это помогло, как минимум, сделать ВС более боеспособными, ведь шиитские группировки оттянули к себе значительное количество людской силы, лишив армию этих ресурсов. В то же время данный закон позволил входящим в ополчение организациям реализовывать свои собственные цели на легальной основе, что усиливает их собственные позиции. Также закон усилил влияние Ирана, патронирующего ряд организаций, входящих в СНМ. Сунниты восприняли закон в общем негативно [MacDonald 2016], полагая, что он способствует шиитизации вооруженных сил. Поэтому депутаты-сунниты парламента бойкотировали голосование по данному закону, а многие суннитские лидеры призвали создавать свои вооруженные организации [Saadoun 2017].

Важной темой для дискуссий в иракском политическом пространстве остается судьба СНМ после окончания военной кампании против ИГ в Ираке. Причина подобных дискуссий понятна: СНМ, являющиеся серьезной военной силой, играют значительную роль в Ираке, однако возникают вопросы о целесообразности их сохранения после окончания активных боевых действий, а также об их подконтрольности Багдаду. За сохранение СНМ выступают в первую очередь проиранские политики, такие как Нури аль-Малики, которые видят в них зонтичную организацию для проиранских НВФ, и лидеры СНМ, такие как Хади аль-Амери и Абу Махди аль-Мухандис [Mansour, Jabar 2017: 18]. За роспуск СНМ и дальнейшую инкорпорацию части их бойцов в иракскую армию после окончания боевых действий против ИГ выступают США, а также ряд иракских политиков, вроде М. ас-Садра и Х. аль-Абади, которые не видят в СНМ организацию, всецело подконтрольную Багдаду [Mansour, Jabar 2017: 23]. На сегодняшний момент будущее СНМ остается непонятным, и значительную роль в принятии решений об их дальнейшей судьбе должны сыграть парламентские выборы в Ираке, намеченные на 2018 г., результат которых определит новый состав парламента, а также ход поиска консенсуса между различными группами иракского населения.

Подводя итог, можно сказать, что влияние шиитских НВФ на политический процесс Ирака неоднозначно. С одной стороны, они используются для защиты определенных групп населения и обеспечения их безопасности и нормальной жизнедеятельности, а с другой – для борьбы за власть как между различными группами, так и между какой-то группой и государством. Выступая серьезной военной силой, шиитские НВФ зачастую необходимы Багдаду для успешного осуществления военных операций, однако одновременно их действия ведут к ликвидации монополии на применение силы у государства. В результате они становятся самостоятельными и независимыми от государства регуляторами насилия, имеющими при этом ярко выраженную конфессиональную идентичность. Государство не может пресечь проявления жестокости и насилия по отношению к мирному неарабскому или суннитскому населению со стороны бойцов шиитских НВФ. Данные процессы ведут к росту уровня насилия, социальной напряженности и этно-конфессиональных расколов в стране, а также снижает авторитет

государства, в первую очередь, в глазах суннитов и курдов. Наконец, неподконтрольность шиитских НВФ государству приводит к значительному усилению Ирана, который использует их для достижения своих внешнеполитических целей. Как следствие, Ирак превращается в арену противостояния между Ираном и его региональными противниками, что не идет на пользу самому Ираку.

В условиях вакуума власти, образовавшегося после падения саддамовского режима, шиитские НВФ играют значительную роль в политическом процессе Ирака, являясь эффективным инструментом для обеспечения контроля над определенными территориями и давления на власть «снизу», а также выступая серьезной военной силой. Государство способно использовать эти возможности НВФ и их лидеров в своих целях. Однако, для этого требуется встроить их в политическую систему Ирака с последующей инкорпорацией в государственные структуры и регламентацией их деятельности со стороны государства. Одновременно требуется инициировать подобные процессы по отношению к суннитским и курдским НВФ, чтобы данные действия Багдада не воспринимались иракским населением как усиление роли шиитов. Многое будет зависеть от того, как решится вопрос о будущем СНМ, т.к. по его итогам может создаться прецедент, на основании которого Багдад будет принимать решения относительно места НВФ в политической системе в дальнейшем.

Литература

Жантиев Д.Р. «Армия Махди» в Ираке: формирование и развитие // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. – 2012. – №4. – С. 29–37.

Мамедов Р. Силы Народной Мобилизации Ирака: на пути к национальному примирению? // Российский Совет по международным делам, 2016. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ruslan-mamedov/sily-narodnoy-mobilizatsii-iraka-na-puti-k-natsionalnomu-pri/> (дата обращения: 23.08.2017).

Юрченко В.П. Военно-политическая обстановка в Ираке (апрель 2005 г.), 2005. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3620> (дата обращения: 13.08.2017).

Finnish Immigration Service, 'Security Situation in Baghdad – the Shia militias', 2015. URL: <http://www.migri.fi/download/61225>

Security Situation in Baghdad - The Shia Militias 29.4.2015. pdf?ace8b6783100d588 (дата обращения: 16.08.2017).

Gilbert K. The Rise of Shiite militias and the post-Arab spring sectarian threat, 2013.

Iraq conflict: Shia cleric Sistani issues call to arms // BBC, 13.06.2014. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-27834462> (дата обращения: 23.08.2017).

Chulov M. Moqtada al-Sadr supporters break into Baghdad green zone // The Guardian, 20.05.2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/may/20/moqtada-al-sadr-supporters-attempt-baghdad-green-zone-break-in> (дата обращения: 23.08.2017). Militias in Iraq. The hidden face of terrorism. // Geneva International Centre for Justice, 2016. URL: <http://anyflip.com/jhro/унар/basic> (дата обращения: 16.08.2017).

MacDonald A. Controversial Iraqi militias now part of army after parliament vote // Middle East Eye, 27.11.2016. URL: <http://www.middleeasteye.net/news/iraqs-parliament-legalizes-controversial-pmus-566417926> (дата обращения: 23.08.2017).

Nader A. Iran's Role in Iraq. Room for U.S.-Iran Cooperation? // RAND Corporation, 2015. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE151.html> (дата обращения: 23.08.2017).

Mansour R., Jabar, F.A. The Popular Mobilization Forces and Iraq's Future. Carnegie Middle East Center, 2017.

Morris L. Appointment of Iraq's New Interior Minister Opens Door to Militia and Iranian Influence // Washington Post, 18.10.2014. URL: http://www.washingtonpost.com/world/appointmentof-iraqs-new-interior-minister-opens-door-to-militia-and-iranian-influence/2014/10/18/f6f2a347-d38c-4743-902a-254a169ca274_story.html (дата обращения: 23.08.2017).

Saadoun M. Shiite militias open offices in Iraq's liberated Sunni areas // Al-Monitor, 31.01.2017. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2017/01/shiite-militias-iraq-sunni-pmu-fallujah.html> (дата обращения: 23.08.2017).

Smyth P. All the ayatollah's men // Foreign Policy, 2014. URL: <http://foreignpolicy.com/2014/09/18/all-the-ayatollahs-men/> (дата обращения: 23.08.2017).

ФРАНЦУЗСКИЙ ФАКТОР В ЛИВИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ

Наджаров А.М.

Аннотация: В статье автор анализирует роль Французской республики в ливийской гражданской войне (2011). Рассматривая интервенцию 2011 г. сквозь призму интересов Франции в Северной Африке, автор анализирует причины, побудившие правительство Н. Саркози прибегнуть к вмешательству во внутренние дела суверенного государства. Ключевой причиной видится стремление Франции сохранить зону центральноафриканского франка. Автор рассматривает действия правительств Ф. Олланда и Э. Макрона во время второй ливийской гражданской войны (2014 – н.в.), показывая, как первоначальная военная помощь Ливийской национальной армии (ЛНА) актуализировалась в политическую легитимацию маршала Халифы Хафтара в глазах западных держав, что позволяет включить Францию в ряды держав, задающих вектор ливийскому конфликту. Автор иллюстрирует свой тезис о роли Франции в ливийской гражданской войне анализом действий второго по значимости европейского игрока – Италии – и показывает, как французское правительство заставило Италию пойти на уступки. В заключении делает вывод, что Франция проводила свою политику в отношении ливийской гражданской войны, опираясь исключительно на национальные интересы, в частности – интересы сохранения своей гегемонии в Франсафрике, нисколько не заботясь об установлении демократического режима в Ливии, что явно доказывает поддержка Пятой республикой маршала Хафтара.

Ключевые слова: Хафтар, ЛНА, Ливия, Франция, конфликт, гражданская война

THE FRENCH FACTOR IN THE LIBYAN CONFLICT

Alexander M. Nadzharov

Abstract: In the article the author analyzes the role of the French Republic in the Libyan civil war (2011). Considering the intervention of

2011 through the prism of the interests of France in North Africa, the author analyzes the reasons that prompted the government of N. Sarkozy to resort to interference in the internal affairs of a sovereign state. The key reason is the desire of France to preserve the zone of the Central African franc. The author examines the actions of the governments of F. Hollande and E. Macron during the second Libyan civil war (from 2014), showing how the initial military assistance to the Libyan National Army (LNA) ended in the political legitimization of Marshal Khalifa Haftar in the eyes of the Western powers, which sets France in the ranks of the powers that set the vector for the Libyan conflict. The author illustrates his thesis about the role of France in the Libyan civil war by analyzing the actions of the second most important European player - Italy - and shows how the French government forced Italy to make concessions. In conclusion the author states that France has conducted its policy with regard to the Libyan civil war relying solely on national interests, in particular, on the interests of preserving its hegemony in Francafrique, not caring at all about establishing a democratic regime in Libya, which is clearly proved by the support of the Fifth Republic of Marshal Haftar.

Keywords: France, Libya, Africa, LNA, Haftar, conflict, civil war

Встреча президента французской республики Эммануэля Макрона, главнокомандующего войсками Ливийской национальной армии (ЛНА) Халифа Хафтара и председателя Правительства национального единства (ПНЕ) Ливии Файеза Сараджа в Ла-Сель-Сен-Клу 25 июля 2017 г. вызвала сильный резонанс среди мирового сообщества [Patrick Win tour and Chris Stephen, 25.07.2017]. Несмотря на то, что решения по итогам встречи практически дословно повторяли соглашения в Абу-Даби мая 2017 г. [Лукиянов 28.08.2017], она имела большое значение сама по себе, ибо встреча Макрона и Хафтара стала инструментом политической легитимации маршала Хафтара. Более того, результатом встречи стало признание западными державами Халифы Хафтара в качестве легитимного политического игрока: в июле Специальным посланником генерального секретаря ООН по Ливии был назначен французский профессор ливанского происхождения Гасан Саламе, который в сентябре 2017 г. заявил, что маршал является полноправным участником ливийского политического процесса [Лукиянов, 28.08.2017]; в августе для встречи

с маршалом в Ливию приехал глава МИД Великобритании Борис Джонсон [Sky News, 24.08.2017], в сентябре Хафтар был приглашен в Рим [Libyan Express, 27.09.2017]. В самом непредсказуемом конфликте Большого Ближнего Востока оказались смешаны карты: с этого момента Хафтар и подконтрольная ему ливийская национальная армия становятся международно признанным участником политического процесса в Ливии – и во многом это заслуга Франции. Но для чего это было необходимо Пятой республике? Каким образом проходил процесс легитимации? Наконец, что будет дальше?

Прежде чем начать анализировать роль Франции в ливийском конфликте, необходимо отметить, что, несмотря на значительные экономические и социальные проблемы, Франция, постоянный член Совбеза ООН, продолжает оставаться великой державой. Франция является второй после США державой по количеству военных баз за рубежом и третьей ядерной державой мира [Arms Control Association, 21.03.2013]. Франция наравне с Германией является политическим лидером ЕС и остается гегемоном в Западной Африке [Al-Jazeera, 07.04.2014]. Таким образом, анализируя французский фактор в ливийском конфликте, нужно понимать, что Франция действует с позиций великой державы и ливийская политика Франции тесно связана с ее политикой по отношению к Франсафрике¹.

Французскую политику по отношению к ее бывшим африканским колониям характеризует интервенционизм, особенно усилившийся в XXI в. Несмотря на то, что Ливия французской колонией никогда не была, Франция в 2011 г. применила к ней те же методы, что ранее применяла по отношению к Габону (1964), Чаду (1986–2014), ЦАР (1979, 2013–2016) и Кот-Д-Ивуару (2002–2015) [RFI, 14.07.2010]. Мотивов у французского руководства было несколько, их можно условно разделить на внутри- и внешнеполитические. Согласно документам, опубликованным Викиликс, внутривнутриполитической причиной интервенции было желание правительства Николя Саркози восстановить в глазах французского избирателя образ Франции как мировой державы путем проведения «маленькой победоносной войны» под благородным предлогом защиты ливийского

¹ Под Франсафрикой понимаются бывшие французские колонии, такие как Мали, Габон, Чад, и система отношений Франции с ними.

народа от «кровавого диктатора» Каддафи [Wikileaks, 16.03.2016]. Вторым аспектом, согласно расследованию французского агентства Mediapart, было желание «замести следы» поддержки кровавым диктатором президентской кампании Саркози 2007 г., когда «палач» Каддафи пожертвовал 50 миллионов евро [Mediapart, 03.05.2012]. Стоит также упомянуть личную неприязнь Саркози к Каддафи, связанную с визитом последнего в Париж в 2007 г. Каддафи разбил шатер около Версаля, и из-за его водной прогулки были перекрыты мосты через Сену, что было воспринято французским обществом как национальное унижение [Francois Heisbourg, 06.2017].

Внешнеполитическим мотивом интервенции было, в первую очередь, устранение недружественного режима Каддафи. Ливийский лидер занимался «миграционным шантажом»: в 2007 г. европейские страны заплатили 5 млрд евро за снижение миграционного потока из Ливии [New York Times, 31.08.2008], однако сам диктатор неоднократно заявлял, что «откроет врата черным потокам в Европу» [The Telegraph, 31.08.2010].

Однако главной внешнеполитической причиной интервенции являлась исходившая от Каддафи угроза французскому доминированию в Западной Африке. Опубликованная хакерами переписка госсекретаря США Хиллари Клинтон свидетельствует, что французские власти делились со своими американскими коллегами своей обеспокоенностью планами Каддафи по началу эмиссии «золотого динара», который должен был вытеснить африканский франк [Wikileaks, 16.03.2016]. В так называемую «зону CFA» входят 14 стран. Африканский франк жестко привязан к евро, а два эмиссионных центра – Центральный банк государств Западной Африки и Банк государств Центральной Африки – контролируются из Парижа [Ndongo Samba Sylla, 12.07.2017].

Планы Каддафи по созданию панафриканской валюты, обеспеченной внушительным золотым запасом Джамахирии, не могли остаться без ответа. Он последовал в виде начавшихся 19 марта 2011 г. бомбардировок.

За 7 месяцев Каддафи был свергнут, а его место занял Переходный национальный совет Ливии. 8 августа 2012 г., после выборов, власть перешла к Всеобщему национальному конгрессу Ливии. Франция обеспечила неприкосновенность своей гегемонии в Запад-

ной Африке – угрозы африканскому франку более не существовало, панафриканистские проекты Каддафи стали историей. Интервенция укрепила роль Франции на международной арене, подчеркнула ее роль как одного из ключевых членов НАТО [Francois Heisbourg, 06.2017]. Более того, военные заказы Франции возросли на 42% с 2012 г. после успешной демонстрации вооружений в Ливии [Middle East Monitor, 17.06.2014]. Казалось бы, сама концепция гуманитарных интервенций полностью себя оправдала. Однако это было не так: напряженность в Ливии нарастала вплоть до событий в Триполи 2014 г. [The Guardian, 24.08.2014], после которых Ливия перестала существовать как единое государство.

События 2014 г. застали Францию, как и остальные европейские державы, врасплох. Эвакуировав свое посольство 30 июля 2014 г., правительство Пятой республики не предпринимало активных действий на протяжении года. Однако появление плацдармов Исламского государства в Сирте и Дерне, а также пропагандистские видео ИГИЛ с казнями пленников-коптов спровоцировали истерию в западных СМИ. Французские и британские газеты призывали к повторному вводу войск в Ливию [Yasmina Khadra, 22.10.2015].

С 2015 г. Франция начала оказывать военную помощь Халифу Хафтару. Французские самолеты проводили аэроразведку, разведывательные агентства сотрудничали с ЛНА, наконец, в феврале 2016 г. в СМИ появились свидетельства пребывания специальных сил в Ливии [Huffington Post, 24.02.2016]. Французский спецназ участвовал в зачистке города Бенгази от исламистских группировок [Middle East Monitor, 27.07.2016]. В сентябре Хафтар заявил, что «больше всего разведанных нам поставляют Франция и Египет» [Middle East Monitor, 20.09.2016]. В июле 2016 г., когда вертолет с тремя французскими военнослужащими разбился в районе Бенгази и французское министерство обороны признало [Ministère de la Défense, 20.07.2016], что войска Пятой республики воюют в Ливии, разразился дипломатический скандал: отправка войск не была согласована с ПНЕ. Таким образом, первые шаги к легитимации Хафтара начались еще при Франсуа Олланде.

Однако с приходом к власти Эммануэля Макрона ситуация начала в корне меняться. Встреча Макрона с Сараджем и Хафтаром была своеобразным открытием окна Овертона: назначенный в

июне спецпосланником ООН по Ливии Саламе заявил, что «Хафтар является частью политического процесса и политического будущего Ливии» [Adnkronos, 08.08.2017; ТР1, 05.10.2017]. В августе министр иностранных дел Соединенного королевства Борис Джонсон нанес визит маршалу Хафтару. Наконец, 27 сентября маршал Хафтар и его сын Саддам были приглашены в Рим, где им были оказаны полные военные почести. Прием Хафтара в Риме означает, что основные европейские игроки ливийского конфликта – Великобритания, Франция, Италия – признали маршала и ливийскую национальную армию в качестве легитимного игрока в ливийском конфликте. В этой «полосе признания» особое внимание стоит уделить Италии.

Италия, бывшая метрополия Ливии, исторически являлась посредником между ней и Западом. Ливия всегда была крайне важна для национальной безопасности Италии: республика получала 25% своей нефти из Ливии, и от действий ливийского правительства зависел миграционный поток из Африки в Италию [Barbie Latza Nadeau, 20.02.2015]. В 2011 г. Италия изначально была против интервенции, однако президент Французской республики Н. Саркози предложил премьер-министру С. Берлускони сделать итальянца Марио Драги главой Европейского центрального банка в обмен на участие в интервенции [Ramzy Baroud, 17.04.1015]. Принимая во внимание плачевное положение банковского сектора Италии, Берлускони согласился [Ibid]. В 2014 г. Италия так же, как и остальные европейские державы, не ожидала возобновления гражданской войны; однако, в отличие от Франции, она с самого начала поддерживала ПНЕ. Файез Сарадж попал в Триполи в апреле 2016 г. во многом благодаря действиям итальянцев. Основная причина поддержки Италией ПНЕ – миграционный вопрос. Только в 2016 г. в Италию прибыло более 170 тысяч мигрантов [Breitbart, 06.12.1017]. Чтобы адекватно оценить уровень отчаяния итальянского правительства, нужно упомянуть, что министр внутренних дел Италии обвинил «Врачей без границ» в нелегальной транспортировке мигрантов [RT, 11.05.2017]. ПНЕ, в отличие от Хафтара, который до недавнего времени отказывался как-либо связываться с миграционной проблемой, все это время выражало готовность сотрудничать с Италией по этому вопросу [Middle East Monitor, 27.07.2017].

Но с чем же связано изменение курса итальянской политики? В августе 2017 г. шли переговоры Италии с ПНЕ о патрулировании итальянским флотом берега Ливии для остановки миграционного потока, однако в последний момент из-за утечки информации переговоры сорвались. Сарадж заявил, что «не собирается торговать суверенитетом Ливии» [Middle East Monitor, 28.07.2017]. На переговорах в Риме же маршал Хафтар заявил о готовности сотрудничать с Италией [Libyan Express, 27.09.2017]. Кроме того, необходимо понимать, что ЛНА на данный момент контролирует так называемый «нефтяной полумесяц» Ливии [Whispering Bell, 07.10.2016]. С учетом того, что основная итальянская нефтяная компания Eni испытывает проблемы с добычей нефти из месторождения Эль-Филь [Bloomberg, 07.04.2017], контролируемого ПНЕ, сотрудничество с Хафтаром представляется более выгодным.

Стоит отметить, что легитимация Хафтара в глазах Запада не означает, что ПНЕ лишилось всякой международной поддержки. Однако происходящее неблагоприятно сказывается на положении ПНЕ: главный козырь – монополию на международное признание – ПНЕ утратило благодаря действиям Франции. Таким образом, Францию можно назвать одной из держав, задающих вектор войне в Ливии или западным трендсеттером ливийского конфликта.

Но почему Франция, а следом за ней другие европейские державы начали поддерживать ЛНА? Как и в случае с мотивами интервенции, стоит выделить мотивы внутри- и внешнеполитические. Внешнеполитическим мотивом поддержки ЛНА со стороны Франции стала, прежде всего, недоговороспособность ПНЕ. Особенно отчетливо это проявилось, когда формально подконтрольные Триполи бригады Мисраты напали на ЛНА и сорвали перемирие в мае 2017 г. [Libya Herald, 18.05.2017]. Еще одним примером недоговороспособности стал уже упомянутый срыв переговоров Италии и ПНЕ. Сильная фигура маршала выигрышно смотрится на фоне бессильного Триполи, с Хафтаром можно договариваться, потому что у него есть реальная власть. Кроме того, как уже упоминалось ранее, Франция активно сотрудничала в военной сфере с ОАЭ и Египтом – странами, активно поддерживающими ЛНА. Также следует упомянуть фактор США: в ноябре 2016 г. были перехвачены переговоры американских летчиков и войск ЛНА, что говорит о де-факто

одобрении европейских действий «атлантическими партнерами» [Al-Jazeera, 08.11.2016]. Наконец, у главнокомандующего ЛНА есть «наследники»: сыновья Халид и Саддам, которые ездят со своим отцом на все зарубежные встречи: так, например, Халид был на параде в Иордании, Саддам был на встрече в Риме [Middle East Monitor, 27.09.2017; Middle East Observer, 26.12.2016]. Таким образом, сыновья Хафтара позиционируются как официальные преемники ЛНА. Преемственность же крайне необходима ЛНА в силу возраста маршала Хафтара.

Внутриполитическим мотивом поддержки является сама фигура Халифы Хафтара. Маршал не раз заявлял, что собирается очистить всю Ливию от исламистов. И Европе, а в особенности Франции, потрясаемой террористическими актами, такая фигура не может не импонировать. В то время как ПНЕ частично поддерживается исламистами, Хафтар не раз заявлял, что вся Ливия будет очищена от любого рода радикалов [France 24, 27.07.2017], что коррелирует с заявлением Эммануэля Макрона 29 августа о том, что битва с исламизмом является основным внешнеполитическим приоритетом Франции [Le Monde, 29.08.2017].

Однако, как уже отмечалось и российским [Лукиянов, 28.08.2017], и западным экспертным сообществом [Jalel Nargchaoui, 21.09.2017], поддержка Францией Хафтара ставит крест на перспективах политического урегулирования в связи с неоднозначностью фигуры самого Хафтара. Альтернативой политическому урегулированию является продолжение гражданской войны. Ливийская национальная армия не способна ни за год, ни даже за два усмирить всю Ливию в силу своих ограниченных ресурсов. Кроме того, сама фигура маршала слишком одиозна и не сможет примирить большинство игроков ливийского конфликта. Однако, если текущие тренды не изменятся, и международная поддержка Хафтара продолжит увеличиваться, ЛНА рано или поздно победит. Приход Хафтара в том или ином виде к власти будет выглядеть крайне трагикомично: свергнув одного авторитарного лидера под лозунгами защиты политических прав ливийских граждан и погрузив страну в хаос, европейские державы приведут к власти бывшего соратника свергнутого диктатора, что явно показывает их степень приверженности демократическим ценностям во внешней политике.

Францию никогда не интересовало установление демократического режима в Ливии, Францию интересовало лишь сохранение гегемонии в Франсафрике и упрочение своего международного статуса, что и было достигнуто интервенцией. Однако последовавший кризис, появление ИГИЛ в Ливии и самой Франции заставил французское правительство искать силу, способную уничтожить радикальных исламистов и восстановить стабильность. Такой фигурой оказался маршал Халифа Хафтар, сильный и договороспособный лидер. Поддерживая его с 2015 г. в военном отношении, а с 2017 – в политическом, Франция легитимировала его в глазах «коллективного Запада», лишив ПНЕ последнего козыря – монополии на международное признание. Политическая же легитимность Хафтара и растущая поддержка ЛНА со стороны западных стран ставят крест на политическом урегулировании конфликта и обрекают страну на продолжение кровавой гражданской войны, в которой ЛНА рано или поздно победит. Некогда самая богатая страна африканского континента будет лежать в руинах, но во главе ее будут профранцузски настроенные светские силы. Ливия будет стабильно поставлять нефть, бороться с африканской миграцией и локальными исламистскими движениями, а какой ценой это будет достигнуто – для Пятой республики не столь важно.

Литература

Лукьянов Г.В. Как Хафтар и Макрон пиар делили [Электронный ресурс]//URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kak-khaftar-i-makron-piar-delili/>(дата обращения 12.11.2017)

Barbie Latza Nadeau. ISIS Could Cost Italy Billions In Libyan Oil Profits. [Электронный ресурс]//URL:<https://www.thedailybeast.com/isis-could-cost-italy-billions-in-libyan-oil-profits> (дата обращения 12.11.2017)

Francois Heisbourg. The War in Libya. Political Rationale and International Consequences of the War in Libya, Oxford University Press, 2016

Jalel Narchaoui. How France Is Making Libya Worse [Электронный ресурс] // URL:<https://www.foreignaffairs.com/articles/france/2017-09-21/how-france-making-libya-worse> (дата обращения 12.11.2017)

Ndongo Samba Sylla. The CFA Franc: French Monetary Imperialism in Africa [Электронный ресурс] // URL: <http://blogs.lse.ac.uk/africaatlse/2017/07/12/the-cfa-franc-french-monetary-imperialism-in-africa/> (дата обращения 12.11.2017)

Patrick Wintour and Chris Stephen. Libyan rival leaders agree to ceasefire after Macron-hosted talks. [Электронный ресурс]//URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jul/25/france-raises-hopes-of-deal-between-libyan-rival-factions>(дата обращения 10.11.2017)

Ramzy Baroud. War Begets War Refugees: The Moral Bankruptcy of Italy and NATO [Электронный ресурс] // URL:<http://www.ramzy-baroud.net/war-begets-war-refugees-the-moral-bankruptcy-of-italy-and-nato/> (дата обращения 10.11.2017)

Yasmina Khadra. How the west broke Libya and returned it to the hatred of the past [Электронныйресурс]// URL:<https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/oct/22/how-west-broke-libya-gaddafi-national-unity> (дата обращения 12.11.2017)

Список использованных источников

Ядерная программа Франции. Справка [Электронный ресурс]// URL: <https://ria.ru/spravka/20100213/208867767.html>(дата обращения 11.11.2017)

1960–2010, 50 ans d'interventions militaires françaises en Afrique [Электронный ресурс]//URL: <http://www.rfi.fr/afrique/20100714-1960-2010-50-ans-interventions-militaires-francaises-afrique> (дата обращения 11.11.2017)

50 millions pour Sarkozy: l'ancien premier ministre libyen confirme [Электронный ресурс]// URL:<https://www.mediapart.fr/journal/international/030512/50-millions-pour-sarkozy-lancien-premier-ministre-libyen-confirme> (дата обращения 09.11.2017)

Arms Control and Proliferation Profile: France [Электронный ресурс]//URL:<https://www.armscontrol.org/factsheets/franceprofile>(дата обращения 12.11.2017)

Boris Johnson meets military strongman Haftar on Libya trip[Электронный ресурс]//URL: <https://news.sky.com/story/boris-johnson-meets-military-strongman-heftar-on-libya-trip-11003992> (дата обращения 13.11.2017)

Décès de trois sous-officiers en Libye [Электронный ресурс] // URL: <http://www.defense.gouv.fr/salle-de-presse/communiqués-de-presse/communiqués-de-florence-parly/decès-de-trois-sous-officiers-en-libye> (дата обращения 13.11.2017)

France Is Involved In A Secret Fight Against ISIS In Libya, Local Officials Say. [Электронный ресурс] // URL: https://www.huffingtonpost.com/entry/french-special-forces-in-libya-to-fight-isis_us_56ce1c5ce4b0871f60e9ed3c (дата обращения 12.11.2017)

French arms sales rise by 42%. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20140617-french-arms-sales-rise-by-42/> (дата обращения 12.11.2017)

Gabon to Mali: History of French Military Interventions in Africa [Электронный ресурс] // URL: <https://globalvoices.org/2013/01/18/gabon-to-mali-history-of-french-military-interventions-in-africa/> (дата обращения 11.11.2017)

Gaddafi: Europe will 'turn black' unless EU pays Libya £4bn a year [Электронный ресурс] // URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/libya/7973649/Gaddafi-Europe-will-turn-black-unless-EU-pays-Libya-4bn-a-year.html> (дата обращения 11.11.2017)

Haftar in Italy to discuss terrorism and smuggling [Электронный ресурс] // URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20170927-haftar-in-italy-to-discuss-terrorism-and-smuggling/> (дата обращения 13.11.2017)

Haftar incontra l'inviato speciale Onu per la Libia [Электронный ресурс] // URL: <https://www.tpi.it/2017/10/05/haftar-incontra-inviato-speciale-onu-libia/#r> (дата обращения 10.11.2017)

Hillary Clinton Email Archive [Электронный ресурс] // URL: <https://wikileaks.org/clinton-emails/emailid/6528> (дата обращения 11.11.2017)

Italian Defence Minister receives Haftar in Rome to help stabilize Libya [Электронный ресурс] // URL: <http://www.libyanexpress.com/italian-defence-minister-receives-haftar-in-rome-to-help-stabilize-libya/> (дата обращения 09.11.2017)

Italian Defence Minister receives Haftar in Rome to help stabilize Libya [Электронный ресурс] // URL: <http://www.libyanexpress.com/>

italian-defence-minister-receives-haftar-in-rome-to-help-stabilize-libya/
(дата обращения 11.11.2017)

Italy Breaks Immigration Record in 2016 [Электронный ресурс]//
URL:<http://www.breitbart.com/london/2016/12/06/italy-breaks-immigration-record-2016/> (дата обращения 12.11.2017)

Italy to pay Libya \$5 billion [Электронный ресурс] // URL:<http://www.nytimes.com/2008/08/31/world/europe/31iht-taly.4.15774385.html> (дата обращения 09.11.2017)

Leaks indicate US support for Libya's Haftar [Электронный ресурс] // URL:<http://www.aljazeera.com/news/2016/11/leaks-libya-haftar-161108195637631.html> (дата обращения 10.11.2017)

Libya Oil Crescent – Recent Developments October 7 [Электронный ресурс] // URL:<https://www.whisperingbell.com/blog/libya/libya-oil-crescent-recent-developments>(дата обращения 12.11.2017)

Libya seeks Italy's help to combat illegal immigration [Электронный ресурс]// URL:<https://www.middleeastmonitor.com/20170727-libya-seeks-italys-help-to-combat-illegal-immigration/> (дата обращения 12.11.2017)

Libya's Haftar consults with Sisi for intelligence purposes [Электронный ресурс]// URL:<https://www.middleeastmonitor.com/20160920-libyas-haftar-consults-with-sisi-for-intelligence-purposes/> (дата обращения 11.11.2017)

Libya's Haftar vows to deal with terrorists 'through weapons' [Электронный ресурс] // URL:<http://www.france24.com/en/20170727-interview-khalifa-haftar-libya-fayez-sarraj-deal-ceasefire-terrorists-benghazi-tripoli> (дата обращения 09.11.2017)

Libyan Oil Output Said to Drop to Six-Month Low on Field Halt [Электронный ресурс] // URL:<https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-04-11/libyan-oil-output-said-to-drop-to-six-month-low-on-field-halt>(дата обращения 11.11.2017)

Massacre reported as Misratans and BDB take Brak Al-Shatti airbase [Электронный ресурс] // URL:<https://www.libyaherald.com/2017/05/18/misratans-and-bdb-takes-brak-al-shatti-airbase-in-shock-attack-heavy-lna-casualties-reported/> (дата обращения 12.11.2017)

Migrant NGOs accused of colluding with human traffickers in Mediterranean [Электронный ресурс] // URL:<https://www.rt.com/>

news/388031-msf-crew-investigation-migrant-rescue/ (дата обращения 12.11.2017)

Pour Macron, «la lutte contre le terrorisme islamiste» est la priorité de la diplomatie française [Электронный ресурс] // URL: http://www.lemonde.fr/politique/article/2017/08/29/pour-macron-la-lutte-contre-le-terrorisme-islamiste-est-la-priorite-de-la-diplomatie-francaise_5178040_823448.html#RVVzm5ytAWzuKXdM.99 (дата обращения 12.11.2017)

Sarraj denies inviting Italian warships into Libya's waters [Электронный ресурс] // URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20170728-sarraj-denies-inviting-italian-warships-into-libyas-waters/> (дата обращения 13.11.2017)

Shouldn't France support the legitimate government in Libya? [Электронный ресурс] // URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20160727-shouldnt-france-support-the-legitimate-govt-in-libya/> (дата обращения 11.11.2017)

The French African Connection [Электронный ресурс] // URL: <http://www.aljazeera.com/programmes/specialseries/2013/08/201387113131914906.html> (дата обращения 10.11.2017)

Unrealistic to ignore Haftar says UN special envoy to Libya [Электронный ресурс] // URL: http://www.adnkronos.com/aki-en/politics/2017/08/08/unrealistic-ignore-haftar-says-special-envoy-libya_wSpmbfWoENgYebRdl8aqKpJ.html?refresh_ce (дата обращения 12.11.2017)

War in Libya – the Guardian briefing [Электронный ресурс] // URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/aug/29/-sp-briefing-war-in-libya> (дата обращения 12.11.2017)

What Is Khalifa Haftar's Son Doing In Jordan? [Электронный ресурс] // URL: <https://www.middleeastobserver.org/2016/12/26/what-is-khalifa-haftars-son-doing-in-jordan/> (дата обращения 12.11.2017)

ЗНАЧЕНИЕ ВИЗИТА ПРЕЗИДЕНТА ЧАН ДАЙ КУАНГА В МОСКВУ С 28 ИЮНЯ ПО 1 ИЮЛЯ 2017 Г. В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА РОССИИ И ВЬЕТНАМА

Нгуен Тхи Тхао Ань, Голиков И.В.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению современных отношений между РФ и СРВ. Анализируются главные события визита президента СРВ в Россию, их результаты и влияние на двустороннее сотрудничество. Приводятся экспертные оценки значимости визита президента Вьетнама. В заключении авторами сделан вывод о том, что реализация подписанных в ходе визита соглашений будет способствовать минимизации общепризнанных проблем и качественному повышению уровня двусторонних отношений.

Ключевые слова: Вьетнам, Россия, всеобъемлющее стратегическое партнерство, российско-вьетнамские отношения

THE SIGNIFICANCE OF THE VISIT OF THE VIETNAMESE PRESIDENT TRAN DAI QUANG TO MOSCOW FROM THE 28TH OF JUNE UNTIL THE 1ST OF JULY 2017 IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF A COMPREHENSIVE STRATEGIC PARTNERSHIP BETWEEN RUSSIA AND VIETNAM

Nguyen Thi Thao Anh, Ivan V. Golikov

Abstract: The paper is dedicated to an examination of the current relations between Russia and Vietnam. The authors analyze the main events during the visit of the Vietnamese president to Russia, and their result and influence on bilateral relations. The article also examines the various assessments made by other experts in the field as to the significance of the Vietnamese president's visit. In conclusion, the authors demonstrate that the implementation of the signed agreements during the visit should minimize commonly recognized problems and will improve the bilateral relations between Vietnam and Russia.

Keywords: Vietnam, Russia, comprehensive strategic partnership, Russia-Vietnam relations

Официальный визит президента Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) Чан Дай Куанга в Москву прошел с 28 июня по 1 июля 2017 г. Это был его первый официальный визит за рубеж в качестве главы вьетнамского государства. Накануне визита президента СРВ в Россию в Институте Дальнего Востока РАН Центром изучения Вьетнама и АСЕАН была проведена пресс-конференция о визите и круглый стол о состоянии и перспективах российско-вьетнамских отношений, в которых приняли участие известные ученые и представители информационных агентств двух стран. Ожидалось, что визит президента Вьетнама станет стимулом для продолжения развития всестороннего сотрудничества между странами [В институте Дальнего Востока...].

Стоит отметить, что визит президента состоялся в год пятилетия с момента подписания «Совместного заявления об укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам», что позволило подвести некоторые итоги и осмыслить результаты совместной деятельности. Результаты и ход обсуждения двустороннего сотрудничества во время встреч президента СРВ с государственными деятелями России дают почву для анализа как с точки зрения выделения проблем, так и перспектив российско-вьетнамских отношений.

Актуальные вопросы российско-вьетнамских отношений в контексте визита Чан Дай Куанга

В преддверии своей поездки президент Чан Дай Куанг сказал, что Вьетнам «придает приоритетное значение дружеским отношениям с РФ в своей внешней политике» и считает Россию «своим верным стратегическим партнером» [Президент Вьетнама...]. Вьетнам является единственной страной ЮВА, с которой Россия установила отношения стратегического партнерства. В политико-дипломатической сфере страны регулярно обмениваются мнениями о ситуации в регионе и мире, осуществляя визиты на разных уровнях, в том числе высшем, которые создали прочную базу политического сотрудничества.

СРВ является важным партнером России в Юго-Восточной Азии и играет роль связующего звена между Россией и АСЕАН. Кроме того, в нынешнем контексте, когда США и страны Европы ввели санкции в отношении РФ, а в Китае наблюдается сильный экономический и военный рост, Россия, с одной стороны, сотрудничает с Китаем в противостоянии давлению США, а с другой, работает на определенное сдерживание амбиций Китая в Азии [Локшин 2014: 60]. Сотрудничество с Вьетнамом является опорой для России в реализации данной стратегии.

В то же время СРВ стремится использовать связи с Россией для уравнивания отношений с другими влиятельными государствами и политико-экономическими центрами [Мазырин 2015: 6]. Однако стоит отметить, что в нынешних российско-вьетнамских отношениях на политическом уровне существуют «раздражители», как их называет российский вьетнамист Е.В. Кобелев. Один из них связан с тем, что в политических и информационных кругах Вьетнама до сих пор существует стереотип «братской дружбы» и солидарности с Вьетнамом советских времен, согласно которому Вьетнам ожидает активной поддержки со стороны России в конфликте о принадлежности островов Южно-Китайского моря [Кобелев 2015: 41]. РФ же придерживается нейтральной позиции, делая акцент лишь на требовании мирного решения проблемы.

Этот вопрос нашёл отражение и в ходе последнего визита президента. Так, во время встречи с председателем государственной Думы РФ В. Володиным президент Вьетнама предложил России и российскому парламенту поддержать вьетнамскую позицию по проблеме Южно-Китайского моря и активнее содействовать поддержанию мира, стабильности и безопасности в тихоокеанском регионе [Чан Дай Куанг...]. В совместном заявлении стороны отметили, что пограничные, территориальные и иные споры должны решаться мирным путем, на основе международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. Как видно, позиции сторон не претерпели изменений по данному вопросу, хотя можно констатировать, что единственная «сложность» в двусторонних политических отношениях, сохраняясь на уровне ожиданий вьетнамского истеблишмента, не влияет на глубину реального российско-вьетнамского сотрудничества.

Сотрудничество в военно-технической сфере и оборонной области имеет большое значение для двух стран. Стороны в 2008 г. подписали межправительственный меморандум о стратегии военно-технического сотрудничества на период до 2020 г. Подписанный договор стал импульсом развития сотрудничества в оборонной сфере. Страны заключили крупные контракты на поставку из России во Вьетнам истребителей, зенитно-ракетных комплексов, фрегатов, ракетных катеров и подводных лодок. За последние пять лет объем закупок российских вооружений составил более 5 млрд долл. [Военно-техническое сотрудничество...].

Развивается сотрудничество стран и в энергетическом секторе. Энергетика является одной из наиболее долгосрочных и эффективных областей стратегического партнерства. Совместные российско-вьетнамские предприятия занимаются добычей нефти и газа не только во Вьетнаме и в России, но и намерены продолжать сотрудничество в третьих странах. Сегодня Вьетнам эффективно сотрудничает с крупными нефтяными компаниями России. В их числе Газпром, Зарубежнефть и Лукойл. Ярким примером эффективного совместного предприятия между странами в сфере поиска, разведки и добычи нефти и газа во Вьетнаме является «Вьетсовпетро». По данным компании, выручка от реализации нефти составила примерно 77 млрд долл. США, при этом прибыль Вьетнама составила 48 млрд долл. США, а России – 11 млрд долл. США [Совместное российско-вьетнамское...].

Тем не менее, в настоящее время российско-вьетнамские отношения проходят сложный период, требующий содействия сотрудничеству между двумя государствами для преодоления трудностей. Россия утратила свою позицию как главный союзник СРВ. Наблюдается явное усиление влияния США, стран ЕС и других стран на экономику и политику Вьетнама. Нужно отметить, что после распада СССР и реализации политики «Обновления («Đổi mới») во Вьетнаме сегодняшние российско-вьетнамские отношения в большей степени связаны не с политической конъюнктурой, а с интересами рынка.

Экономическое сотрудничество является слабым пунктом во всеобъемлющем стратегическом партнерстве, не отвечающим намерениям ни Вьетнама, ни России. Товарооборот России и Вьетнама

в 2016 году составил 3,83 млрд долл. США, или 1,09% от общего объема внешнеторгового оборота Вьетнама [Обзор экономики...]. Товарооборот между Россией и Вьетнамом примерно в 10 раз ниже по сравнению с товарооборотом Вьетнама и США [там же]. Ряд аналитиков выделяют следующие причины низких показателей двухсторонней торговли: «географическая удаленность, низкая взаимная информированность о возможностях ведения бизнеса и слабое содействие ему, ограниченность инвестиционных ресурсов в обеих странах, низкая конкурентоспособность экспортных товаров, высокая конкуренция за рынки. Взаимную торговлю, инвестиции серьезно сдерживает ведение их в долларах США, явная зависимость обеих стран от западного регулятора» [Современное состояние...].

Поэтому во время встречи глав государств торговля и экономика стали главными предметами обсуждений. Представители стран признали сложившиеся трудности в этой сфере и говорили о необходимости поиска новых «точек роста» [Совместное заявление...].

Стороны согласились, что нефтегазовая сфера остается приоритетным направлением сотрудничества и выразили желание продолжить создавать благоприятные условия для работы российских и вьетнамских компаний на территориях двух стран, а также расширить зоны разведки и добычи нефти и газа на континентальном шельфе Вьетнама [там же].

Подписание соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Вьетнамом стало новой точкой для увеличения взаимного товарооборота между Вьетнамом и Россией. По итогам первого полугодия 2017 г. объем российско-вьетнамского товарооборота увеличился почти на 21% и составил более 2 млрд долл. США [Игорь Шувалов...]. Поэтому президенты государств отметили единый настрой на активную реализацию соглашения о свободной торговле между членами ЕАЭС и Вьетнамом. Президент Чан Дай Куанг уверен, что эффективная реализация соглашения создаст прорыв в торгово-экономическом и инвестиционном сотрудничестве и позволит товарообороту между СРВ и РФ достичь отметки в 10 млрд долл. к 2020 г. [Россия и Вьетнам...].

Кроме того, представители намерены расширить сотрудничество по новым направлениям, таким, например, как транспортная инфраструктура и телекоммуникации. Стороны также отметили необходимость принятия конкретных мер по расширению сотрудничества в сельском, рыбном и лесном хозяйствах, агропромышленном комплексе [Совместное заявление...].

Во время своего визита в Россию президент Вьетнама принял участие в российско-вьетнамском экономическом форуме. Выступая на форуме, он подтвердил, что Вьетнам всегда приветствует инвестиции из РФ и будет создавать благоприятные условия деловым кругам России. Он также пожелал, чтобы РФ создала условия вьетнамским предприятиям для инвестиционного сотрудничества [Президент Чан Дай Куанг...].

В результате проведенных встреч стороны подписали более 20 инвестиционных программ на сумму 10 млрд долл., а российско-вьетнамский инвестиционный фонд планирует вложить до 500 млн долларов в перспективные несырьевые проекты [Россия и Вьетнам...].

Стоит отдельно отметить ситуацию, связанную с информированностью обеих сторон. Директор Института торговли Министерства промышленности и торговли СРВ Фам Нгуен Минь подчёркивал, что одной из ключевых проблем в торговле остаётся взаимная слабая информированность, препятствующая объективному пониманию возможностей национальных рынков [Фам Нгуен Минь 2015: 49].

Для решения этой проблемы стороны заключили соглашение о сотрудничестве между российским информагентством «Спутник» и Вьетнамским информагентством. По мнению гендиректора Вьетнамского информагентства Нгуен Дык Лоя, «подписание соглашения между информагентствами позволит эффективно информировать россиян и жителей Вьетнама о ситуации в обеих странах, продвигая отношения на всех уровнях» [Спутник...]. Кроме того, в 2019 г. будет отмечаться 25-летие подписания договора об основах дружественных отношений. Стороны договорились о проведении в этом году перекрестного года России во Вьетнаме и Вьетнама в России, направленных на поддержку взаимодействия в торгово-экономической, научно-технологической, культурно-образовательной и других сфер [Совместное заявление...].

В культурно-образовательной сфере сегодня также наблюдаются трудности. Безусловно, в сложившейся ситуации после распада СССР и развития СРВ активного сотрудничества со многими странами мира сравнивать нынешний и прежний уровень отношений между Россией и Вьетнамом в этих областях нецелесообразно, однако упускать возможности реализации политики «мягкой силы» для России не выгодно. Популярность русского языка во Вьетнаме падает. Возможно, эту ситуацию можно исправить с его введением в школьную программу, как это планируют сделать власти Вьетнама. Количество вьетнамских студентов, обучающихся в России на сегодняшний день, растёт, однако их существенно меньше, чем в других странах, в частности, в Японии, Австралии, США, Китае, Англии. Согласно статистике, в 2017 г. в США обучались 30 817 вьетнамских студентов [Вьетнам...], в то время как в РФ не более шести тысяч [Всеобъемлющее стратегическое партнерство...]. Поэтому в совместном заявлении стороны подтвердили заинтересованность двух стран в расширении контактов в области науки и технологий, образования и подготовки кадров, что является традиционным пунктом совместных заявлений двух стран.

Новый толчок получили двусторонние экономические отношения на уровне регионов. Несмотря на то, что ранее российской стороной предпринимались не имевшие успеха попытки привлечь иностранные инвестиции в Дальний Восток, отдельные области РФ показывают сегодня положительную динамику в сотрудничестве с Вьетнамом. Во время визита президент СРВ встретился с губернатором Калужской области и губернатором Санкт-Петербурга. Калужская область является примером сотрудничества стран на региональном уровне. В 2016 г. внешнеторговый оборот области с Вьетнамом составил 4 млн долларов США, с января по апрель текущего года он вырос на 70% [Вьетнам, добро пожаловать в Калугу...]. Также в этом году Корпорация ТН True Milk подписала договор с администрацией Калужской области, в соответствии с которым компания инвестирует 190 млн долл. в постройку молочных ферм [Корпорация ТН...]. Эти инвестиции будут первыми вьетнамскими инвестициями в сферу сельского хозяйства РФ.

Санкт-Петербург сотрудничает с г. Хошимин и провинцией Кханьхоа. Как отметил губернатор Санкт-Петербурга, образование

и наука остаются важнейшими направлениями сотрудничества с Вьетнамом [Георгий Полтавченко...]. Санкт-Петербург имеет репутацию одного из главных городов России, который вьетнамские студенты хотели бы выбрать для учебы. В настоящее время примерно 300 вьетнамских студентов учатся в вузах Санкт-Петербурга [Председатель страны...]. В 2010 г. в городе был открыт первый институт Хо Ши Мина вне территории Вьетнама. Кроме того, Санкт-Петербург и Вьетнам также расширяют сотрудничество в различных сферах: торговле, туризме, культуре и экологии. С января по апрель 2017 г. товарооборот между сторонами составил 100 млн долл. [Председатель страны...].

Президент Вьетнама в ходе визита в Санкт-Петербург сделал акцент на роли отношений на региональном уровне, отметив, что «они вносят значительный вклад в развитие отношений между Вьетнамом и Россией в целом» [Георгий Полтавченко...].

Оценка визита Чан Дай Куанга

Вьетнамские СМИ и представители государства положительно оценили результаты визита президента Чан Дай Куанга в Россию. Постоянный заместитель министра иностранных дел Вьетнама Буй Тхань Шон заявил: «Я могу подтвердить, что официальный визит президента Чан Дай Куанга в Российскую Федерацию имел большой успех. Это важный визит во многих аспектах, <...> [он] сделал более глубокими и эффективными отношения между Вьетнамом и Россией. <... > Можно утверждать, что визит президента Чан Дай Куанга в Россию создал новый импульс для всестороннего стратегического партнерства между Вьетнамом и Россией для вступления в новый этап развития отношений, отвечающий чаяниям и интересам народов обеих стран» [Визит президента...]. В целом, в официальных СМИ двух государств содержатся похожие оценки.

В то же время российские эксперты дают различные оценки визиту президента СРВ. Так, Анна Киреева, заместитель декана факультета политологии МГИМО, доцент кафедры востоковедения считает: «Визит Президента СРВ в Россию действительно очень важен для нас, поскольку он позволит развивать договоренности, которые были достигнуты до этого. И крайне важно, чтобы Россия и Вьетнам подтвердили заинтересованность в сотрудничестве по международным вопросам, у нас очень схожие позиции по

глобальным и региональным международным политическим вопросам и отсутствуют серьезные разногласия» [Российский эксперт...].

В интервью RT доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России Петр Цветов оценил официальный визит президента СРВ в России следующим образом: «Это свидетельство того, что отношения между Россией и Вьетнамом сохраняются на самом высоком уровне. <...> и Вьетнам, и Россия доверяют друг другу, а сфера нашего взаимодействия касается всего: и дипломатии, и экономики, и обороны, и безопасности». Но при этом эксперт отмечает, что от встречи двух лидеров не стоит ожидать «прорывных решений» [Стратегия партнёрства...].

Менее положительным является мнение эксперта Центра стратегических разработок Антона Цветова. Он отметил, что «встречи между вьетнамскими и российскими руководителями проходят достаточно часто и являются своеобразной «фишкой» российско-вьетнамских отношений» [«Россия для вьетнамцев...»].

В целом давая оценку характеру российско-вьетнамского всеобъемлющего стратегического партнерства, нужно выделить несколько общих моментов сотрудничества. Во-первых, важно отметить, что российско-вьетнамские отношения поддерживаются посредством частых встреч на высшем уровне, а также на уровне координирующих органов (Межправительственная Российско-Вьетнамская комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, Российско-Вьетнамская Рабочая группа). Во-вторых, существует ряд факторов, способствующих сближению государств: к примеру, страны имеют общие воззрения на мироустройство, исторические традиции двустороннего сотрудничества. В-третьих, сотрудничество подкрепляется совместной деятельностью в рамках международных организаций, таких как АСЕАН, АТЭС, ЕАЭС.

Официальный визит Чан Дай Куанга в Москву в период с 28 июня по 1 июля 2017 г. подтверждает заинтересованность Вьетнама в России как одном из ключевых партнеров в международном сообществе. Особенно важно, по нашему мнению, то, что в ходе осуществленного визита был сделан акцент на обозначении актуальных проблем сотрудничества: отсутствие надлежащего

информационного поля, слабая инвестиционная составляющая, низкий уровень торгово-экономической сферы.

Безусловно, в российско-вьетнамских отношениях присутствуют политические сложности, связанные преимущественно со слабой заинтересованностью в участии сторон в вопросах регионального характера друг друга. Так, актуальные для внешней политики России проблема принадлежности Крыма, и для Вьетнама – конфликт о принадлежности архипелага Спратли и Паресельских островов не находят отражения в официальных позициях сторон. Также у Вьетнама вызывает беспокойство российско-китайское военно-техническое сотрудничество.

Однако, учитывая конъюнктуру современной системы международных отношений, превалирующими вопросами двустороннего сотрудничества сегодня являются экономические. Именно им в основном были посвящены встречи российских политиков и президента Вьетнама. Можно ожидать, что подписанные соглашения и заключенные договоренности при их успешном исполнении позволят качественно и количественно улучшить экономическую составляющую стратегического партнерства, что, по мнению большинства, если не всех, экспертов является главной проблемой РФ и СРВ. Надлежащая реализация договоров, по нашему мнению, приведет к углублению российско-вьетнамского сотрудничества и станет стимулом для еще большей заинтересованности политических и, возможно, экономических кругов двух стран. Поэтому дальнейшее развитие стратегического партнерства после визита Чан Дай Куанга будет зависеть от политической воли руководителей Вьетнама и России.

Литература

В Институте Дальнего Востока РАН проведена пресс-конференция о визите президента Вьетнама (Việt Viễn Đông Nga hợp báo về chuyến thăm của Chủ tịch nước) [электронный ресурс]. – URL: <https://vov.vn/chinh-tri/vien-vien-dong-nga-hop-bao-ve-chuyen-tham-cua-chu-tich-nuoc-640178.vov> (Дата обращения: 12.09.2017).

Визит президента СРВ Чан Дай Куанга в Россию и Беларусь имеет важное значение во многих аспектах [электронный ресурс]. – URL: <http://huunghivietnga.com.vn/news/vzzhnp-mndzhzgdka-onv->

[fak-gay-irakha-v-nloozyu-z-bdyianroshc-zjddp-vaekld-zhkafdkzd-vl-jklhzt-aomdipat](#) (Дата обращения: 19.10.2017).

Военно-техническое сотрудничество России: государства Юго-Восточной Азии и АТР. [электронный ресурс]. – URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-gosudarstva-yugo-vostochnoy-azii-i-atr> (Дата обращения: 25.09.2017).

Всеобъемлющее стратегическое партнерство с Вьетнамом [электронный ресурс]. – URL: <http://www.mid.ru/strategiceskoe-partnerstvo-s-v-etnamom> (Дата обращения: 13.09.2017).

Вьетнам занимает 5-ое место по числу иностранных студентов в Соединенных Штатах Америки (Việt Nam xếp thứ 5 về du học sinh tại Mỹ) [электронный ресурс]. – URL: <https://thanhvien.vn/giao-duc/vietnam-xep-thu-5-ve-du-hoc-sinh-tai-my-829863.html> (Дата обращения: 12.09.2017).

Игорь Шувалов принял участие в заседании Межправительственной Российско-Вьетнамской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству [электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/news/29185> (Дата обращения: 19.09.2017).

Кобелев Е.В. Российско-вьетнамские отношения: реальность и перспективы – Вьетнамские исследования. Выпуск 5. Национальные интересы и традиции Вьетнама. – М., 2015. С.21–43.

Локшин Г.М. Политическое сотрудничество между Россией и Вьетнамом // Юго-Восточная Азия, актуальные проблемы развития. Выпуск XXV (ЮВА 2013–2014) – М., 2014. С.55–63.

Мазырин В.М. Россия–Вьетнам: 20 предложений по повышению эффективности всеобъемлющего стратегического партнерства. Рабочая тетрадь № 23/2015/ [Мазырин В.М., Кобелев Е.В.]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М., 2015. – 36 с.

Обзор экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности Вьетнама в 2016 году [электронный ресурс]. – URL: <http://docplayer.ru/55290369-O-b-z-o-r-ekonomiki-i-osnovnyh-napravleniy-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-vetnama-v-2016-godu.html>. – 68 с. (Дата обращения: 05.10.2017).

Полтавченко Г. Вьетнам был и остается важным партнером России и Санкт-Петербурга [электронный ресурс]. – URL: <http://gov.spb.ru/press/governor/115864> (Дата обращения: 15.09.2017).

Президент Вьетнама: в наших отношениях с Москвой взаимное доверие растет с каждым днем [электронный ресурс]. – URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/4365178> (Дата обращения: 05.09.2017).

Президент Чан Дай Куанг встретился с губернатором Санкт-Петербурга (Chủ tịch nước Trần Đại Quang gặp gỡ Thống đốc Saint Petersburg) [электронный ресурс]. – URL: <https://vov.vn/chinh-tri/chu-tich-nuoc-tran-dai-quang-gap-go-thong-doc-saint-petersburg-641867.vov> (Дата обращения: 20.09.2017).

Президент Чан Дай Куанг принял участие в российско-вьетнамском экономическом форуме [электронный ресурс]. – URL: <http://ru.nhandan.com.vn/kinhtexahoi/kinhtexahoi-hoinhap/item/430550> (Дата обращения: 19.09.2017).

Российский эксперт: Вьетнаму отведена ключевая роль в политике Поворота России к Азии [электронный ресурс]. – URL: <http://inosmi.ru/politic/20170706/239734608.html#comments> (Дата обращения: 13.09.2017).

«Россия для вьетнамцев – пустой звук» [электронный ресурс]. – URL: https://m.gazeta.ru/politics/2017/06/28_a_10742051.shtml (Дата обращения: 01.10.2017).

Россия и Вьетнам подписали контракты на \$10 млрд [электронный ресурс]. – URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/87492> (Дата обращения: 19.09.2017).

Совместное заявление по итогам официального визита Президента Социалистической Республики Вьетнам в Российскую Федерацию [электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5215> (Дата обращения: 19.09.2017).

Совместное российско-вьетнамское предприятие «Вьетсовпетро» [электронный ресурс]. – URL: <http://www.vietsov.com.vn/rus/Pages/Introduction.aspx> (Дата обращения: 25.09.2017).

Современное состояние и перспективы двусторонних отношений с Вьетнамом глазами российских экспертов [электронный ресурс]. – URL: <http://www.ifes-ras.ru/events/8/2141-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-dvustoronnix-otnoshenij-s-vetnamom-glazami-rossijskix-ekspertov> (Дата обращения: 18.09.2017).

«Спутник» укрепляет отношения с ведущими СМИ во Вьетнаме («Sputnik» củng cố quan hệ với cơ quan truyền thông hàng đầu của Việt Nam) [электронный ресурс]. – URL: https://vn.sputniknews.com/vietnam_russia/201706293539627-thoa-thuan-hop-tac-ttxvn-sputnik (Дата обращения: 15.09.2017).

Стратегия партнёрства: почему Вьетнам ищет сближения и с Россией, и с США [электронный ресурс]. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/404117-vietnam-vizit-rossiya-sblizheniye> (Дата обращения: 02.10.2017).

Фам Нгуен Минь. Оценка состояния и путей развития торговли между СРВ и РФ. – Вьетнамские исследования. Выпуск 5. Национальные интересы и традиции Вьетнама. –М., 2015. С.44–54.

Чанг Дай Куанг попросил Россию продолжать поддерживать Вьетнам в споре по Южно-Китайскому морю (Ông Trần Đại Quang yêu cầu Nga tiếp tục ủng hộ Việt Nam trong tranh chấp trên Biển Đông) [электронный ресурс]. – URL: https://vn.sputniknews.com/vietnam_russia/201706303546398-viet-nam-yeu-cau-nga-ung-ho-trong-bien-dong/ (Дата обращения: 20.09.2017). Vietnam, welcome to Kaluga [электронный ресурс]. – URL: <http://pressa40.ru/vietnam-welcome-to-kaluga/> (Дата обращение 12.09.2017).

ТН true MILK подписал договор с администрацией Калужкой области (Tập đoàn TH ký kết thỏa thuận hợp tác với tỉnh Kaluga - Liên Bang Nga) [электронный ресурс]. – URL: <http://www.thmilk.vn/tin-tuc/tap-doan-th-ky-ket-thoa-thuan-hop-tac-voi-tinh-kaluga-lien-bang-nga.html> (Дата обращения: 20.09.2017).

«БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ» НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ ЕГИПТА С 1990-Х ДО 2011 ГГ.

Пичугин П.В.

Аннотация: В работе рассматривается участие организации «Братья-мусульмане» в политической жизни АРЕ с начала 1990-х гг. до событий Арабской весны. На основе отечественной историографии, зарубежных источников и литературы предпринята попытка анализа механизмов инкорпорирования группировки в профессиональные союзы и нижнюю палату АРЕ (Меджлис аш-Шааб), а также действий официальной власти страны, направленных на ограничение и снижение количества представителей «БМ» в парламенте страны. Цель работы – проследить эволюционный путь организации «Братьев» в период с 1990 г. по 2011 г. В тексте рассмотрена специфика представительства объединения «братьев» в органах власти, которая заключается в том, что в органах низшего звена и профсоюзах представители группировки занимали около 40 – 80%. А в высших структурах их количество не превышало 10%, что являлось следствием фальсификаций, осуществляемых правительством АРЕ. Рост популярности «Братьев-мусульман» в египетском обществе подтверждается данными результатов выборов в нижнюю палату парламента с 1990 г. по 2011 г. (в указанный период). В заключении автор предпринимает попытку охарактеризовать причины политической изоляции группировки в конце XX – начале XXI вв.

Ключевые слова: Египет, Братья-мусульмане, выборы, парламент, Меджлис аш-Шааб

«MUSLIM BROTHERHOOD» ON THE POLITICAL ARENA OF EGYPT FROM THE 1990S TO 2011.

Pavel V. Pichugin

Abstract: The work considers the participation of the Muslim Brotherhood in the political life of the Arab Republic of Egypt from the early 1990s to the events of the Arab Spring. On the basis of domestic

historiography, foreign sources and literature, was made an attempt to analyze the mechanisms for incorporating the group into labor union organizations and the Lower Chamber of the Arab Republic of Egypt (Majlis al-Shaab), as well as the actions of the official authorities, aimed at limiting and reducing the number of representatives of «MB» in the country's parliament. The aim of the work is to track down the evolutionary path of the organization in the period from 1990 to 2011.

The text presents the specificity of the organization's representation in the authorities. The specificity is that in the lower-level bodies and trade unions the group representatives occupied about 40-80%. And in the highest level their numbers did not exceed 10%, which was the result of frauds, carried out by the Egypt government. The growing popularity of the Muslim Brotherhood in Egyptian society is confirmed by quantitative data on the results of elections to the Lower Chamber of parliament from 1990 to 2011 (during this period). In conclusion, the author makes an attempt to characterize the reasons for the political isolation of the grouping in the late twentieth and early twenty-first centuries.

Keywords: Egypt, Muslim Brotherhood, elections, parliament, Mejlis al-Shaab

Организация «Братья-мусульмане» (БМ), которая, по мнению ряда отечественных (Раджабадинов М.З. и Царегородцева И.А.) и зарубежных (Ранко А. и Захид М.) политологов являлась ключевой оппозиционной силой в парламенте Египта, прошла эволюционный путь от запрещенного движения до лидирующей партии (по количеству депутатов) в парламенте АРЕ на выборах в 2012 г. Основная цель работы – рассмотреть ключевые этапы эволюции группировки до событий Арабской весны. Период с 1990 г. по 2011 г. выбран не случайно: именно после событий в Алжире победа радикальной исламской партии на выборах в Национальную ассамблею и последовавшая за этим отмена следующего тура голосования привела к гражданской войне 1991 г. [Ланда 1999: 214–220]. Президент Хосни Мубарак не желал повторения алжирских событий, поэтому вся сила государственной машины Египта была направлена на подавление любых попыток «БМ» легализовать свой статус в политической системе страны, что в дальнейшем позволило бы воплотить в жизнь идеи организации.

Движение «Братьев-мусульман» появилось в марте 1928 г. и первоначально считалось обществом религиозного просвещения. По разным оценкам, к концу 1940-х годов в рядах «братства» насчитывалось свыше 1 млн человек, включая сочувствующих и активных участников [Ражбадинов 2004: 125]. После неудачного покушения членов ассоциации на президента Гамалы Абдель Насера в 1954 г. организация оказалась на нелегальном положении и лишилась участия в выборах. В связи с этим движение использовало разные методы, чтобы попасть в Нижнюю палату Египта. Проникнув во все слои общества благодаря активной пропаганде среди населения, а также с помощью ряда социальных программ [Ражбадинов 2004: 41, 55, 61, 67], «БМ» поставили перед собой задачу преуспеть в политической борьбе. Со второй половины 1980-х гг. «Братство» стало участвовать в выборах как в нижнюю, так и в верхнюю палату парламента Египта.. Кроме того, «Братья-мусульмане» продемонстрировали политическую гибкость, вступив в коалицию с другими политическими силами. Например, Исламский альянс с Социалистической партией труда (СПТ), с Либерально-социалистической партией (ЛСП), а также альянс с партией Вафд [Ражбадинов 2004: 205–215, 317–320].

Несмотря на поражение исламистов в Алжире, «Братья-мусульмане» Египта были уверены в своем политическом будущем:

Во-первых, в январе 1990 г. произошла отставка министра внутренних дел Заки Бадра, что было воспринято как признак отхода режима от жесткой политики в отношении исламского движения, в результате чего многие наблюдатели ожидали скорой легализации «БМ». Но в сентябре 1991 г. власть отклонила заявку на официальное признание партии и в 45-ый раз [Ражбадинов 2004: 213].

Во-вторых, в мае 1990 г. в Египте разразился политический кризис: Конституционный суд признал выборы 1987 г. и избирательный закон недействительными. Так как уже принятый избирательный закон отменял систему партийных списков, по которым выбирались депутаты Народного собрания, были введены индивидуальные выборы, проведен референдум о роспуске парламента и назначены новые выборы [Ражбадинов 2004: 214]. Однако ведущие оппозиционные силы (ИА и Вафд) бойкотировали выборы, так как были уверены в том, что в результате внешнеполитических

событий (кризис в Персидском заливе) египетские власти не захотят срыва избирательной кампании, дабы не рисковать политической стабильностью в государстве, а значит пойдут на дополнительные уступки оппозиции [Ражбадинов 2004: 215]. Но их надеждам не суждено было сбыться, выборы состоялись вопреки ожиданиям исламистов, и победила правящая Национально-демократическая партия (НДП).

Чтобы окончательно не утратить вес на политической арене в АРЕ, «Братство» приняло принципиальное решение об участии в местных выборах и в своей программе заявило о стремлении первоначально войти в низшие органы власти, а после – в высшие. Необходимо отметить, что в этой избирательной кампании организация в очередной раз проявила гибкость, согласовав с другими оппозиционными силами (Вафд и СПТ) принцип единого списка от оппозиции в каждом избирательном округе.

По причине того, что голосование прошло в несколько этапов, а власти отклонили многие кандидатуры и приостановили выборы в части округов, в органы местного самоуправления прошли исключительно представители партии СПТ. По сравнению с результатами правительственной партии это были скромные цифры, однако СПТ объявила, что достигла своей цели, которая заключалась в противостоянии режиму, приобретении необходимого организационного опыта и умения отстаивать свои политические права [Арабский стратегический доклад, 1992: 267].

Наиболее успешным для «Братьев-мусульман» событием стали выборы в профсоюзные объединения страны. Благодаря своей социальной и благотворительной политике организация пользовалась популярностью [Ражбадинов 2004: 182]. Причина победы в профсоюзах технической интеллигенции, врачей и фармацевтов, а также в профессиональных ассоциациях адвокатов заключалась в резком понижении жизненного уровня и увеличении безработицы среди населения [Ражбадинов 2004: 218–220].

К тому же, как уже было отмечено, «БМ» стремились действовать единым фронтом на фоне разногласий и соперничества между кандидатами других партий. Кроме того, «Братья-мусульмане» успешно взаимодействовали с другими политическими объединениями, даже заявив, что копты – «полноправные граждане,

а не «зимми»¹. Также «Братство» поддерживало кандидатов от правящей НДП, заключали сделки с Вафд и некоторыми независимыми кандидатами. Несмотря на то, что избирательный процесс отличался общей пассивностью и низкой явкой, тех сил, которые БМ привлекла на свою сторону, хватило для достижения победы.

После того как «Братья-мусульмане» получили власть в профсоюзах, начался всеобщий процесс их исламизации и политизации и начали проводиться различные конференции на исламские темы, акции солидарности с мусульманскими народами Афганистана, Палестины, Боснии и Герцеговины и т.д. [Видясова, Умеров 2002: 180].

Успехи «Братьев-мусульман» не остались незамеченными со стороны власти. Дабы не допустить дальнейшей исламизации профсоюзов, 16 февраля 1993 г. парламент Египта принимает закон № 100 «Об обеспечении демократии внутри профессиональных ассоциаций», который гласил, что для признания результатов профсоюзных выборов необходимо участие в них как минимум 50% членов профсоюза в первом туре и 30% во втором туре [Al-Ahram, 1993]². В случае отсутствия кворума управление профсоюзом переходит к судебным инстанциям, которым поручается проводить выборы через каждые полгода до тех пор, пока необходимый кворум голосов не будет достигнут [Ражбадинов 2004: 232]. Ответная реакция профсоюзов не заставила себя долго ждать, 17 из 21 профсоюзных объединений АРЕ призвали к общенародным митингам, а когда их разогнали – к забастовке, что могло привести к коллапсу в Египте. Конфликт не перерос в общенациональную стачку потому, что этот период совпал со студенческими экзаменами и пришелся на канун праздника Ид аль-адха (Курбан-байрам). Протестующие потеряли главную силу: приверженцев ислама. После очередной попытки

¹ Зимми – араб. *قَمَلًا لَه* *зимми*, собирательно *قَمَلًا لَه* ахль аль-зимма, буквально «люди договора» – собирательное название немусульманского населения – в основном тех, кто исповедовал христианство, иудаизм, зоро-астризм и проч. – на территории государств, созданных или завоёванных мусульманами и живших по законам шариата

² Закон опубликован в газете Аль-Ахрам. Перевод на английский от Ranko A.

забастовки профсоюзов в 1995 г., которая также не имела мощной поддержки со стороны населения, руководство профессиональных объединений согласилось с законом о профсоюзах 1993 г. и продолжило свою работу.

Усилившаяся угроза режиму со стороны «БМ» подталкивала правительство Мубарака к репрессивным действиям по отношению к организации. Начав с ликвидации компьютерной фирмы «Сильсибиль», в которой в электронном виде хранилась документация всей организации, власть попыталась подорвать экономическую базу «БМ», уничтожив их информационно-аналитическую инфраструктуру [Daly, Petry 1998: 388–389]. Чтобы оправдать своё бездействие после землетрясений в Египте 12 октября 1992 г., режим Мубарака развернул пропагандистскую политику против организации, обвинив их в использовании трагических последствий в политических целях. Таким образом египетская власть оправдывала репрессии в отношении «БМ». Последовавший вскоре арест 50 членов «Братства» (впервые после кампании 1981 г. по уничтожению радикальных исламских объединений в связи с убийством Анвара Садата) с формулировкой за попытку создать «специальный аппарат» организации с целью «подстрекательства» против существующего режима [Ражбадинов 2004: 240], продемонстрировал решительный настрой египетских властей. Следующая волна арестов произошла в январе 1995 г., когда было задержано 28 руководителей (среди них был бывший депутат парламента) «БМ» [Ranko 2014: 146]. В общей сложности за 1995 г., в преддверии парламентских выборов, было задержано 237 активных членов «Братьев-мусульман» [Elkoussy 1995].

Выборы в парламент 1995 г. прошли под диктовку партии НДП. Власть не только не дала разрешения «Братьям-мусульманам» участвовать в избирательной кампании, но и смогла ослабить «Братство», делегирав многих кандидатов проправительственной партии по независимым спискам, что вскрылось после выборов, когда 99 из 113 независимых депутатов, оказавшись в парламенте, вступили в НДП [Inter-parliamentary Union 1995]. Политологи отмечали небывалый уровень подтасовок и злоупотреблений со стороны судебной системы, принявшей решение об отмене результатов избирательной кампании в ряде округов. В результате

«БМ» оказались не участниками выборов, а одной из сторон судебных заседаний. По мнению организации, им удалось получить только 1 место, а правительство заявило, что «ни одна радикальная исламская организация не представлена в парламенте» [CNN 1995].

Распределение мест в Меджлисе аш-Шааб в 1995 г.

Политическая партия	Количество депутатов
Национально-демократическая партия (НДП)	318
Новая партия Вафд	6
Национально-прогрессивная партия (Тагамму)	5
Арабско-демократическая партия насеристов	1
Египетская исламская рабочая партия	1
Либерально-социалистическая партия	1
Независимые	112
Назначенные президентом	10
Общее количество	454

Источник: Inter-parliamentary Union / Historical archive of parliamentary election results, 1995.

Таким образом, используя весь имевшийся административный ресурс, Х. Мубарак сумел удержать парламент под своим контролем и не допустил присутствия исламистов из «БМ» в представительном органе власти АРЕ. После того, как избранный парламент на два дня стал центром споров по поводу полученных результатов, Мубарак решился на сглаживающий шаг, произведя перестановки в правительстве. Со своего поста был смещен премьер-министр Атеф Седки, который занимал свою должность на протяжении почти 10 лет, а на его место был назначен экономист и бывший министр планирования Камаль Ахмед аль-Гансури, который вел успешные переговоры с МВФ и Всемирным банком [AhramOnline 2011].

К избирательной кампании 2000 г. действующая власть подошла очень уверенно. Верховный Конституционный суд Египта вынес постановление о том, что теперь контроль над проведением выборов

будет осуществлять судебная власть, а не органы исполнительной власти, как это было прежде. Специфика этого решения заключалась в том, что из-за нехватки судей было решено растянуть процесс голосования до трех недель, чтобы была возможность перевозить судей из одной провинции в другую [Видясова 2002: 133]. Именно так власть планировала контролировать ход выборов и вносить коррективы, выгодные для правящей партии НДП, или в случае возможной победы оппозиционных кандидатов от исламистских партий, не допустить признания итогов голосования. Однако «БМ» сумели получить 17 мест в новом парламенте, руководствуясь прагматическими соображениями в ущерб идеологии. В большинстве округов были выдвинуты не самые видные члены группировки, а те, которые пользовались широкой поддержкой на местном уровне. Эти фигуры были неизвестны правоохранительным органам по причине отсутствия заметной деятельности в организации «Братья-мусульмане». Этот результат позволил «Братству» стать де-факто самой крупной оппозиционной силой, потому что другие легализованные партии суммарно получили 16 мест в парламенте страны.

Распределение мест в Меджлисе аш-Шааб в 2000 г.

Политическая партия	Количество депутатов
Национально-демократическая партия (НДП)	353
Новая партия Вафд	7
Национально-прогрессивная партия (Тагамму)	6
Арабско-демократическая партия насеристов	3
Либерально-социалистическая партия	1
Независимые	72
Назначенные президентом	10
Места, оставшиеся вакантными	2
Общее количество	454

Источник: Inter-parliamentary Union / Historical archive of parliamentary election results, 2000.

Сразу после оглашения окончательных результатов выборов 2000 г. в организации «Братья-мусульмане» наметился раскол. Если одни реформаторы выступали за то, чтобы превратить организацию полностью в политическую партию (стать легальной оппозицией), то другие реформаторы предлагали продолжать бороться с режимом традиционными методами.

Что касается выборов в профессиональные союзы, то и здесь власть решила нивелировать всю работу, которую проделало «Братство» во главе профсоюзных организаций. Несмотря на то, что закон № 100 о профсоюзах соблюдался, представители исламского движения все равно выиграли выборы и заняли большинство мест. Тогда режим Мубарака ввел временное руководство профсоюзами и отложил выборы на несколько лет. Более того, еще с 1953 г. членство в ассоциации «Братьев-мусульман» было незаконным. Объявление о выборах в профсоюз адвокатов за месяц до даты голосования застало врасплох представителей «Братства», но они сумели в короткий срок составить список, в который вошли представители различных политических течений [Ражбадинов 2004: 244]. В итоге из двадцати мест в руководстве ассоциации девять заняли адвокаты, связанные с организацией «Братья-мусульмане». Конечно, это было не так успешно, как на выборах 1995 г., но по сравнению с другими профсоюзами, где «БМ» потеряли все позиции, движение сумело остаться в руководстве данной профессиональной ассоциации.

Перед следующими выборами ассоциация «Братья-мусульмане» была решительно настроена на успех. В 2004 г. была впервые опубликована программа реформ «БМ», вышедшая под названием «Инициативы реформ» [Аль-Джазира 2005]. Представленная программа быстро набрала популярность среди населения, в основном среди тех, кто уже устал голосовать за действующую власть. Если до этого парламентские кандидаты ограничивались лишь общими обещаниями (повышением зарплат, выдачей жилья нуждающимся, некоторые даже оплачивали обучение детям того округа, откуда они избирались), то теперь египетское население получило проект преобразований, которые затрагивали политическую и конституционную реформу, а также либерализацию политической и экономической систем и борьбу за права человека в рамках ислама [Царегородцева 2009: 178–195].

Главным слоганом всей избирательной кампании «Братства» стало выражение «Ислам – это решение». В ответ правящая партия НДП выдвинула свои намеченные цели: действия против безработицы, коррупции, реформы здравоохранения и безопасности. Ни для кого не было секретом, что победит проправительственное объединение, но многим наблюдателям было интересно, сколько голосов сможет отвоевать организация «Братья-мусульмане». По мнению многих наблюдателей, результат удивил не только представителей власти, но и самих «Братьев». Привычно для себя, участвуя только по спискам независимых кандидатов, представители «БМ» получили 88 мест из 112 [Inter-parliamentary Union 2005]. Несмотря на то, что полученных мест в парламенте было недостаточно для проведения заявленных реформ, «Братья-мусульмане» проделали колоссальную работу для реализации своих проектов. За период с декабря 2005 г. по март 2008 г. было одобрено 5 законопроектов, предложенных представителями «Братьев». Согласно данным сайта «Братьев-мусульман», статистика депутатских запросов достигла 50% от общего количества [Ahmad 2006]. «Братство» выполнило большинство своих обещаний, а также, в меру возможностей, реализовало свою программу. Поэтому перед выборами 2010 г. организация надеялась развить успех 2005 г.

Распределение мест в Меджлисе аш-Шааб в 2005 г.

Политическая партия	Количество депутатов
Национально-демократическая партия (НДП)	311
Новая партия Вафд	6
Национально-прогрессивная партия (Тагамму)	2
«Эль-Гад»	1
Независимые («Братья-мусульмане»)	88
Независимые	24
Назначенные президентом	10
Места, оставшиеся вакантными	12
Общее количество	454

Источник: Inter-parliamentary Union / Historical archive of parliamentary election results, 2005.

В апреле 2008 г. правительство решило пресечь любую деятельность «Братьев-мусульман» на местных выборах. Президент Мубарак объявил о выборах только в феврале. Однако представители «Братства» столкнулись с трудностью, когда кандидатов просто отказывались регистрировать в качестве участников избирательного процесса.

А когда начались повальные аресты членов «Братства», организация призвала все оппозиционные силы бойкотировать выборы, но так и не была услышана. В итоге 92% мест достались партии НДП, а остальные перешли к Новой партии Вафд [GlobalSecurity 2000–2010].

Стоит отметить, что правительство заранее подготовило свои действия на выборах 2010 г. в ходе 2008–2009 гг., когда были проведены довыборы для мест, оставшихся вакантными по разным причинам. Все они были отданы НДП, а протесты «Братьев» не приняли во внимание.

Выборы 2010 г. должны были стать поворотным моментом в истории режима Мубарака. Президент планировал передать власть своему сыну, так как самому египетскому лидеру на тот момент было уже 82 года, а сделать это можно было, лишь получив большинство мест в парламенте [Foreign Policy 2010]. С целью успокоить население и внешний мир, в парламент страны были введены дополнительно 64 места, которые резервировались для женщин [Сапронова 2014: 51]. Также были использованы методы, ставшие уже привычными для руководства: цензура в СМИ (было закрыто 12 кабельных каналов из-за связей с исламистами) [Inter-parliamentary Union 2010], установлены новые правила для телекоммуникационных компаний (получение лицензии за отправление текстовых сообщений на несколько телефонов) [Inter-parliamentary Union 2010], задержаны члены исламских объединений, введен запрет на использование религиозных лозунгов в предвыборной кампании, после которого были задержаны около тысячи участников избирательной кампании от организации «Братья-мусульмане» [Inter-parliamentary Union 2010].

Несмотря на то, что некоторые оппозиционные силы бойкотировали выборы, «Братство» приняло решение о своем участии, а также призвало население «противостоять

несправедливости через голоса» [Wickham 2013: 147–150].

И уже после того, как в первом туре «БМ» не победила ни по одному списку, организация отказалась от участия во втором туре. Помимо того, ассоциация отправила претензии в избирательную комиссию о том, что выборы «сфальсифицированы и недействительны» [Al Jazeera 2010].

Благодаря самоустранению «БМ» правящая партия победила по спискам независимых кандидатов, и 53 избранных депутата вскоре присоединились к НДП в стенах парламента. Доминирование в Народном собрании (90% мест) не добавило популярности проправительственной партии, а лишь вызвало всеобщее недовольство. При режиме Мубарака оппозиция всегда рассчитывала на 15–25%, но когда НДП увеличила количество депутатов до таких цифр, это привело к политическому дисбалансу, а результаты выборов стали одним из катализаторов Арабской весны в Египте. Авангардом восстания стала молодежь и ассоциированные члены «Братства», а официальное руководство движения поддержало «арабскую весну» не с самого начала, не ожидая такого поворота событий [Царегородцева 2017: 128–129]. Однако стоит отметить, что в условиях многолетних притеснений со стороны государства «БМ» опасалась новых витков репрессий. Выступая против революции и кардинальной смены режима, которых требовала толпа, руководство «Братьев-мусульман» ожидало, что протестное движение подтолкнет правящие элиты к признанию избирательной кампании 2010 г. недействительной, роспуску парламента и проведению новых выборов [Ражбадинов 2013: 257]. Однако, как только стало очевидно, что толпа не успокоится, пока Хосни Мубарак не покинет свой пост, организация встала в один ряд с другими оппозиционными силами и потребовала смены правящего режима в стране [Ражбадинов 2013: 194].

Распределение мест в Меджлисе аш-Шааб в 2010 г.

Политическая партия	Количество депутатов
Национально-демократическая партия (НДП)	420
Независимые (НДП)	53
Новая партия Вафд	6

Национально-прогрессивная партия (Тагамму)	5
«Эль-Гад»	1
Партия социальной справедливости	1
Демократическая партия мира	1
Демократическая партия поколения	1
Независимые («Братья-мусульмане»)	1
Независимые (остальные)	15
Назначенные президентом	10
Места, оставшиеся вакантными	4
Общее количество	518

Источник: Inter-parliamentary Union / Historical archive of parliamentary election results, 2010.

Таким образом, рассматривая деятельность организации «Братья-мусульмане» в политической жизни Египта, можно отметить, что, благодаря просветительской и благотворительной деятельности, «БМ» смогли привлечь на свою сторону часть активного электората.

Исследованный период позволяет понять, как действовала группировка в Египте, осознавая, что победа исламистов в Алжире оказалась неосуществимой.

С исследовательской точки зрения интересно было проследить, как египетская власть ответила на возможность политического участия «Братьев» в жизни АРЕ и защитила страну от радикальных исламистов. «БМ» сконцентрировались на продвижении от низших органов власти к высшим.

В результате демократизации избирательного процесса после революции группировка смогла добиться реальных цифр своей поддержки среди населения, без подтасовок, задержаний и нерегистрации своих кандидатов.

На основе работы можно сделать вывод, что в условиях давления со стороны египетской государственной машины «Братство» смогло набрать свои проценты, тем самым возвращая для себя будущий электорат. Деятельность организации «БМ» в профессиональных

союзах и профессиональных ассоциациях показывает, что основной упор был сделан на образованных людей и средний класс. Именно они, наряду со студентами, станут заметными участниками революции 2011 г.

Литература

Интернет-документы:

Аль-Джазира, 03.03.2004 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aljazeera.net/specialfiles/pages/a7d9e130-0f09-4b77-bbb0-ee07dd61afd3> (Дата обращения: 01.11.2017)

Ahmad, Maamon. Summary of MB Performance In Egyptian Parliament Since 2005. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ikhwanweb.com/article.php?id=3747&ref=search.php> (Дата обращения: 01.11.2017)

Elections Under Mubarak 2000-2010 / GlobalSecurity, 2000-2010. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/egypt/politics-2000-2010.htm> (Дата обращения: 20.08.2017)

Elkoussy, Bahaa. Cairo court jails 54 Brotherhood members / UPI, 1995. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.upi.com/Archives/1995/11/23/Cairo-court-jails-54-Brotherhood-members/5814817102800/> (Дата обращения: 20.08.2017)

Inter-parliamentary Union / Historical archive of parliamentary election results, 1995. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2097_95.htm (Дата обращения 20.08.2017)

Inter-parliamentary Union / Historical archive of parliamentary election results, 2000. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2097_00.htm (Дата обращения 20.08.2017)

Inter-parliamentary Union / Historical archive of parliamentary election results, 2005. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2097_05.htm (Дата обращения: 20.08.2017)

Inter-parliamentary Union / Historical archive of parliamentary election results, 2010. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2097_10.htm (Дата обращения: 20.08.2017)

Is Gamal Mubarak the best hope for Egyptian democracy? / Foreign Policy, 2010. [Электронный ресурс]. – URL: <http://foreignpolicy.com/2010/09/20/is-gamal-mubarak-the-best-hope-for-egyptian-democracy/> (Дата обращения: 01.11.2017)

Opposition groups quit Egypt runoff / Aljazeera, 2010. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aljazeera.com/news/>

middleeast/2010/12/2010121145450744767.html . (Дата обращения: 20.08.2017)

Opposition stifled in Egyptian elections / CNN, 1995. [Электронный ресурс]. – URL: http://edition.cnn.com/WORLD/9511/egypt_elections/ (Дата обращения: 20.08.2017)

Исследовательская литература:

Видясова М.Ф., Умеров М.Ш. Египет в последней трети XX века. Опыт либерализации экономики и политической системы // М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. – 248 с.

Ланда Р.Г. История Алжира. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 1999. – 304 с.

Ражбадинов М.З. Ассоциация «Братья-мусульмане» и перспективы политических процессов в современном Египте // Вестник МГИМО. 2013. №2(29). С. 42–46.

Ражбадинов М.З. Египетское движение «Братьев-мусульман». М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. – 432 с.

Сапронова М.А. Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923 – 2013 гг.) М.: Институт Ближнего Востока, 2014. – 292 с.

Ат-Такрир аль-истратиджий аль-арабий (Арабский стратегический доклад 1992). – Каир: Центр политических и стратегических исследований, 1992. – 590 с.

Царегородцева И. А. Деятельность «Братьев-мусульман» в парламенте Египта: путь к системной оппозиции// Вестник РГГУ. – 2009. – № 13/09. – С. 178–195.

Царегородцева И. Исламисты в политике Египта и Туниса после «арабской весны» // Islamology. 2017. – №. 1. – С. 122–137.

Daly M. W., Petry Carl F. The Cambridge History of Egypt, Vol. 2 Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 668 p.

Mohammed Zahid Muslim Brotherhood and Egypt's Succession Crisis: The Politics of Liberalisation and Reform in the Middle East New York: I.B. Tauris & Co Ltd 2010. – 224 p.

Ranko, Annette. The Muslim Brotherhood and its Quest for Hegemony in Egypt: State-Discourse and Islamist Counter-Discourse Hamburg: Springer, 2014. – 203 p.

Wickham, Carrie Rosefsky. The Muslim Brotherhood: evolution of an Islamist movement // Princeton: Princeton University Press, 2013. – 224 p.

ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ ЭФИОПИИ

Савельева Д.И.

Аннотация: В эфиопской литературной традиции темы стихотворных произведений варьируются от религиозных до бытовых. Современные поэты, стремясь завоевать любовь читающей публики и пытаясь выразить свои душевные порывы и терзания, часто обращаются в своих произведениях к глобальным проблемам человечества, вопросам жизни и смерти и другим актуальным философским темам.

В статье проанализированы произведения трех эфиопских поэтов на философские темы из сборников (опубликованы в Эфиопии в 2005–2012 гг.) на амхарском языке: «Путь к свободе» Мелаку Гетачеу, «Повесьте правду!» Соломона Могес, «Разрушая тьму» Агеньеху Адане Дыльнесаху, «Вот его вопрос» (ጥያቄው) Себсыбе Баде.

У каждого автора своя философия, свой взгляд на мир. Соломон Могес обращается к теме борьбы с самим собой. Агеньеху Адане Дыльнесаху в своих произведениях рассуждает о времени и его быстротечности. О правде, лжи и тоске, о метаниях человека между добром и злом говорится в стихотворениях Мелаку Гетачеу и Себсыбе Баде.

Поэзия Эфиопии развивается в ногу с традициями других стран, она может быть интересна как африканскому, так и европейскому читателю.

Ключевые слова: поэзия Эфиопии, современная поэзия, амхарский язык

PHILOSOPHICAL MOTIVES IN THE MODERN ETHIOPIAN POETRY

Daria I. Savelyeva

Abstract: The themes of poems in the Ethiopian literary tradition range from religious to social themes. Modern poets, trying to win the

love of the reading public and to express their spiritual impulses and torments, often turn to the global problems of humanity, questions of life and death and other relevant philosophical themes in their works.

The article analyzes the works of three Ethiopian poets on philosophical themes from collections (published in Ethiopia in 2005–2012) in Amharic: “The Path to Freedom” by Melaku Getacheu, “Hang the Truth!” by Solomon Moges, “Destroying the Darkness” by Ageniehu Adane Dilnesahu, “Here is his question” Sebsibe Bade.

Each author has his own philosophy, his own view of the world. Solomon Moges resorts to the issue of struggle with himself. Ageniehu Adane Dilnesahu dwells upon time and its transience in his poems. About the truth, lie and yearn, about the man’s hesitation between good and evil is said in the poems of Melaku Getacheu and Sebsibe Bade.

The poetry of Ethiopia is growing up with the traditions of other countries. It might be interesting to both African and European readers.

Keywords: Ethiopian poetry, modern poetry, Amharic

Традиция создания поэтических произведений на амхарском языке зародилась в начале XX в. В первой половине XX в. доминировало эстетическое начало, а смысловой аспект был отодвинут на второй план. Но к середине века в поэзию стали проникать актуальные для того времени темы. Появилась любовная и просветительская поэзия, а также поэзия на остросоциальные и бытовые темы. Широкое распространение получили религиозные стихотворения, вобрав в себя темы из традиционного эфиопского жанра *кэне*. Поэзия XX в. достаточно изучена и советскими, и зарубежными эфиопистами. Исследованиями поэзии на амхарском языке занимались С.Б. Чернецов, Т.Л. Тютрюмова, М.Л. Вольпе, Т.Л. Кейн, Р. Панкхерст. С течением времени поэтическое творчество стало более популярным среди жителей Эфиопии, начали создаваться кружки для чтения стихотворений собственного сочинения. Но современная поэзия Эфиопии XXI в. остается малоизученной. Целью данной статьи является тематический анализ современных стихотворений на амхарском языке на философские темы на примере художественного творчества нескольких эфиопских поэтов: Мелаку Гетачеу, Агеньеху Адане Дыльнесаху, Себсыбе Баде и Соломона Могес. В рамках данной статьи освещается поэзия, созданная этими

поэтами в начале XXI в. Основными источниками послужили сборники стихотворений «Путь к свободе» (የክርኅት መንገድ) Мелаку Гетачеу, «Повесьте правду!» (ክውነትን ስቀሏት) Соломона Могес, «Вот его вопрос» (ጥያቄው) Себсыбе Баде и «Разрушая тьму» (ጮላማን ሰበራ) Агенъеху Адане Дыльнесаху.

Прежде чем анализировать поэтические произведения эфиопских поэтов на философскую тему, стоит разобраться, что такое философская поэзия. Если исходить из определения, принятого в европейской и русской традиции, то это «глубокое» поэтическое произведение, затрагивающее общие проблемы жизни и смерти. Предмет такой поэзии: коренные проблемы мироздания, общества и человека. Это определение подойдет и для кластера стихотворений на схожую тему в эфиопской литературной традиции.

К философской поэзии на тему борьбы относится борьба с самим собой. Стихотворение Соломона Могес «Мой враг» – яркий пример такой поэзии:

Когда искал врага среди соседей,
 Когда искал врага среди друзей,
 Когда искал его среди близких и далеких,
 То оказалось, что мой злой и кровный враг
 Внутри меня, да в сущности моей

Главный герой спустя долгое время поисков проблем в других людях, обнаружил, что основной недостаток в нем самом. Этот враг, находящийся внутри человека, очень коварен и хитер. Он подавляет силу воли, благие намерения и пытается сбить человека с истинного пути. Однако герой совершил огромный шаг в решении внутренних противоречий, так как осознал, что проблема кроется в нем.

Продолжая тему борьбы, можно упомянуть стихотворение Соломона Могес «Я – борец за мир»:

Хотя не знаю я, что ты – мой враг,
 Боюсь я тебя и ночью, и днем,
 Я не пролью твою кровь,
 Не отдам стервятнику плоть,
 Твое имя и образ с лица земли не сотру.
 Хотя ты обижаешь меня,
 Хотя наполнен ты злобой...
 Я не герой, как мой отец,

Я – трус, я – пугливый человек.
Я, убив тебя, не умру,
Я, будучи мертвым, тебя убью.

По содержанию стихотворения нельзя понять точно, кто является врагом героя, но причины вражды ясны. Герой даже не уверен, что это нечто – враг. И его борьба не заключается в физическом или духовном насилии. Однако понятно, что основания для борьбы есть: «ты обижаешь меня». Герой самокритично рассказывает о своем малодушии и отсутствии смелости. Заключительные две строки напоминают загадку, ответ на которую должен найти сам читатель, с помощью чего и станет понятен смысл всего стихотворения. Герой сначала умрет, а потом убьет врага. Исходя из этих строк, можно сделать предположение, что враг героя – его жизнь. Поэтому, умерев, он накажет и ее.

К стихотворениям с философскими мотивами можно отнести произведение Соломона Могес «Разве моя надежда стала надеждой?», в названии которого уже заложен риторический вопрос. Речь, скорее всего, идет о реализации надежд.

Судьба и жребий – наша участь,
Под ноги детей упав,
Забыта взрослыми и детьми презираема,
Наша плоть в стыде истощена,
Наша душа зачахла,
И дух высох, как вода.

В первой половине стихотворения автор рассказывает о том, что участь человека predetermined на небесах. А люди всеми силами это отрицают и стараются изменить свою судьбу. При этом, страдают и душа, и плоть человека. Во второй части стихотворения прослеживается связь с названием:

Мы не нашли сил, чтобы подняться,
Возможности нет,
Под ногами мелкие люди подбирают объедки...

По фразам «мы не нашли сил» и «возможности нет» можно сделать вывод, что это и есть причина потери надежды. Речь заходит о «мелких» людях, которые не гнушаются ничем для осуществления своих желаний. И Соломон Могес пишет о том, что все подражают «мелким» людям, следовательно, все такие:

Когда они радуются, мы смеемся,
Когда грустят, мы слезы льем,
От самих себя отдаляемся,
Мы вот так существуем,
От их души отламываем инджэру¹.

Люди отдаляются от самих себя, теряют индивидуальность.
Вот и получается, что «дух высох, как вода».

Собственно, у каждого автора своя философия и взгляд на мир.
Тот же Агеньеху Адане Дыльнесах посвящает свое стихотворение
«Начало» жизни:

Вокруг круга
Миллионы сражаются,
И один среди многих,
Когда круг замыкается,
По своей воле
Быть человеком – ох!!

Круг в данном стихотворении автор рассматривает как жизнь.
Миллионы каждый день сражаются за эту жизнь, но только немногие
(«один среди многих»), когда жизнь подходит к концу («круг
замыкается»), осознают, что жизнь гораздо глубже и человеком быть
и оставаться очень тяжело.

Есть стихотворения, содержание которых понятно, но смысл
ускользает. Уже упомянутый Агеньеху Адане Дыльнесаху написал
стихотворение «Живот». На протяжении всего произведения живот
представлен как одушевленное существо:

Он голодает, он испытывает жажду,
От края до края путешествует,
Он голодает, он испытывает жажду,
Он болеет, он выздоравливает,
Он любит, он любит,
В животе матери режет.

Стихотворение насыщено повторами фраз и целых строк, но
пониманию это не способствует. Можно было бы сопоставить понятие
«живот» с русской философской мыслью и провести между ними
параллель: «живот – это жизнь». Но это вряд ли так, потому что все

¹ Инжэра – большая и тонкая лепешка из муки африканского злака теф.

действия, которые приписываются животу в данном произведении, вполне соответствуют данной части тела. Под большим вопросом остается последняя строка «в животе матери режет». Хотя ее можно переводить как «в животе матери расстраивается», так как глагол, употребляемый во фразе вместе со словом желудок, означает «расстройство желудка». Однако не вполне ясно, почему действие происходит в животе матери.

Философия жизни, рассуждение о месте человека в мире – повторяющаяся тема в произведениях эфиопских поэтов. Одно из стихотворений Себсыбе Баде «Мысль создания» – яркий пример такой поэзии.

Мы – реки, текущие спокойно,
В тишине мы течем, воды преграждаем.
Мы у подножия горы катимся,
Частички воды в величии круга,
Мы – мелкие создания, карабкаемся,
Величие горы над нами простирается,
Ограниченная наша жизнь на земле лежит.

Повествование ведется от лица всех людей, которые способны осознать то, что они – отнюдь не главные в этом мире. Автор уподобляет людей спокойным рекам, которые текут у горы. Гора здесь выступает в качестве символа чего-то огромного и недостижимого. Реки никогда не смогут подняться выше горы, так и человек до конца не осознает всю мудрость и величие бытия, тем более что жизнь человека на Земле не вечна («ограниченная»).

Волна наших мыслей, если столкнется с горой,
Если прыгнет, и если забьется в тревоге,
Польза, не найдя внимания,
Когда обретет спокойствие,
Чтобы остаться у подножия,
Чтобы проникнуть в одно мгновение,
Да вновь очутиться на предыдущем месте.

Вторая часть стихотворения посвящена желанию человека достичь высшей мудрости. Своим произведением автор пытается донести до читателя, что это неправильно. Пользы от этого не будет: все вернется к тому, с чего все началось.

Авторы философской поэзии рассуждают о времени и его сменяемости, при этом добавляя к основной теме стихотворения

второстепенные темы. Например, стихотворение «Очередь» Агеньеху Адане Дыльнесаху:

В часе минута – секунда,
Когда я был создан – родился,
Я соединен больше, чем веревкой.

Выражение «соединен больше, чем веревкой» означает, что связь человека с цепочкой «секунда – минута – час» неразрывна. Течение времени не прерывается, и история героя продолжается. Связь содержания с заголовком прослеживается по нескольким строкам:

Когда я был создан,
Когда выстроился в ряд за ним,
За моей спиной никого нет,
Я последний во времени.

Вероятно, вторая часть стихотворения подразумевает смену поколений. «Выстроился в ряд за ним» – за предком. «За моей спиной никого нет» – отсутствие потомков. То есть, герой – последний в роду. Но время и история продолжают свой ход.

К категории философских произведений относятся и стихотворения об абстрактных категориях, таких как, например, правда. Название стихотворения Себсыбе Баде «Крупица правды» как раз о ней, но содержание произведения отходит от названия:

В этом мире пока пребывал,
Одну частичку правды я видал,
У жизни есть свои привычки,
Тьма то светлеет, то опять темнеет.
В середине разнообразия человек созревает,
И подозревать начинает.

Человек живет между добром и злом, между светом и тьмой. Его поступки также тяготеют либо к плохим, либо к хорошим. Но даже среди этой серости герой нашел частичку правды.

К абстрактным образам можно отнести и тоску. Стихотворение Мелаку Гетачеу так и называется «Тоска»:

Рана, которую трогают – заноза,
Заставляет проливать кровь и дрожать,
Не умирает,
Не сохнет,
Тоска!

Внутренняя незатягивающаяся рана.

Тоска – чувство, стесняющее дух человека, вызывающее томление его души, мучительную грусть. Это чувство, граничащее с душевной тревогой, беспокойством, боязнью, иногда смешиваемое со скукой, горем, печалью, и скорбью. Тоска может быть вызвана разлукой с Родиной, расставанием с любимым человеком, утратой чего-либо. Автор произведения пишет о том, что тоска – рана. Притом внутренняя душевная рана, которая не заживает и постоянно беспокоит человека. Поэт трактует рану как одушевленное существо, так как применяет к ней глагол «не умирает».

Стихотворение Мелаку Гетачеу «Правда» написано на философскую тему, но имеет форму молитвы:

О, Господь,
Ты писал не клясться ничем,
Кроме правды.
Я послушал Тебя,
Клялся без проблем до сегодняшнего дня,
Отца своего забыл.
Но сегодня мне стало сложно,
Во имя чего мне клясться,
Дай мне, прошу Тебя,
Что-то, кроме клятвы о «правде».
Правда внезапно умерла
И под землей схоронена,
Но Ты мне подскажи,
Во имя чего мне клясться.

Произведение выражает настроение дезориентированности. Герой изначально следовал тому, что заповедовал Бог, и в мире, где он потерял веру в эти заповеди, он все равно обращается к Богу. Герой уповает на то, что Бог подскажет ему новые заповеди, которые бы вернули ему веру и душевный покой. Проблема, по мнению автора, в том, что клятва во имя «правды» стала неактуальна в наше время. Люди перестали ценить правду, она «умерла и под землей схоронена». То есть заповеди потеряли свое былое значение. Герой разочарован и опечален этим фактом, поэтому и просит у Бога помощи, так как все равно не отвергает веру и не собирается становиться атеистом.

Стихотворение соответствует стилистическим канонам религиозной поэзии (обращение к Богу и императивные конструкции, в которых герой взывает к Господу), но наблюдается отсутствие внутренней гармонии, характерное для философской поэзии, которое поэт выражает с помощью личного предложения «мне стало сложно».

Стихотворение «От Ветхого завета к Новому» Агеньеху Адане Дьльнесаху – философское произведение с религиозным названием.

Когда мы рассматриваем жизнь
Как один стул,
Две большие двери раздора,
Предыдущая ссора была, чтобы создать давку,
Мы не достигнем второго мира,
Мы увидели жизнь, не увидев ее
Она – чрево.

В этом стихотворении автор рассматривает жизнь «как один стул», подразумевая под стулом нечто целостное и единое и, соответственно, так же позиционируя жизнь. Не вполне ясно, с какой целью автор использует образ ссоры и давки. Автор говорит, что мы не достигнем «второго мира», подразумевая второе дно. То есть то, что сокрыто под поверхностью и непостижимо. Мы не постигнем глубину. Нам кажется, что мы ее поняли, но она – чрево, и значит, скрыта от нас.

Смысл этого стихотворения сложно понять, так же, как и связь между названием и содержанием. Вероятно, произведение написано под влиянием традиционной поэзии, в которой очень часто встречаются стихи-загадки.

Есть и примеры поэтического творчества, посвященные Концу Света, в которых присутствуют философские мотивы:

Семь небес...наверх
Семь дверей – в них множество,
Все люди – это ключ,
Семь – их прибежище,
Семь – начало,
Восьмое – конец.

Поэт Агеньеху Адане Дьльнесаху в своем стихотворении «Узел» рассказывает про семь небес. Христианская доктрина

рассматривает небеса в том же ключе, в котором прежде их образ был истолкован в текстах Талмуда.

Семь небес – место обитания всего в мире: и людей, и ангелов, и явлений природы. Каждый пребывает на том небе, место в котором заслужил. Любое из семи небес – это начало духовной жизни, возможность сохранить бессмертную сущность. Под восьмым небом же поэт подразумевает конец света, Апокалипсис. И это – окончание пути для всякого существа.

В результате подготовки статьи была достигнута основная ее цель: был проведен тематический анализ современных стихотворений на амхарском языке на философские темы на примере художественного творчества нескольких эфиопских поэтов.

Анализ стихотворений показал, что способы выражения тем у изучаемых нами поэтов разные. У каждого автора своя философия, свой взгляд на мир. Соломон Могес обращается к теме борьбы с самим собой. Поэзия его понятна, почти нет ни символов, ни метафор. Агеньеху Адане Дыльнесаху в своих произведениях рассуждает о времени и его быстротечности. Стихотворения короткие, очень метафоричные. Именно поэтому их сложно интерпретировать. Про правду, ложь и тоску, о метаниях человека между добром и злом говорится в стихотворениях Мелаку Гетачеу и Себсыбе Баде.

Поэзия Эфиопии непрерывно развивается, но, как уже было отмечено, в настоящее время современная поэзия Эфиопии остается малоизученной. В силу этого обстоятельства, задача по накоплению и систематизации конкретных данных о писателях и их творчестве является исключительно актуальной. Любое исследование – вклад в познание литературы и культуры Эфиопии.

Литература

Вольпе М.Л. Литература Эфиопии. М., 1981. - 223 с.

መለኩ ጌታቸው. የክርስቲ መንገድ. [Мелаку Гетачеу. Путь к свободе.] Addis Ababa, 2008. – 80 p.

ሰሎሞን ሞገስ. እውነትን ስቀሏት. [Соломон Могес. Повесть о правду!] Addis Ababa, 2012. – 82 p.

ሰብስቤ ባዴ.. ጥያቄው. [Себсыбе Баде. Вот его вопрос.] Addis Ababa, 2009. – 75 p.

አገኘሁ አዳነ ድልነሳሁ. ጨለማን ሰበራ. [Агеньеху Адане Дыльнесаху. Разрушая тьму.] Addis Ababa, 2005. – 64 p.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

Светличный В.А.

Аннотация: На современном этапе развития государства Центральной Азии не могут полагаться только на самостоятельное развитие, они заинтересованы в сотрудничестве с внерегиональными игроками и их помощи. Внерегиональные игроки, в свою очередь, соперничают за лидерство в регионе. Российская Федерация как один из участников этого соперничества использует интеграционные проекты в регионе со своим участием для достижения целей своей политики в регионе, а также для удовлетворения потребностей государств Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, «Большая игра», Внешняя политика РФ, ОДКБ, ЕАЭС

INTEGRATION PROJECTS AS THE INSTRUMENT OF RUSSIAN EXTERNAL POLICY IN CENTRAL ASIA: INTRODUCTION TO THE ISSUE

Vladislav I. Svetlichnyi

Abstract: At the present stage Central Asian states are not able to rely only on their own capabilities for development, so they are interested in cooperation with non-regional actors and their assistance. Non-regional actors, in their turn, compete with each other for leadership in the region. The Russian Federation as one of the competitors uses establishing of integration projects and participation in them for both achieving goals of its policy in the region and satisfying Central Asian states' needs.

Keywords: Central Asia, "The Great Game", Russian External Policy, CSTO, EAEU

Центральная Азия (ЦА) – это макрорегион, границы которого интерпретируются по-разному в зависимости от подхода к обоснованию выделения пространства в отдельный регион. Такие обоснования могут быть географическими, историческими или геополити-

ческими. Однако наиболее общим является понимание Центральной Азии как региона, включающего в себя четыре постсоветских среднеазиатских республики и Казахстан¹. Этот вариант впервые был предложен в 1992 г. президентом РК Н. Назарбаевым на саммите государств Средней Азии [Время Востока 07.04.2009]. После этого данная трактовка понятия «Центральная Азия» прочно закрепились в политическом и научном дискурсах.

Дискуссии вокруг определения границ региона связаны, помимо географического фактора, с геополитическими устремлениями целого ряда государств, пытающихся включить регион в сферу своего влияния, а также обосновать легитимность этого влияния тем или иным способом. Причина данного процесса заключается в том, что Центральная Азия имеет ряд преимуществ, способных принести экономическую прибыль как странам региона, так и внерегиональным игрокам. К таким преимуществам стоит отнести выгодное географическое положение: ЦА находится на стыке сразу нескольких важных макрорегионов Евразии, через нее проходят транзитные и коммуникационные пути, а также энерготрассы. Помимо этого, регион богат природными ресурсами, среди которых урановые руды, марганец, хром, а также энергоресурсы (нефть и природный газ) [Петелин 2011: 37]. Еще одним преимуществом в экономическом плане можно считать относительную дешевизну рабочей силы: по данным 2013-2014 гг. средняя з/п в ЦА не превышала 550\$ в месяц, что может считаться отличной предпосылкой для притока иностранных производств и инвестиций [ReinisFischer 07.09.2014]. Также регион с населением приблизительно 67 млн человек может выступать и как гигантский рынок сбыта [UNDESAwebsite 2015].

Переходя к позиции Российской Федерации (РФ) как одного из важнейших внерегиональных игроков в ЦА, нужно отметить, что ее внешняя политика в образовавшемся регионе в целом определяется

¹ Официальные названия государств: Республика Узбекистан (РУ), Кыргызская республика (КР), Республика Таджикистан (РТ), Туркменистан, а также Республика Казахстан (РК). В дальнейшем при упоминании государств будут использоваться аббревиатуры. Также в российском научном дискурсе допустимы названия: Казахстан, Узбекистан, Таджикистан. Наименования Киргизия и Туркмения имеют место, хотя самими государствами культивируется использование названий Кыргызстан и Туркменистан именно в таком написании.

не только рядом достоинств, которыми обладают государства региона (см. выше), но и такими критериями как географическая близость данных территорий, проживание на них значительного числа русского населения (8730 тыс. чел. в 1994 г.), а также более чем вековой опыт совместной деятельности в сферах экономики и безопасности [Рыбаковский 1995: 93].

Проблема российской политики в ЦА достаточно подробно исследована, в особенности в РФ. В массе работ, нацеленных на изучение российской политики в ЦА, следует выделить работу коллектива авторов Парамонова В.В., Строкова А.В и Столповского О.А., «Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность». Также политика РФ в ЦА была рассмотрена К.Е. Мещеряковым в его диссертации «Эволюция внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии в 1991 – 2012 гг.». Широко проблема перспектив российских проектов в ЦА была рассмотрена в работе сотрудника Московского Центра Карнеги А. Малашенко «Центральная Азия: на что рассчитывает Россия?». Книга содержит большое количество фактического материала, а также ценные авторские выводы. Энергетическому аспекту отношений РФ и государств ЦА посвящен доклад сотрудника Международного научного центра им. В. Вильсона А. Петерсена «Russia, China and the Geopolitics of Energy in Central Asia».

Тем не менее, несмотря на большое количество работ по данной теме, в них феномен создания интеграционных проектов как инструмента достижения РФ своих внешнеполитических целей в ЦА, как правило, не рассматривался отдельно, без привязки к другим аспектам внешней политики. Цель данной работы, напротив, состоит в том, чтобы выявить, как и в каком объеме интеграционные проекты в ЦА помогают РФ достичь целей своей внешней политики в регионе.

Говоря об интеграционных проектах как инструменте внешней политики государства, нужно заметить, что РФ в отношении ЦА данный инструмент начала активно применять только с начала 2000-х гг. Это связано с тем, что в период 1990-х гг. ЦА вообще не считалась российским руководством перспективным направлением внешней политики. Приоритетом для РФ в первые годы ее незави-

существования были связи со странами Западной Европы и Северной Америки. Россия была нацелена на либеральные экономические реформы. Причем подразумевалось, что проведение данных преобразований будет протекать быстрее и легче в том случае, если РФ освободится от груза постсоветских республик [Парамонов, Строков, Столповский 2008: 11]. Однако попытки России стать частью Организации Североатлантического договора (НАТО) или добиться равноправного партнерства с членами блока не увенчались успехом. Более того, к концу 1990-х гг. Россия утратила свое лидирующее положение в ЦА, доставшееся «в наследство» от Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Особенно болезненным для РФ стала потеря контроля над транзитом нефти и газа с территории ЦА². Такое положение дел подтолкнуло российское руководство к пересмотру своей роли в международной системе, а также приоритетов своей внешней политики. Россия стала применять наиболее целостный подход к внешней политике в отношении Центральной Азии, чего не наблюдалось в 1990-е гг. Целью этой политики явилось, прежде всего, сохранение и упрочнение влияния в регионе. Это связано, в первую очередь, с теми выгодами, которые это влияние может принести. Речь идет и о рынке сбыта товаров, и о поддержании региональной стабильности, и о прибыли от ресурсного потенциала региона. Важной составляющей сохранения влияния в ЦА является поддержка существующих режимов в странах региона. Россия, гарантируя им поддержку и невмешательство во внутренние дела (ни в одной из центрально-азиатских стран Россия не имеет связей с оппозицией), получает их лояльность и готовность участвовать в региональных проектах под своей эгидой. В случае демократизации политических режимов этот рычаг давления может вовсе исчезнуть, поэтому для РФ так важно поддерживать авторитаризм в ЦА. Помимо этого, Россия стремится к обеспечению безопасности в регионе, который является для нее приграничным. Здесь речь идет о противодействии как нетрадиционным угрозам безопасности, ставшим более актуальными за последние 25 лет (исламский фундаментализм, наркотрафик), так и традиционным

² См. подробнее: Petersen A. Russia, China and the Geopolitics of Energy in Central Asia. L. The Centre for European Reform, 2011. – 63 p.

(усиление в ЦА других держав – Китайской Народной Республики (КНР) и Соединенных Штатов Америки (США))³.

Для достижения указанных целей с начала 2000-х гг. по инициативе РФ было создано несколько организаций, деятельность которых направлена на развитие взаимодействия между Россией и странами Центральной Азии в различных областях (экономической, политической, либо военной). Хочется отметить, что вопрос о характере той или иной организации и сфере ее деятельности не столь важен, т.к. все подобные проекты выступают инструментами внешней политики РФ и могут рассматриваться в совокупности.

Одним из таких проектов стала Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), созданная на основе заключенного в 1992 г. Опыт 1990-х гг. показал, что эта форма взаимодействия не являлась ни действенной, ни привлекательной для ее членов. Об этом, в частности, свидетельствовал отказ от пролонгации Договора в 1999 г. со стороны ряда стран, вопросы безопасности которых не решались в рамках ДКБ [Собрание законодательства Российской Федерации 14.12.2000]. Этими странами были Узбекистан, имевший территориальные споры с Таджикистаном и Киргизией, Азербайджан, озабоченный конфликтом с Арменией из-за Нагорного Карабаха, а также Грузия с очагами сепаратизма в Абхазии и Южной Осетии.

Уже в 2001 г. странами, оставшимися в ДКБ, было принято решение о создании Коллективных сил быстрого реагирования центрально-азиатского региона (КСБР ЦАР) для улучшения взаимодействия вооруженных сил стран-членов ДКБ по противодействию угрозам в регионе [Аляев, Дехканов 2007: 69]. Впоследствии состав КСБР был увеличен с 1300 чел. до 4000 чел. в 2004 г., а в 2009 г. был создан новый тип совместных вооруженных формирований – Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) [The international institute of the Newly Established States 25.11.2016].

Развивался также и институциональный компонент сотрудничества. В 2002 г. странами-участницами было принято

³ См. подробнее: Тренин Д. Традиционные и новые вызовы безопасности в международных отношениях // Московский центр Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/2015/06/08/ru-pub-60343> (дата обращения: 10.03.2017)

решение о трансформации ДКБ в полноценную организацию (ОДКБ), в рамках которой были созданы такие органы, как Совет безопасности, Совет министров иностранных дел и другие [Собрание законодательства Российской Федерации 26.03.2004].

Свидетельством того, что существование ОДКБ и участие в нем государств Центральной Азии важно для РФ, является тот факт, что РФ соглашается на убытки со своей стороны ради развития Организации. Так, Россия традиционно покрывает половину бюджета ОДКБ, временами даже превышая эту границу [Габуев 2009: 3]. Кроме того, Россия продает вооружение странам-членам ОДКБ по льготным ценам, а с 2005 г. также готовит военных специалистов этих стран на своей территории бесплатно [Быстренко 2015: 12].

Взамен понесенных убытков Россия получает ряд преимуществ, которые позволяют ей в той или иной степени достигать целей своей политики в регионе. Во-первых, Россия обеспечивает свое военное присутствие в регионе: военные базы РФ существуют на территории Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана [Кутнаева 2010: 82–87]. Во-вторых, в рамках ОДКБ РФ получает возможность бороться с наркотрафиком в ЦА, следующим в Россию. Так, ежегодно с 2003 г. Организация проводит антитеррористическую операцию «Канал», по результатам которой за 2003–2015 гг. из незаконного оборота изъято более 387 тонн наркотических средств [Мелихов 2005: 171]. И в-третьих, с 2011 г. Россия получила возможность легитимного вмешательства во внутренние дела стран-членов ОДКБ. Такая возможность была предоставлена путем принятия на заседании Совета коллективной безопасности Положения «О порядке реагирования государств-членов ОДКБ на чрезвычайные ситуации». Согласно этому положению, в случае возникновения в стране-участнице ОДКБ кризисной ситуации, которую она не в состоянии ликвидировать самостоятельно, на территорию страны вводятся КСОП [Законодательство стран СНГ 10.12.2010].

Другим инструментом российской политики в Центральной Азии стал «Евразийский проект», активизация которого также пришлась на начало 2000-х гг. Идеи экономической интеграции в Центральной Азии высказывались и ранее: в 1994 г. президент РК Н. Назарбаев в стенах МГУ выдвинул идею создания Евразийского союза в рамках СНГ [Назарбаев 1994]. Через несколько лет Россия

уже сама выступила инициатором интеграции. В 1996 г. было подписано соглашение о создании Таможенного союза (ТС), в состав которого вошли РФ, РК и Республики Беларусь, а позже присоединились КР и РТ [Рапота 2005: 9].

Первоочередной целью ТС в конце 1990-х гг. было создание единой таможенной территории и общего таможенного тарифа. Однако мировой финансово-экономический кризис 1997-1998 гг. отрицательно сказался на этом процессе, подтолкнул страны-участницы ТС к изменению импортных таможенных тарифов в одностороннем порядке [Головнин 2008: 27]. Помимо этого, существенным минусом данного объединения стало отсутствие у него наднациональных функций, что делало невозможной выработку единой внешнеторговой политики ТС: торговля с внешним миром по-прежнему регулировалась через двухсторонние отношения.

Для решения поставленных проблем государства-члены ТС приняли решение об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), договор о создании которого был подписан 10.10.2000 года [Собрание законодательства Российской Федерации 30.05.2002]. Важным изменением, которое обеспечило создание ЕврАзЭС, стало придание Сообществу статуса международной организации, а значит, самостоятельного субъекта международного права, способного устанавливать отношения с государствами и другими международными организациями и вступать с ними в договорные обязательства [Рапота 2005: 10].

На протяжении 2000-х гг. в рамках ЕврАзЭС шла подготовка к запуску ТС ЕврАзЭС. Однако в ходе данного процесса выявился ряд проблем, которые могли бы помешать дальнейшему углублению интеграции. Во-первых, различия в структуре национальных экономик отрицательно сказывались на экономическом взаимодействии участников Сообщества. Весьма ограничены были те сферы, в которых было возможно развивать совместные проекты. Во-вторых, препятствовал интеграции разный характер экономической трансформации, происходивший в странах бывшего СССР на протяжении 1990–2000-х гг. Если РФ, РК и КР пошли по пути наибольшей либерализации экономики, то РБ и входивший в 2006 – 2008 гг. в ЕврАзЭС Узбекистан избрали модель, предусматривающую постепенный переход к рынку и большую роль государ-

ства в экономике, что само по себе не располагало к интеграции и созданию ТС. Ну и последнее, углубляющаяся интеграция предполагала тесное сотрудничество и усиление взаимозависимости участников, что в случае ЕврАзЭС, где РФ экономически явно превосходила остальные страны, могло вылиться в просто зависимость всех от России [Малашенко 2012: 12]. Указанные проблемы отрицательно сказались на интенсивности подготовки к запуску ТС ЕврАзЭС. Так, вместо 73 запланированных мероприятий по созданию ТС за период 2003–2006 гг. было выполнено только 20 [Головнин 2008: 30].

Выходом из сложившегося положения стало создание «ядра интеграции» в виде наиболее подготовленных для этого процесса стран (РФ, РК и РБ). Именно они должны были войти изначально в ТС ЕврАзЭС тем, чтобы подготовить почву для вступления в него остальных членов Сообщества. Соответствующее решение было принято в 2007 и 2008 гг. в Душанбе и Москве соответственно [Мансуров 2014: 23]. Также была создана Комиссия Таможенного союза, цель которой заключалась в контроле за выполнением мероприятий по запуску ТС [Кондратьева 2009: 7].

В финальную стадию процесс запуска ТС ЕврАзЭС вошел в 2010 г. Именно тогда, с 01.01.2010 г. три страны – участницы ТС стали использовать в торговле с третьими странами Единый таможенный тариф. Окончательно начал действовать ТС 01.07.2010, когда на внутренних границах Союза прекращались таможенное оформление и таможенный контроль [IFCG 02.06.2011]. Уже 6 июля 2010 г. в силу вступил Таможенный кодекс Таможенного союза.

Следующей ступенью интеграции, следующей за созданием единого рынка товаров, стало учреждение в 2012 г. Единого экономического пространства (ЕЭП) на территориях РФ, РК, РБ. Создание ЕЭП подразумевало (помимо свободного движения товаров) свободное движение услуг, капитала, рабочей силы, а также согласование экономических политик стран-участниц [РИА Новости 01.01.2012]. Помимо этого, была образована Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) для контроля за деятельностью ТС и ЕЭП, а также для осуществления перехода интеграции на новый этап – этап экономического союза [Собрание законодательства Российской Федерации 30.01.2013].

Наконец, вершиной стараний РФ относительно закрепления в ЦА и выстраивания тесного взаимодействия со странами региона стало создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Договор о ЕАЭС был подписан 29.05.2014 г. в Астане. Союз начал действовать с 01.01.2015 г. Изначально в его составе были только страны «Большой тройки» – РФ, РК, РБ, однако в течение 2015 г. к Союзу присоединились Армения, а также КР.

Основными целями создания ЕАЭС в соответствии с Договором являются создание условий для стабильного развития группировки в целом и стран-участниц, модернизация и повышение конкурентоспособности интернирующихся экономик на мировых рынках, а также достижение заявленных еще в рамках предыдущих ступеней интеграции целей [Официальный сайт ЕЭК 05.06.2014].

Так, помимо развития сотрудничества, начатого в рамках ТС и ЕЭП (данные положения закреплены во второй и третьей частях Договора), ЕАЭС предполагает ряд перспективных направлений для углубления интеграции. Изложению данных направлений посвящена 4 глава Договора. Среди них создание общего рынка лекарственных средств (с 01.01.2016 г.), переход к совместному финансовому регулированию (с 01.01.2025 г.), формирование общего рынка электроэнергетики (с 01.01.2019 г.), газа (с 01.01.2025 г.) и нефтепродуктов (с 01.01.2025 г.). Данные положения являются новыми, т.к. о них заявлено впервые в рамках данного Договора. Следовательно, исходя из этого можно понимать, в каком направлении государства-члены Союза планируют дальше развивать свое объединение.

ЕАЭС, помимо «интеграции внутрь», которая предусмотрена Договором, нацелен также и на «интеграцию вширь». В настоящее время обсуждается возможное вступление в Союз Таджикистана, правительство этой страны изучает опыт присоединения к «Большой тройке» Армении и Кыргызстана [Avesta 17.01.2017].

Другим способом сотрудничества с третьими странами для ЕАЭС является подписание договоров о зоне свободной торговли (ЗСТ). Первой страной, с которой подобный договор был подписан, является Вьетнам [Официальный сайт ЕАЭС 05.05.2016]. В пользу сотрудничества с ЕАЭС высказывалось правительство Монголии, выступившее с предложением о создании исследовательской группы

для проработки подписания договора о ЗСТ между Монголией и ЕЭАС [Синьхуа Новости 02.03.2017]. Помимо этого, переговоры ведутся с такими странами, как Тунис, Иран и Турция, однако пока их конечный итог остается неопределенным [International Crisis Group 20.07.2016].

Позиция РФ в данном случае заключается в том, что углубление интеграции, а также расширение сотрудничества призваны повысить эффективность ЕАЭС, сделать его более привлекательным проектом в первую очередь для самих его членов. В таком случае партнеры РФ по Союзу будут более заинтересованы в членстве в ЕАЭС, а значит, склонны к переговорам о дальнейшем взаимодействии, в том числе, и в рамках внешней политики и безопасности.

С начала 2000-х гг. Россия в своей политике относительно ЦА стала активно применять метод межгосударственного сотрудничества в рамках интеграционных проектов в разных областях. Это позволило РФ добиться впечатляющих результатов в регионе, собрав большинство его стран в крупные военные и экономические группировки. Функционирование данных группировок (ОДКБ, ЕАЭС) возвело отношения РФ с большинством стран региона на уровень стратегического партнерства, усилило взаимозависимость между ними. Тем не менее, положительный эффект интеграции был значительно нивелирован феноменом «низкого старта», возникшим по причине ухудшения отношений России со странами ЕС и НАТО в связи с Украинским кризисом 2014 г. [Кнобель 2015: 97].

В настоящем исследовании была предпринята попытка охарактеризовать и рассмотреть внешнюю политику РФ в ЦА в целом, а не по отношению к странам региона в отдельности, как зачастую это делается в работах, посвященных данной теме [Мещеряков 2014: 222]. Критерием, в соответствии с которым деконструировалась внешняя политика РФ, были выбраны ее действия по созданию интеграционных группировок в регионе со своим участием и активное участие в них. В работе выявлено, как и каким образом осуществление интеграционных проектов способствует решению Россией своих основных задач в ЦА: обеспечению безопасности в регионе, а также сохранению и упрочнению влияния в нем. Результаты данного исследования могут быть использованы в

дальнейшем изучении отношений РФ со странами ЦА, принципов формирования внешней политики РФ, а также теории интеграции и разнообразных подходов к ней⁴. Кроме того, материалы работы могут быть использованы и в образовательных целях.

Литература

Аляев А., Дехканов С. ОДКБ как система коллективной безопасности // *Обозреватель*. – 2007. – №1. – С. 67–77.

Быстренко В.И. ДКБ – ОДКБ – непростой путь к коллективной безопасности // *Наука и мир*. – 2015. – №2. – С. 10–14.

Габуев А. Саммит в Кремле вышел блоком // *Коммерсант*. – 2009. – №20. – С. 3.

Головнин М.Ю. Проблемы и перспективы интеграционной группировки ЕврАзЭС // *Евразийская экономическая интеграция* – 2008. – №1. – С. 27–44.

Договор о Евразийской экономической комиссии // *Собрание законодательства Российской Федерации*, 30.01.2013. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=102&issid=1022013001000&docid=3> (дата обращения: 14.03.2017)

Договор о Евразийском экономическом союзе // *Официальный сайт Евразийской экономической комиссии*, 05.06.2014. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0023611/itia_05062014_doc.pdf (дата обращения: 14.03.2017)

Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года // *Собрание законодательства Российской Федерации*, 30.05.2002. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=102&issid=1022002005000&docid=10> (дата обращения 11.03.2017)

ЕврАзЭС: экономическое притяжение / Под. ред. Г.А. Рапота. – М., 2005. – 221 с.

Единое экономическое пространство (ЕЭП). Справка // *РИА Новости*, 01.01.2012. URL: <https://ria.ru/spravka/20120101/529308191.html>(дата обращения: 11.03.2017)

⁴ См. подробнее: Donnelly S. *International Relations Theory and Integration* // *The Regimes of European Integration: Constructing Governance of the Single Market*. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 273 p.

История возникновения понятия «Центральная Азия» // *Время Востока*, 07.04.2009. URL: <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/193p.html> (дата обращения: 13.03.2017)

Кнобель А. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // *Вопросы экономики*. – 2015. – №3. – С. 87–108.

Кондратьева Н.Б. Таможенный союз ЕврАзЭС: по стопам Европы? // *ЕврАзЭС и интеграционный опыт ЕС / Отв. ред. М.Г. Носов* – М., 2009. – С. 1–17.

Кутнаева Н. Иностраные военные базы на территории постсоветской Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*. – 2010. – №2. – С. 82–93.

Малашенко А. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? – М.: *Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)*, 2012. — 118 с.

Мансуров Т.А. ЕврАзЭС: от интеграционного сотрудничества к Евразийскому экономическому союзу // *Международная жизнь*. – 2014. – №10. – С. 15–34.

Мелихов М.Г. О некоторых мерах противодействия современным вызовам и угрозам безопасности государств-членов ОДКБ // *Актуальные вопросы противодействия международной преступности на современном этапе. Материалы Международной конференции 19 апреля 2005 г.* – М.: *ДА МИД России*, 2005. – С. 171–173.

Мещеряков К.Е. Эволюция внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии в 1991 – 2012 гг.: дис. канд. ист. наук. URL: <https://disser.spbu.ru/disser2/251/disser/Meshcheryakov.pdf> (дата обращения: 12.03.2017)

Монголия заинтересована в Соглашении о свободной торговле с ЕАЭС // *Синьхуа Новости*, 02.03.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-02/03/c_136026704.htm (дата обращения: 14.03.2017)

Назарбаев Н.А. О формировании Евразийского союза государств // *Независимая газета*. – 1994. – №106.

ОДКБ: история и перспективы // *The international institute of the Newly Established States*, 25.11.2016. URL: <http://www.iines.org/node/2395>(дата обращения: 14.03.2017)

Парамонов В.В., Строков А.В, Столповский О.А. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. – Бишкек, 2008. – 201 с.

Петелин Е. Энергомонолог Китая в Центральной Азии // Индекс безопасности. – 2011. – №4. – С. 35–57.

Протокол о продлении Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года // Собрание законодательства Российской Федерации, 14.12.2000. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=102&issid=1022000012000&docid=3> (дата обращения: 14.03.2017)

Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 10 декабря 2010 года «О Положении о порядке реагирования Организации Договора о коллективной безопасности на кризисные ситуации». Документ опубликован не был. Доступ из базы данных «Законодательство стран СНГ, 10.12.2010. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=33014 (дата обращения: 12.03.2017)

Рыбаковский Л.Л. Миграционный обмен населением между Центральной Азией и Россией // Социологические исследования. – 1995. – № 9. – С. 89–95.

Соглашение о правовом статусе ОДКБ // Собрание законодательства Российской Федерации, 26.03.2004. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=102&issid=1022004003000&docid=13> (дата обращения: 14.03.2017)

Таджикистан не торопится вступать в ЕАЭС // Avesta, 17.01.2017. URL: <http://avesta.tj/2017/01/17/tadzhikistan-ne-toropitsya-vstupat-v-eaes/> (дата обращения: 14.03.2017)

Таможенный союз России, Беларуси, Казахстана // IFCG, 02.06.2011. URL: <https://www.ifcg.ru/publications/archive/tamozhennyi-soyuz.html> (дата обращения: 14.03.2017)

Тренин Д. Традиционные и новые вызовы безопасности в международных отношениях // Московский центр Карнеги, 08.06.2015. URL: <http://carnegie.ru/2015/06/08/ru-pub-60343> (дата обращения: 10.03.2017)

Average Salary in Former Soviet Union 2014 // Reinis Fischer, 07.09.2014. URL: <https://www.reinifischer.com/average-salary-former-soviet-union-2014> (дата обращения: 12.03.2017)

Donnelly S. International Relations Theory and Integration // The Regimes of European Integration: Constructing Governance of the Single Market. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 273 p.

Free trade agreement between the Eurasian economic union and its member states, of the one part, and the socialist republic of Vietnam, of the other part // Официальный сайт ЕАЭС, 05.05.2016. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147849/itot_02062015 (дата обращения: 14.03.2016)

Petersen A. Russia, China and the Geopolitics of Energy in Central Asia. L. The Centre for European Reform, 2011. – 63 p.

The Eurasian Economic Union: Power, Politics and Trade // International Crisis Group, Europe and Central Asia Report No: 240, 20.07.2016 URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/eurasian-economic-union-power-politics-and-trade> (дата обращения: 14.03.2017)

World Population Prospects: The 2015 Revision, Key Findings and Advance Tables // UN DESA website, 2015. URL: https://esa.un.org/unpd/wpp/publications/files/key_findings_wpp_2015.pdf(дата обращения: 10.03.2017)

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В БУХАРЕ XIX ВЕКА

Севодняева Т.И.

Аннотация: Бухара – столица одноименного государства в Средней Азии, существовавшего ранее на территории современных Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана. Величественная, интригующая, она на протяжении всей своей истории сохраняла удивительную самобытность и привлекала внимание исследователей и путешественников.

В ходе Великих Арабских завоеваний, осуществлявшихся на территории Средней Азии в VIII в., в Бухаре распространился ислам. Впоследствии там утвердился ханафитский мазхат (толк). Религия укреплялась и со временем распространила своё влияние на все стороны жизни бухарцев. Бухару прославляли как «светоч» ислама, велось строительство мечетей, медресе и других сооружений религиозного характера, формировавших особый колорит города, но, что ещё более важно, ислам стал главным регулятором жизни населения. На территории всего Бухарского эмирата действовало мусульманское право. Права и свободы личности, а также такие институты, как брак, семья, наследование и тому подобное, в основном определялись шариатом и адатом (обычным правом).

Сочинения по фикхе ханафитского толка и исследовательская литература опровергают бытующее мнение о полном бесправии мусульманок. Согласно источникам, женщины имели право на обучение, владение и распоряжение собственностью, работу, выбор жениха и инициацию развода. Но соблюдалась ли хотя бы часть этих прав в Бухаре XIX в.? Какой же была жизнь бухарских женщин?

Ключевые слова: женщина, Бухара, ислам, ханафитский мазхаб, социальное положение

SOCIAL STATUS OF THE BUKHARA WOMEN IN THE 19 CENTURY

Taisia I. Sevodnyaeva

Abstract: Bukhara is the capital of the Central Asian state, which bears the same name, that existed earlier on the territories of such

contemporary states as Tajikistan, Uzbekistan and Turkmenistan. Over the span of its long history majestic and designing Bukhara managed to preserve its own originality and attracted a lot of explorers and travelers.

During the Early Muslim Conquest that was carried out on the territory of Central Asia in the 8 century Muslims implemented Islam, Hanafi mazhab, into Bukhara. The religion became stronger and stronger and shortly after extended its influence completely all over the lives of the Bukhara inhabitants. People glorified Bukhara as the light of Islam, plenty of mosques and madrasahs were built to create the special look of the city that we can see now, but the most important thing is that Islam became the main regulator of the lives of the Bukhara population. The Mohammedan law functioned on the territory of the whole Emirate, human rights and freedoms, marriages, inheritance and other spheres of life were defined by the Sharia.

The existing opinion about Muslim women being deprived of the absolute majority of basic human rights is disproved in the research literature. On the contrary, in the Hanafi mazhab Muslim women have rights to study, to work, to possess and dispose of property, to choose the fiancé and even to initiate the divorce. The question is - did these rights function on the territory of Bukhara in the 19 century? What lives did the Bukhara women lead?

Keywords: woman, Bukhara, Islam, the Hanafi mazhab, social status

Гендерный вопрос представляет особую важность для анализа жизненного уклада и нрава жителей Бухары XIX в., так как позволяет не только выяснить, какие различия существовали между положением женщин и мужчин, но и выявить степень следования религиозным предписаниям, действовавшим на изучаемой территории. Однако в источниках, представленных, в основном, заметками путешественников, посещавших Бухару, сведений о положении женщин крайне мало. Целью данной работы было изучить источники, найти и объединить сведения о положении женщины в Бухаре XIX в. и выявить его особенности, сравнивая с нормами, заявленными в мусульманском праве.

Девятнадцатый век был ознаменован для Бухары несколькими исследовательскими экспедициями. Путешественники, ученые и дипломаты, как, например, Арминий Вамбери и барон Егор

Казимирович фон Мейендорф оставили для потомков многие сведения о Бухаре [Вамбери 2003; Мейендорф 1975]. Однако информация о женщинах среди них встречается редко. Это связано с мусульманской традицией женского затворничества, что наводит на вопрос о том, кто именно подвергался затворничеству, и на какие социальные категории делилось женское население Бухары. Можно выделить две большие категории: женщины с высоким и низким социальным статусом. К первой относились жены эмира и обитательницы гарема, а также жены знатных мусульман, представителей духовной аристократии и богачей; ко второй же относились женщины, занятые в торговле и ремесле, прочие простолюдинки и рабыни. Рассмотрим жизнь представительниц этих категорий по отдельности.

Существует закономерность: чем выше социальный статус женщины, тем строже было затворничество, которому она подвергалась, именно поэтому для путешественников было большой редкостью встретить такую женщину на улице. Практически вся их жизнь проходила в стенах дома мужа и была сосредоточена на выполнении своих семейных и общественных обязанностей, таких, как проведение обряда хатм-и йаздахум, о котором будет сказано далее. Совершенно особая жизнь протекала в гареме. Гарем – это жилые помещения, занимаемые женщинами и детьми, на которых распространяются права и обязанности хозяина дома. Размеры гарема и его обстановка зависели от социального и имущественного положения главы семьи: в бедной семье гарем мог занимать почти весь дом, в богатой семье для него отводились обширные покои или отдельные особняки. Однако с большой яркостью отделялся гарем как в бедных, так и в богатых домах; отдавалось предпочтение зеркалам, позолоте, красивым тканям и прочим средствам претенциозного декорирования [Ремпель 1981: 120]. Право беспрепятственно входить в гарем имел только его хозяин, вторжение постороннего считалось тяжким преступлением. При необходимости посещения гарема другим мужчиной, например, врачом, все, кто не имел отношения к этому визиту, удалялись из помещения. При приходе торговцев или некоего мужчины, которому было дано поручение, женщины должны были быть закрыты, как при выходе на улицу. При входе в гарем чтецов Корана, преподавателей

или музыкантов, предпочтение отдавалось слепым; если такие лица были зрячими, то их слушали из-за ширмы или решетчатой перегородки [Мейендорф 1975: 118].

По обычаю, главой гарема является мать хозяина дома [Прозоров 2001: 275]. В Бухаре существовало дублирование ролей аксакалов, имамов, суфии и муэдзинов, выполнявших функции надзора за местными жителями, особыми женщинами: биби-кайвони, биби-ходими и биби-хальфа, соответственно [Ремпель 1981: 47]. Грамотные знатные женщины проводили распространенный среди мусульман Бухары обряд хатм-и йаздахум. Обряд представляет собой рецитацию коранических сур 11-го числа каждого месяца мусульманского календаря и широко практиковался среди женщин, собиравшихся в группы под руководством аймуллы. Проводить обряд могла лишь та женщина, в семье которой традиция проведения ритуала была потомственной [Прозоров 2001: 108–109].

Также, согласно наблюдениям Е.К. Мейендорфа, знатные женщины имели право ездить в гости: двух бухарских дам он однажды видел вместе проезжающими на одном муле [Мейендорф 1975: 49].

Жизнь представительниц низкого социального класса была совершенно иной. Женщины, занятые в ремесле, – торговки, служанки, женщины лёгкого поведения и рабыни – всё это представительницы низких социальных страт. Именно их чаще всего могли встретить на улице путешественники, так как затворничество для них не было столь строгим.

Какими же видели этих женщин путешественники? А. Вамбери отмечал: «Множество женщин, недурных собой брюнеток, обезображены болячками из-за безвыездной жизни дома» [Вамбери 2003: 89–90]. Объясняется это тем, что большинство торгово-ремесленного люда Бухары были связаны узами неоплатных долгов, зависимостью от базаров, поэтому они почти не покидали стен города и редко выходили за пределы своего гузара (махалля, ремесленного городского квартала) [Ремпель 1981: 151]. По свидетельству Мейендорфа, женщины носили на улицах длинное покрывало с соединенными сзади рукавами и полностью закрывающую лицо черную вуаль. Действительно, повинуюсь мусульманской традиции, бухарские женщины носили хиджаб. Хиджаб – накидка, надеваемая

женщиной-мусульманкой при выходе на улицу, предназначенная для того, чтобы скрывать лицо и фигуру [Прозоров 2001: 278]. Бароном Мейендорфом были отмечены красивые чёрные глаза, ровные белые зубы и прекрасный цвет лица встретившихся ему бухарских женщин. Обращая внимание на элементы макияжа, Мейендорф было отметил, что бухарские женщины красили брови в чёрный цвет, соединяя их чертой, красили ресницы и край век сурьмой, а ногти покрывали красным соком истолченной хенны [Мейендорф 1975: 148].

Дни представительниц низкого социального класса проходили в работе. Женщины, занятые в ремесле, встречались путешественникам на улицах под навесами. Так, во время пребывания в Бухаре Мейендорф видел вышивальщиц. Необходимо отметить, что вышивкой в Бухаре занимались многие женщины, в том числе и те, кто не принадлежал к классу ремесленников. Вышивка служила приятным времяпрепровождением: женщины вышивали для своих мужей красивые шелковые платки, которые украшали цитатами из произведений Хафиза, выражая, таким образом, свои сердечные чувства [Мейендорф 1975: 117].

Среди служанок отмечались прислужницы – махрам, подавальщицы – дострахони, подавальщицы сладостей – шарбадор, поварихи – ошпаз, прачки – джумашейуи и другие представительницы домашней «черни». Были ещё биби-хоким – женщины-табибы, то есть лекари. Они принимали у себя на дому только женщин, а методы их целительства представляли собой переплетение обычных методов лечения табибов (народных врачей) со знахарскими заговорами [Ремпель 1981: 46,57,78].

Особенно тяжелым было положение рабынь. Следует упомянуть, что тема рабства на территории Бухары освещена во многих сочинениях. Так, А. Вамбери в своих путевых заметках отмечал, что в Бухаре существовали базары, где находились толпы невольников, являвшихся предметом купли-продажи. Известный таджикский писатель С.Айни в романе «Рабы» в художественной форме описал бесчеловечные условия жизни невольников в Бухарском эмирате и показал, каким образом их контингент пополнялся. Женщины рассматривались как товар и являлись объектом сделок купли-продажи. Проданная девушка становилась

собственностью мужчины и уже не имела права распоряжаться своей судьбой, попадая в полную зависимость [Мейендорф 1975: 146].

Необходимо отдельно упомянуть о женщинах легкого поведения, коих в Бухаре преследовали, изгоняли или даже убивали, наравне с теми женщинами, кто был уличен в измене мужу [Ремпель 1981: 60].

Путешественники, прибывшие в Бухару в XIX в., как представители других культур и мировоззрений не имели возможности целиком познать жизнь и нравы бухарцев. Замкнутый мир женской части населения Бухары в рассматриваемый период был почти им недоступен, поэтому свидетельства, оставленные путешественниками, крайне немногочисленны. Однако при взгляде даже на эти свидетельства становится очевидным, что положение женщин в Бухаре XIX в. было довольно тяжелым.

Литература

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 2003. – 93 с.

Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. – 182 с.

Прозоров С.М. Ислам на территории бывшей Российской империи // Энциклопедический словарь. М., 1991. – 315 с.

Ремпель Л.И. Далекое и близкое. Ташкент, 1981. – 304 с.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СЕМЬИ В КИТАЕ: РАЗВИТИЕ И ПРОГНОЗ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Симонова А.И.

Аннотация. С началом проведения Дэн Сяопином политики реформ и открытости в 80-х гг. XX в. наблюдается интенсивное изменение форм и численности китайской семьи. Если раньше традиционной для Китая была семейная организация, состоящая порой из четырех или пяти поколений, то сегодня, согласно общемировым тенденциям, наиболее распространенной для Китая стала модель семьи из трех человек: мужа, жены и их ребенка.

Анализируя семейные отношения в современном Китае, мы можем сделать вывод о том, что в Китае вполне успешно выполнен переход от традиционных форм семьи к современным, от количественных характеристик к качественным. Сегодня китайская семья стремится не к тому, чтобы родить как можно большее количество детей, а к тому, чтобы дать своему ребенку возможность жить достойной жизнью. Однако, вместе с тем, в семейных отношениях современных китайцев возникла новая проблема, связанная с приобретенным в условиях трансформации новым качеством - нестабильностью современной китайской семьи. Отметим, что нестабильность семьи больше всего проявляется в сельских регионах страны, где уровень образования (в т. ч. и женского) и благосостояния населения по-прежнему достаточно низок.

Ключевые слова: Китай, семья, семейные отношения, брак, развод, родители, дети

MODERN STATUS OF THE FAMILY IN CHINA: DEVELOPMENT AND FORECAST OF FAMILY RELATIONS

Anastasia I. Simonova

Abstract. Since the beginning of Deng Xiaoping's policy of reform and opening up in the 80's. XX century there is an intensive change in the forms and numbers of the Chinese family. If earlier traditional for

China was a family organization, consisting of sometimes four or five generations, today, for objective reasons, the most common for China was a model of a family of three people: a husband, wife and their child.

Analyzing family relations in modern China, we can conclude that in China, the transition from traditional family forms to modern ones, from quantitative characteristics to qualitative ones, has been successfully accomplished. However, at the same time, a new problem arose in the family relations of modern Chinese – the fragility and instability of the modern Chinese family. It should be noted that the instability of the family is most evident in rural regions of the country, where the level of education (including women's) and the well-being of the population is still quite low.

Keywords: China, family, family relations, marriage, divorce, parents, children

Сегодня семейные отношения в Китае переживают, возможно, серьезнейшую за всю свою историю трансформацию. Трансформация эта в современной российской синологии является пока малоизученной¹, потому автор данной статьи ставит перед собой цель показать, насколько это возможно, изменения, произошедшие в семейной сфере Китая, а также дать прогнозы дальнейшего развития института семьи в Китае.

С началом проведения Дэн Сяопином политики реформ и открытости в 80-х гг. XX в. наблюдается интенсивное изменение разнообразия китайских семьи. Если раньше традиционной для Китая была семейная организация, состоящая порой из четырех или пяти поколений, то сегодня по объективным причинам (их мы рассмотрим ниже) наиболее распространенной для Китая стала модель семьи из трех человек: мужа, жены и ребенка. Кроме того, сегодня в Китае часто можно встретить семью, состоящую только из пожилых людей. Как правило, это пожилая супружеская пара, ребенок которой вырос, обзавелся собственной семьей и сейчас живет отдельно от родителей. Так, по статистике официальной газеты Центрального комитета Коммунистической партии Китая

¹ Наиболее известным российским исследователем данного вопроса является О. В. Почагина [Почагина 2004: 671-680].

«Жэньминь жибао», в 1990 г. удельный вес «дворов» из одного поколения составил 13,52%, семей в привычном понимании – 67,27%, «дворов» из двух поколений – 67,5%. Уже в 2000 г. эти цифры выглядели следующим образом: 22,28%, 55,86% и 56,83% [Жэньминь жибао онлайн 1]. Увеличивается в сегодняшнем Китае и количество семей, состоящих из одного человека, по тем или иным причинам выбравшего безбрачие и бездетность.

Одной из главных причин такого коренного изменения модели семейной организации в современном Китае стала возросшая миграция молодого трудоспособного населения из деревень или небольших городов в крупные экономически развитые города, т. е. взрослые дети, а тем более внуки, уже не живут с родителями под одной крышей. В дополнение к этому следует добавить, что китайские семьи сегодня стали достаточно мобильными. Чтобы не снижать мобильность семьи, ее экономический подъем, многие представители молодого поколения в Китае помогают своим пожилым родителям материально, однако предпочитают жить отдельно от них. Это привело к увеличению числа семей в Китае (общее количество китайских семей составляет 350 млн [Жэньминь жибао онлайн 1]).

Наглядно продемонстрировать по-прежнему сохранившуюся в Китае традицию уважительного отношения к институту семьи как таковому можно, указав на существующий сегодня в КНР Международный день семьи, который ежегодно отмечается 15 мая. Впрочем, можно отметить, что это уважение носит скорее пропагандистский характер, т. к. в Китае сегодня вполне развито сожителство без заключения официального брака [Жэньминь жибао онлайн 1].

Важным шагом в развитии современных семейных отношениях стало закрепление в законодательстве прав женщин, детей, пожилого и престарелого населения страны, а также государственная гарантия их безопасности принятием таких законов, как: Закон об обеспечении здоровья материнства и младенчества, Закон о защите прав и интересов престарелых, Закон о защите несовершеннолетних, Закон о защите прав и интересов женщин [Жэньминь жибао онлайн 2].

В экономической организации жизни современной китайской семьи в крупных городах произошли по-настоящему серьезные

изменения. Вместо традиционного общего имущества семьи, которым исключительно заведовал муж (жена не имела права голоса в решении экономических вопросов семьи), за последнее десятилетие возникла новая форма экономической организации жизни супругов, а именно, «модель АА». В этой модели оба супруга имеют полную финансовую независимость друг от друга, имеют отдельные финансы, а за общие нужды платят строго пополам. Инициатором перехода семейной экономики к данной модели может выступать как муж, так и жена. В настоящее время последователями «модели АА» является, в основном, молодежь крупных городов со средним достатком, люди среднего возраста не жалуют «модель АА». Впрочем, и среди молодежи указанной категории не все готовы жить по «модели АА» [Жэньминь жибао онлайн 3].

Освещая современную ситуацию гендерного дисбаланса в Китае, мы можем проследить сначала имевшее место повышение дисбаланса: 108,47 мальчиков на 100 девочек в 1982 г., 111 мальчиков на 100 девочек в 1990 г. Своего пика гендерный дисбаланс в Китае достиг в 2004 г., когда на 121 мальчика пришлось 100 девочек, но затем, началось некоторое его понижение (115, 9 мальчиков на 100 девочек по данным на 2014 г. [Чайна Тудэй 14]). На основе этих данных можно сделать предварительный вывод о том, что к существующему в современном Китае гендерному дисбалансу привела именно политика ограничения рождаемости.

В современном Китае не являются редкостью случаи, когда люди пытаются заработать, сыграв на желании родителей иметь сына. Иллюстрацией этого может служить пример, когда несколько мужчин предлагали беременным женщинам определить пол будущего ребенка с помощью портативного ультразвукового аппарата. Причем деньги за свои услуги они брали только в том случае, если родится мальчик, а если пол плода – женский, то предлагали бесплатно отвезти на аборт. В результате их деятельности около восьми женщин сделали аборт, узнав, что у них будет дочь [Чайна Тудэй 14].

Мы не можем преуменьшать роль изменения форм семейных отношений в современном Китае. Ведь только добившись равных с мужчинами прав в браке, женщины стали играть роль не просто дополнения к мужу и его семье, но равноправного партнера. С другой стороны, именно после долгожданных перемен в семейной

организации в современных семейных отношениях в Китае возникли такие проблемы, как рост числа разводов, а также насилие в семье. Почему же эти проблемы возникли в Китае после трансформации семейных отношений? Это связано с тем, что среди причин развода появились такие, как супружеская измена, различные взгляды на жизнь, разная позиция по вопросу финансов и др. В традиционном обществе число разводов было значительно меньше, т. к. правом на развод обладал только мужчина, и лишь при наличии определенных, прописанных в законодательстве обстоятельств. В связи с преобладанием в традиционном обществе вертикальной семейной иерархии, т. е. беспрекословного подчинения младшего старшему, сына отцу, жены мужу, возникало намного меньше ситуаций, предшествующих домашнему насилию. Таким образом, естественное развитие семейных отношений решило одни проблемы, создав другие.

В традиционном конфуцианском Китае ссоры, если и возникали, то чаще всего между родителями и детьми, старшим и младшим поколениями. В танском законодательстве даже были отдельно прописаны наказания в случае оскорбления дедушки и бабушки со стороны отца. За это оскорбившему указанных родственников полагалась смертная казнь [Тан люй шу и 2005: 31, 45, 51, 662]. В современном же Китае ссоры чаще всего происходят между мужем и женой, т. к. именно они являются ядром в современной китайской семье. Причем в сельских районах страны мужчины более склонны к проявлению физического домашнего насилия. Например, во время семейных ссор в сельских районах 31,1% мужчин наносили побои жене и/или детям, а в Шанхае этот показатель равен 15% [Сюй Аньци, Е Вэньчжэнь 2002: 156]. В современной китайской семье достаточно высок процент мужчин, которые первыми идут на примирение, для города этот показатель равен 47%, для деревни — 30%. Что же касается женщин, то здесь ситуация такова: только 12,7% городских женщин готовы сделать шаг к примирению, в деревне этот показатель несколько выше – 27% [Сюй Аньци, Е Вэньчжэнь 2002: 96–98].

В современном Китае значительно выросло число разводов. По данным агенства Синьхуа только в 2005 г. их стало на 0,17% больше [Государственный информационный сервер агентства Синьхуа

5]. Очень часто причиной бракоразводных процессов является систематическое посещение мужем публичных домов. В связи с этим с целью уменьшения количества разводов китайские власти официально борются с проституцией. Например, за организацию деятельности проституток даже предусмотрена смертная казнь [Государственный информационный сервер агентства Синьхуа 6].

В целом, состояние семейных отношений в Китае можно охарактеризовать как «второй демографический переход»². Наряду с сохранением традиционных форм семейной организации появляются семьи, живущие гражданским браком, супружеские пары, сознательно выбравшие бездетность, неполные семьи или семьи, состоящие из одного человека.

Права женщин в современном Китае старательно учитываются правительством, на них не закрывают глаза, как это было раньше. Например, в Китае появились специальные отдельные купе для женщин, чтобы обеспечить им более комфортное путешествие [Государственный информационный сервер агентства Синьхуа 7], а начиная с 26 апреля 2016 г. в г. Чжэнчжоу начали функционировать специальные автобусы для женщин. Основная цель их запуска – это уберечь женщин от сексуальных домогательств мужчин в час пик [Газета “Жэньминь жибао” онлайн: 4].

Что же касается прав мужчин-гомосексуалистов, то здесь мы не можем сделать однозначных выводов об их соблюдении. Государство проявляет заботу о здоровье этой категории населения. Это проявляется в том, что, например, для мужчин-гомосексуалистов проводятся бесплатные медицинские осмотры [Государственный информационный сервер агентства Синьхуа 8]. Тем не менее, китайским законодательством по-прежнему официально запрещены однополые браки, что вызывает возмущение в гомосексуальной среде Китая. Большой резонанс в обществе вызвал недавний прецедент с гомосексуальной парой Сунь Вэньлинь и Ху Минлян, которые подали заявление на регистрацию брака 23 июня 2015 года в районе

² Второй демографический переход сопровождается увеличивающейся ролью индивидуализма в семейных отношениях в противовес традиционным нормам. Часто причину развития второго демографического перехода видят в увеличивающихся темпах модернизации.

Фужун города Чанша, административного центра провинции Хунань [Государственный информационный сервер агентства Синьхуа 9]. После отказа местными властями зарегистрировать однополый брак мужчины обратились со своей просьбой в суд. Однако, после почти годовых судебных слушаний им также было отказано в их просьбе.

Изменения произошли и в отношениях между государством и семьей. Если раньше государство контролировало личную жизнь своих граждан, то сегодня этого контроля мы за редким исключением почти не видим. Ярким примером такого исключения может служить политика ограничения рождаемости.

Здесь нам представляется возможным привести для наглядности некоторые итоги выборочного статистического обследования Государственного статистического управления КНР. Согласно этому обследованию, по состоянию на 1 ноября 2015 г. численность населения материкового Китая составила 1 млрд 373 млн. 490 тыс. человек. Это на 33,77 млн человек больше цифры 1 ноября 2010 г., (1 млрд. 339 млн 720 тыс. человек). Темпы роста за пять лет составили 2,52% при среднегодовом росте в 0,5%. По расчетам в материковом Китае насчитывается 409 млн 470 тыс. семей. Доля мужчин составляет 51,22%, или 703 млн 560 тыс. человек от общей численности населения страны, женщин – 669 млн 930 тыс., или 48,78% [Государственный информационный сервер агентства Синьхуа 10].

Анализируя семейные отношения в современном Китае, мы можем сделать вывод о том, что в Китае вполне успешно выполнен переход от традиционных форм семьи к современным, от количественных характеристик к качественным. Однако, вместе с тем в семейных отношениях современных китайцев возникла новая проблема – это хрупкость и нестабильность современной китайской семьи. Отметим, что нестабильность семьи больше всего проявляется в сельских регионах страны, где уровень образования (в т.ч. и женского) и благосостояния населения по-прежнему достаточно низок.

По нашим прогнозам процессы модернизации и трансформации, вероятнее всего, будут иметь свое логическое продолжение. На наш взгляд, и в сельских районах страны постепенно может активизироваться изменение традиционных форм семейной

организации на современные в связи с возможным сюда новых проникновением технологий, а также с повышением уровня образования сельских жителей. Мы также считаем, что китайское общество еще достаточно длительный период будет сохранять новые для него такие явления семейной организации, как неполные семьи, консенсуальные браки или семьи, состоящие из одного человека.

Вместе с тем, нам представляется наиболее реалистичным синтез традиционной модели семейных отношений и современных нововведений т. к. именно балансированию на этой тонкой грани в сфере семейных отношений китайские власти уделяют сейчас так много внимания.

В заключение хотим сказать, что набирающая темпы в результате усиления урбанизации Китая трансформация семейных отношений, перенос центра тяжести в сфере интересов с семьи на индивида, с общесемейных экономических и культурных интересов на индивидуальные экономические карьерные и другие интересы все же должна в какой-то мере контролироваться государством во избежание полной утраты традиционных семейных отношений Китая, которые представляют собой как общемировую культурную ценность, так и один из элементов этно-культурной самоидентификации КНР.

Литература

1. Газета “Жэньминь жибао” онлайн [Электронный ресурс] // Китайская семья: от традиций к современности: сайт. – URL: <http://russian.people.com.cn/31516/3404869.html> (дата обращения: 15.03.2017).

2. Газета “Жэньминь жибао” онлайн [Электронный ресурс] // В Китае насчитывается 350 млн семей: сайт. – URL: <http://russian.people.com.cn/31516/3043864.html> (дата обращения: 15.03.2017).

3. Газета “Жэньминь жибао” онлайн [Электронный ресурс] // Новый феномен: семьи типа «АА»: сайт. – URL: <http://russian.people.com.cn/31516/2572286.html> (дата обращения: 15.03.2017).

4. Газета “Жэньминь жибао” онлайн [Электронный ресурс] // В Чжэнчжоу появился специальный автобус для женщин: сайт. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0429/c31516-9051667-9.html> (дата обращения: 01.03.2017).

5. Государственный информационный сервер агентства Синьхуа [Электронный ресурс] // Динамика разводов в Китае продолжает стремительно расти: сайт. – URL: www.russian.xinhuanet.com/russian/2006-05/20/content_255494.htm. (дата обращения: 10.02.2017).

6. Государственный информационный сервер агентства Синьхуа [Электронный ресурс] // Цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй чаньчу вэйюаньхуэй гуаньюй яньцзинь майинь пяочандэ цзюэдин (Решение ПК ВСНП о строгом запрете проституции и практики посещения проституток): сайт. – URL: www.news.xinhuanet.com/ziliao/2003-09/08/content_1068870.htm. (дата обращения: 10.02.2017).

7. Государственный информационный сервер агентства Синьхуа [Электронный ресурс] // В Китае появились специальные купе для женщин: сайт. – URL: www.russian.xinhuanet.com/russian/2006-02/08/content_214816.htm (дата обращения: 10.02.2017).

8. Государственный информационный сервер агентства Синьхуа [Электронный ресурс] // Китайские геи получили право на бесплатный медицинский осмотр: сайт. – URL: www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-04/16/content_416272.htm (дата обращения: 16.03.2017).

9. Государственный информационный сервер агентства Синьхуа [Электронный ресурс] // В Центральном Китае суд отклонил иск об однополном браке: сайт. – URL: http://russian.news.cn/2016-04/14/c_135277637.htm (дата обращения: 22.03.2017).

10. Государственный информационный сервер агентства Синьхуа [Электронный ресурс] // Численность населения материкового Китая составляет 1,37 млрд человек -- итоги выборочного обследования: сайт. – URL: http://russian.news.cn/2016-04/20/c_135297553.htm (дата обращения: 23.03.2017).

11. Почагина О. В. Модернизация представлений о семье и браке в современном Китае. — Китай в диалоге цивилизаций. К 70-летию М.Л. Титаренко. М., 2004. С.671–680.

12. Сюй Аньци, Е Вэньчжэнь. Чжунго хуньинь яньцзю баогао (Доклад об исследованиях китайского брака). Пекин, 2002.

13. Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Цзюани 17-25. Пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб., 2005.

14. Чайна Тудэй [Электронный ресурс] // Население Китая в плену гендерного дисбаланса: сайт. – URL: <http://china-today.ru/naselenie-kitaya-disbalans/> (дата обращения: 16.03.2017).

ФАН НИН О ДЕМОКРАТИИ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

Скосырев В.А.

Аннотация: В статье рассматривается подход современного китайского политолога Фан Нина к демократии в Китае. Основным источником для нашего анализа послужила работа Фан Нина «Китайский путь к демократии». В ней автор доказывает, что демократия может существовать даже тогда, когда в стране установлена монополия Коммунистической партии на власть. Данный тезис противоречит понимаю демократии на Западе, в соответствии с которым демократичной называется политическая система с многопартийностью и разделением властей. Концепция Фан Нина представляет интерес с точки зрения изучения подходов к демократизации Китая в среде современных китайских интеллектуалов.

Ключевые слова: КНР, демократия, политическая либерализация, Фан Нин, идеология

FANG NING ON DEMOCRATIZATION OF CHINA

Vladimir A. Skosyrev

Abstract: In this article, we analyze the view of Chinese political scientist Fang Ning on democracy. The main source of our analysis is a book by Fang Ning “China’s Democracy Path”. Fang Ning argues that democracy can exist regardless of the Communist party’s monopolistic rule. This thesis contradicts the understanding of democracy, which exists in the West. According to western political science, only a multi-party system with checks and balances can be considered democratic. Fang Ning’s view on democracy sheds some light on how Chinese public intellectuals approach the issue of democratization of China.

Keywords: China, democracy, political liberalization, Fang Ning, ideology

Введение

Западные политологи определяют степень демократичности общества устоявшимися критериями. Наиболее часто используемое определение демократии было предложено Йозефом Шумпетером: «Демократический метод – это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» [Schumpeter 1942: 269]. Роберт Даль отмечал, что демократия подразумевает не только существование выборов и право участия в них, но также различные права и свободы [Dahl 1971: 3]. Ларри Даймонд писал: «Демократические структуры представляли бы собой обычный фасад, если бы люди не ценили ключевые принципы демократии: народовластие, ответственность правителей, свобода, верховенство закона» [Diamond 2008: 20].

Китайская политическая система не соответствует определениям демократии, которые предлагаются крупными западными политологами. Для них Китай является однопартийной диктатурой без каких-либо признаков демократии. Вместе с тем отдельные китайские политологи приходят к другому выводу. По их мнению, Китай успешно совмещает демократические ценности и монопольное правление Коммунистической партии.

Фан Нин – один из тех китайских интеллектуалов, которые утверждают, что коммунистический Китай строит особую модель демократии. Фан Нин однажды так описал развитие демократии в Китае: «Образ западной демократии может возникнуть при посещении ресторана и при выборе французского, итальянского или немецкого шеф-повара, который, по тому, как он понимает ваши предпочтения, предложит вам то или иное блюдо. Что касается китайской демократии, то у нас всегда присутствует один и тот же шеф – Коммунистическая партия. Вместе с тем, мы во все более возрастающей степени можем выбирать блюда, которые хотели бы попробовать» [Леонард 2009: 85].

Фан Нин родился в июне 1957 г. На момент написания статьи занимал должность заместителя директора Института политических исследований в Академии общественных наук КНР и являлся профессором Столичного педагогического университета в Пекине. Выпустил множество работ по проблемам китайской политической теории и демократии.

Китайский путь к демократии

Монография Фан Нина «Китайский путь к демократии» [Fang Ning 2015] состоит из восьми глав. Первая глава посвящена вопросу зарождения китайской демократической политики и ее приспособления к китайским условиям. Тема второй главы – истоки китайской демократии. В третьей главе автор рассматривает демократическое строительство в современном Китае. В четвертой и пятой главах обсуждаются характерные черты и ключевые приоритеты демократического строительства в КНР. Шестую главу Фан Нин посвятил стратегии развития демократии в Китае и способам постепенного расширения прав граждан. В седьмой главе изучаются возможные методы демократического строительства в китайских условиях. В восьмой главе автор рассматривает факторы, способствующие демократизации Китая и стратегии демократического развития.

Первую главу – «Введение: укоренение демократии в Китае» [Fang Ning 2015: 1–12] – Фан Нин начал с мысли о том, что демократия – это неизбежный продукт индустриализации и модернизации Китая, и она необходима современному китайскому обществу. На китайскую демократию оказали влияние исторические и культурные традиции, а также национальные условия. По мнению Фан Нина, в Китае складывается политическая система, которая, с одной стороны, отражает универсальные демократические ценности, но, с другой стороны, обладает китайской спецификой.

Отправным моментом развития китайской демократии явилась борьба за национальное выживание, ставшая ответом на иностранный колониализм. Далее автор пишет: «Демократия стала политическим механизмом, который мобилизует энтузиазм и инициативу народа для строительства нашей страны, и достижения модернизации. Основная идея китайского демократического строительства изменилась от спасения до строительства сильной социалистической страны» [Fang Ning 2015: 2].

Фан Нин видит в демократии механизм сначала выживания Китая, а затем его модернизации и построения сильного социалистического строя. Еще в конце XIX – начале XX вв. китайские мыслители, изучавшие западные политические концепции, видели в демократии способ усиления собственной страны. Этим обосновывалась

необходимость демократизации Китая. Исследование на эту тему провел американский китаевед Э. Нэтэн [Nathan 1985]. В этом отношении Фан Нин является продолжателем той традиции восприятия демократии, которая была заложена в Китае более ста лет назад.

Фан Нин пишет о том, чем отличается китайская демократия от демократии в других странах. Во-первых, китайское общество находится в поиске равновесия между обеспечением прав человека (универсальная черта демократий) и централизацией государственной власти в процессе экономического и социального развития (черта китайской демократии). Фан Нин выступает против использования термина «авторитаризм» в отношении Китая. По его мнению, современная китайская политическая система – это не произвольная система, выстроенная для защиты интересов человека, партии или группы людей. Это система, которая выстроена для достижения индустриализации и модернизации через концентрацию ресурсов и централизацию политической власти [Fang Ning 2015: 4].

Вторым отличием китайской демократии является упор на консультативной демократии. Фан Нин разделяет «электоральную демократию» и «консультативную демократию». Последняя, по его мнению, уже стала характерной чертой китайской демократии. Автор не забывает раскритиковать практику конкурентных выборов: «Опыт многих западных стран и развивающихся стран показал, что конкурентные выборы и открытие каналов для социального участия на стадии индустриализации может привести к «распределительному участию», т.е. группа, получающая общественную выгоду, обретает политическую власть посредством политического участия; они меняют или влияют на правила и модели распределения выгод через политическую власть. Распределительное участие усиливает борьбу между различными классами и группами, что, в свою очередь, ведет к социальным конфликтам и неустойчивости» [Fang Ning 2015: 5].

Вторая глава монографии Фан Нина – «Истоки китайской демократии». В ней автор говорит о том, что история Китая после Второй Опиумной войны связана с борьбой за сохранение страны в процессе исторического отбора [Fang Ning 2015: 13–16]. Фан Нин, описывая исторические события позднецинского периода (конец XIX – начало XX вв.), придерживается характерного социал-

дарвинистического подхода к истории. В соответствии с ним, в истории сохраняют себя только те общества, которые, по словам Фан Нина, «соответствуют требованиям “спасения” и “выживания”» [Fang Ning 2015: 15]. В этом контексте демократия оказывается необходимым инструментом усиления и выживания китайского общества.

В данном случае Фан Нин является продолжателем идей китайских мыслителей конца XIX – начала XX вв. Например, китайский философ Лян Шумин рассматривал многие западные идеи, в том числе концепцию демократии, через призму социал-дарвинизма. В работе «Восточная и Западная культуры и их философии» (东西文化及其哲学) от 1922 г. Лян Шумин писал, что главной особенностью Западной культуры является существование духа борьбы за выживание. Он отмечал, что демократия на Западе возникла именно вследствие борьбы и эволюции социально-политических систем [Hung-Yok Ip 1991: 477, 498]. Отечественный китаевед А.А. Крушинский отмечал: «Пропаганда идей эволюционизма, социал-дарвинизма и либерализма в позднецинском Китае означала атаку на фундаментальные посылки и ценности традиционной китайской культуры – концепцию цикличности исторического процесса, идеал бесконфликтности, патернализм как универсальную норму человеческих взаимоотношений. Социал-дарвинизм в особенности чужд принципам традиционной китайской морали, и поэтому анализ китайских проблем в духе социал-дарвинизма, использование последнего для идеологического обоснования необходимости реформ явилось революционным новшеством в условиях тогдашнего Китая» [Крушинский 1983].

Демократическое политическое строительство в современном Китае» – третья глава книги Фан Нина [Fang Ning 2015: 47–64]. Как пишет автор, основная ценность социалистической теории и практики заключается в экономическом равенстве и политической демократии.

Свое утверждение о демократичности современного Китая Фан Нин обосновывает присутствием в КНР социалистической законодательной системы, Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), этнической автономии в регионах страны, многопартийной координации и политических консультаций

под руководством КПК. Поясним, что под «многопартийной координацией» и «политическими консультациями под руководством КПК» имеются в виду совещания Коммунистической партии с восемью демократическими партиями, которые нельзя считать альтернативными центрами политической власти.

Четвертая глава монографии Фан Нина – «Характеристика китайской демократии: единство защиты прав и централизации власти» [Fang Ning 2015: 67–92]. Автор начинает ее со слов о том, что вопрос о развитии демократической политики в современном Китае уже разрешен: «Единство защиты прав народа и централизации государственной власти – это основная характеристика современной китайской демократии и самый важный опыт, полученный в практике китайской демократии» [Fang Ning 2015: 67].

Китайский политолог подчеркивает, что компартия считает строительство и развитие демократии своей ответственностью. При этом коренной проблемой является не ценность демократии, а конкретная форма ее реализации. «Сущность демократии и политического строительства заключается в том, чтобы найти такую политическую форму, которая максимально приближена к ценности демократии и которая в наибольшей степени преодолевает и уменьшает противоречия между демократическими ценностями и формами» [Fang Ning 2015: 67–68].

Противоречия между формой и ценностью демократии проявили себя вскоре после образования КНР. Фан Нин отмечает, что в первые годы существования страны Мао Цзэдун и другие лидеры в строительстве демократических институтов склонялись к практике централизации власти. Затем, после 1957 г. чрезмерная демократизация механизмов политического управления привела к «великой демократии» (great democracy) и, в конечном счете, к Культурной революции [Fang Ning 2015: 70–72].

Фан Нин называет «великую демократию» и Культурную революцию популистской политикой. Она характеризуется следующими чертами. Во-первых, на первое место ставились интересы низов. Во-вторых, произошло уничтожение всех существовавших правил. Во время Культурной революции бунт был оправдан, потому что различные правила и запреты ограничивали народ и защищали представителей буржуазии и «ревизионистов».

В-третьих, популистская политика осуществлялась посредством пробуждения радикальных общественных настроений. Конечным результатом «великой демократии» и Культурой революции стало полное разрушение социального порядка. Таким образом, Фан Нин доказывает, что излишняя демократичность ведет к хаосу, примером которого у автора служит Культурная революция.

В пятой главе монографии – «Ключевые приоритеты строительства демократии в Китае: развитие совещательной демократии» [Fang Ning 2015: 93–106] – Фан Нин описывает концепцию консультативной демократии. Он отмечает, что выделение консультативной и электоральной демократий – это китайский подход к классификации демократий. Консультативная демократия – центральный элемент демократии с китайской спецификой.

Шестая глава работы Фан Нина – «Стратегия демократического развития Китая: постепенное расширение прав народа» [Fang Ning 2015: 107–122]. Автор отмечает: «Постепенное развитие прав китайского народа – это одна из базовых стратегий развития демократии в современном Китае» [Fang Ning 2015: 107]. Взгляды китайского общества на концепцию прав проистекают из политической философии марксизма и опыта членов КПК.

Фан Нин доказывает, что права человека – это продукт исторического развития, а не нечто изначально данное человеку. В соответствии с марксистской идеологией, развитость прав находится в зависимости от экономической структуры общества и его социального развития. Формирование и реализация прав происходят на определенной материальной основе общественного и экономического развития. Права не должны являться абстрактным понятием. Они должны основываться на конкретной экономической, политической и общественной жизни человека и связаны с удовлетворением объективных потребностей людей. Феномен прав человека не может возникнуть в изоляции от определенных материальных условий жизни и общественной практики.

Мысль Фан Нина сводится к тому, что права – это не абстрактная идея, какой она, например, предстает в американской декларации независимости, где сказано, что определенные права даны людям Богом от рождения. Права людей определяются конкретными

условиями жизни людей. С материалистической точки зрения, с такой позицией можно согласиться. Действительно, какое значение имеет осознание людьми присущих им от природы прав, если экономические и общественные условия жизни находятся на низком уровне, и в обществе существует большое неравенство? С другой стороны, отсутствие духовной основы прав человека открывает возможность для произвола государственной власти, ведь в таком случае несоблюдение тех прав человека, которые на Западе называются врожденными, можно обосновывать тем, что эпоха для их соблюдения еще не наступила. Не открывает ли подобная позиция возможность для развертывания тоталитарного общества в том смысле, в котором термин «тоталитаризм» использовала Ханна Арендт [Arendt 1958]? Если права человека – это не нечто данное человеку Богом, и их развертывание осуществляется силами истории, то не означает ли это, что в настоящем времени люди не обладают достаточными правами и можно расправляться с теми, кто готов опротестовать данную точку зрения под предлогом того, что эти люди тормозят естественные силы истории? Х. Арендт описывала то, как стремление реализовать предопределенное идеологией течение истории оборачивается массовым террором, когда во имя благой цели можно прибегнуть к любым средствам.

Помимо того, что точка зрения Фан Нина, которая, очевидно, отражает позицию партийных идеологов по вопросу прав человека, может нести в себе описанную нами логику тоталитаризма, она вместе с тем, вероятно, демонстрирует еще один пример неудавшегося диалога культур. Следует поставить под вопрос возможность принятия западной концепции прав человека в китайском обществе, где отсутствует представление о монотеизме.

Седьмая глава работы Фан Нина – «Методы демократического развития в Китае: движение вперед за счет разрешения проблем и проведения экспериментов» [Fang Ning 2015: 123–140]. Автор отмечает, что демократизация Китая осуществляется путем политических реформ. При этом есть два основных практических пути политических преобразований: «теория конструирования» (design theory), которая обосновывает необходимость «конструирования сверху-вниз» (top-level design), и «теория метода проб и ошибок» (theory of trial and error), которая говорит о практическом

исследовании концепции «переходить реку, нащупывая камни». Китайский автор отдает предпочтение второму методу.

«Перспективы демократического развития» – восьмая глава монографии Фан Нина. Автор пишет: «Китай нашел дорогу политического развития, подходящую для его индустриализации и модернизации, и установил демократическую политическую систему с китайской спецификой». Таким образом, по мнению китайского политолога, Китай – это уже демократичная страна [Fang Ning 2015: 141].

Выводы

С нашей точки зрения, целью Фан Нина было обоснование демократичности существующего режима КНР с помощью «политологии с китайской спецификой». Иными словами, Фан Нин применяет такую методологию, пользуясь которой исследователь политической системы КНР неизбежно придет к выводу о ее демократичности.

Следует отметить, что в других статьях Фан Нина гораздо меньше официоза, чем в рассмотренной работе. Поэтому создается впечатление, что исследованная нами книга Фан Нина написана по заказу китайских пропагандистов. Например, в статье «Социализм – это гармония» [Fang Ning 1996] Фан Нин призывает человечество пересмотреть свои отношения с природой и изменить курс своего развития. Критические замечания Фан Нина по поводу капиталистического устройства с его чрезмерно высоким уровнем потребления, нерациональным мышлением и негармоничными отношениями с окружающей средой сегодня в равной степени применимы как к странам Запада, так и к современному Китаю. Характерно то, что спустя двадцать лет после появления данной статьи Фан Нин написал не совсем объективную книгу о социалистической демократии, отражающую официальные установки по этому вопросу.

Критика многопартийных выборов с их пиар-технологиями и влиянием на общественное сознание в другой статье автора («Китай ни в коем случае не может иметь западной многопартийной системы» [Fang Ning 2009]) также может быть применена по отношению к современному Китаю. Как отмечает Э. Ознос в книге «Век амбиций»,

китайские идеологи «штудировали работы Липпмана о власти рекламного образа, который подхлестывает эмоции, нейтрализуя критическое мышление, и с энтузиазмом восприняли его тезис о том, что пиар способен породить «групповой разум» и «выработать согласие» народа с правящей элитой» [Ознос 2016: 161].

Альтернативным вариантом развития творчества автора могла бы стать критика тех экономических реформ, которые проходят в Китае, с неофициальных марксистских позиций. Это позволило бы нам отнести Фан Нина к китайским «новым левым». Однако этого не произошло. По этой причине Фан Нина можно заслуженно назвать «околовластным интеллектуалом».

Литература

Крушинский А.А. Социально-философские воззрения Янь Фу (1854–1921) и их интерпретация в КНР. М., 1983.

Леонард М. О чем думают в Китае? Пер. с англ. И.В. Кузнецова. М., 2009.

Ознос Э. Век амбиций: богатство, истина и вера в новом Китае. Пер. с англ. М. Солнцева. М., 2016.

Фан Нин. Шэхуэйчжу ши и чжун хэсе (Социализм – это гармония) 社会主义是一种和, 1996. – 360doc.com, 20.05.2011. // URL: http://www.360doc.com/content/11/0520/10/3034494_118080090.shtml (дата обращения: 09.08.2017).

Фан Нин. Вого цзюэбу нэн гао сифан дэ доданчжи (Китай ни в коем случае не может иметь западной многопартийной системы) 我国决不能搞西方的多党制. – Жэньминьван, 02.09.2009. // URL: <http://politics.people.com.cn/GB/8803683.html> (дата обращения: 09.08.2017). Arendt H. The Origins of Totalitarianism. – New York: World Publishing Co., Meridian Books, 1958.

Fang Ning. China's Democracy Path. Springer, 2015.

Nathan Andrew J. Chinese Democracy. Berkeley, CA, 1985.

Schumpeter Joseph A. Capitalism, Socialism, and Democracy. New York, Harper & Row, 1942.

Hung-Yok Ip. Liang Shuming and the Idea of Democracy in Modern China. Modern China, Vol. 17, No. 4 (Oct. 1991).

«ХВАРАН СЕГИ» (VIII В.): ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

Трофимова Е.А.

Аннотация: Цель данного исследования – представить библиографическое описание, историю обнаружения корейского исторического памятника «Хваран сеги» 花郎世記 («Записи о поколениях хваранов»), относящегося, предположительно, к VIII в., и осветить некоторые проблемы, связанные с его изучением. В отечественном корееведении данный памятник пока не становился отдельным объектом изучения. Автором его считается Ким Дэмун 金大問, историк Объединенного Силла 統一新羅 (668–935), живший во времена правления государя Сондок-вана 聖德王 (702–736). «Хваран сеги» состоит из биографий 32-х выдающихся наставников хваранов, живших в 540–681 гг.

Доподлинно неизвестно, является ли обнаруженная рукопись оригинальным источником или поздней фальсификацией. Ряд ученых, среди которых профессор Ли Джонук (ун-т Соган), утверждают, что этот исторический памятник по значимости для научного мира способен конкурировать с «Самгук саги» 三國史記 (Исторические записи Трёх Государств, XII в.), в то время как другие исследователи, в том числе профессор Но Тхэдон (Сеульский национальный ун-т), придерживаются отличного мнения и считают «Хваран сеги» фабрикацией ученого Пак Чханхва (1889–1962).

Ключевые слова: Хваран сеги, хваран, Записи о поколениях хваранов, Пак Чханхва, Ким Дэмун, пхунвольджу

«HWARANG SEGI» (VIII C.): TRUE OR FICTION?

Elena A. Trofimova

Abstract: The aim of this study is to compose a bibliographic description and to present history of discovering Korean historical text «Hwarang segi» 花郎世記 («Historical record of the hwarang») and to describe some issues related to research of this record. This document had not yet been the object of a peculiar research in Russia. It is most likely that historian Kim Daemun 金大問 is an author of these manuscripts. He

had lived in Unified Silla 統一新羅 (668-935) during the reign of the king Sondok-wang 聖德王 (702-736). *Hwarang segi* consists of biographies of 32 prominent *hwarang*'s leaders who lived in 540–681.

It is not certain if the discovered manuscript is an authentic text or a later composed fiction. Some scholars (Lee Jong-wook (Sogan Un.), for example) consider this historical record can compete with the «Samguk Sagi» 三國史記 («Historical record of the Three Kingdoms», XII c.) in the significance in the academic world. At the same time, other scholars (including professor No Thae-don (Seoul National University)) take the opposite view on this issue and consider *Hwarang segi* is a fiction composed by Park Chang-hwa (1889–1962).

Keywords: *Hwarang segi*, *hwarang*, Historical record of *hwarang*, Park Chang-hwa, Kim Dae-mun, *p'ungwolju*

Введение

Считается, что произведение «Хваран сеги» 花郎世記 («Записи о поколениях хваранов») было написано Ким Дэмуном 金大問 предположительно в VIII в. Точная дата не установлена. Ким Дэмун был историком Объединенного Силла 統一新羅 (668–935) и жил во времена правления государя Сондок-вана 聖德王 (702–736). В «Самгук саги» указывается, что Ким Дэмун был выходцем из аристократического рода *чинголь* и в 704 г. был «назначен управителем (*тодоком*) области Хансан» [Ким Бусик 2001: 171]. Автор «Самгук саги» Ким Бусик при написании своего произведения пользовался трудами Ким Дэмуна [Соловьёв 2001: 21–37]. К сожалению, до наших дней сохранились только рукописи «Хваран сеги», подлинность которых все еще не подтверждена.

Памятник состоит из биографий 32-х выдающихся наставников *хваранов* – *пхунвольджу* 風月主 («хозяева [Пути] ветра и луны»), живших в 540–681 гг. В произведении наряду с описанием жизни наставников *хваранов* представлены и события времен Трёх государств и Объединенного Силла. Исследование «Хваран сеги» позволит выявить новые сведения об истории древней Кореи и ближе познакомиться с институтом *хваранов*, игравшим значительную роль в государствах Силла 新羅 (57 г. до н.э. – 668 г.) и Объединенное Силла. Сведения о «Хваран сеги» можно найти в «Самгук саги», «Хэдон косынджон» 海東高僧傳 («Жизнеописания выдающихся

монахов [страны] что к Востоку от («моря»)), написанные монахом Какхуном 覺訓, XIII в.), и в «Самгук юса» 三國遺事 («Оставшихся сведениях [о] трех государствах», XIII в.) монаха Ирёна 一然 (1206-1289).

В начале XX в. Пак Чханхва 朴昌和 (1889-1962), историк и романист, писавший произведения на *ханмуне*¹ создал рукописную копию «Хваран сеги», предположительно, между 1933 и 1945 гг. [McBride II 2005: 236], когда он находился на временной службе у колониального правительства в Японии. Владелец рукописей Пак Ингю 朴仁圭 утверждает, что в Японии Пак Чханхва обнаружил новую редакцию текста «Хваран сеги» и переписал самостоятельно.

При жизни Пак Чханхва рукописи не были опубликованы, и только в 1989 г. они были представлены научному миру. Ким Гёнджа, жена последователя Пак Чханхва Ким Джонджина, после смерти мужа открыла общественности «Хваран сеги». Источник представлен в виде «неполной рукописи» 拔萃本 (*пальчхебон*) в 32 страницы, в которую входит текст от предисловия до первой страницы главы про биографию военачальника Ким Юсина 金庾信 (595-673). В 1995 г. была обнародована «полная рукопись» 筆寫本 (*пхильсабон*) «Хваран сеги», которая вместе с другими произведениями хранилась внуком Пак Чханхва Пак Ингю. Данная рукопись состоит из 162 страниц и включает в себя более подробный текст от главы про биографию четвертого наставника Ли Хварана 二花郎 (537-603) до эпилога. В начале полного списка утрачены 24 страницы. Сколько страниц исчезло в «неполном», пока невозможно узнать.

Копии с обнародованных в 1989 и 1995 гг. оригиналов «Хваран сеги» хранятся в архиве Национального института корейской истории, находящегося в городе Квачхон, расположенном недалеко от Сеула. Этот институт занимается сбором, поиском и исследованием исторических источников Кореи. «Неполная рукопись» в архиве хранится в виде копий 32 страниц, высотой в 23 см. Владельцем оригинала является госпожа Ким Гёнджа, которая хранит список как семейное наследие [국사편찬위원회 *Куксапхёнчханвивонхва*].

¹ Ханмун 漢文 – корезированная форма древнекитайского письменного языка вэньянь.

«Полная рукопись» представлена в виде одной книги, количество страниц которой не указано. Высота 29 см [국사편찬위원회, *Куксанхёнчханвивонхва*]. Владельцем этой рукописи и многих других произведений Пак Чханхва является господин Пак Ингю, приходящийся ему внуком [Пак Намсу 2007: 50].

Также существуют переводы на современный корейский язык данного произведения, которые дополнены комментариями ученых, изучающих *ханмун* и древнюю историю Кореи. В этих книгах можно обнаружить копии оригинального текста на ханмуне. Переводы были сделаны такими учеными, как: Ли Джонук, профессор университета Соган, Син Джехон, профессор университета Кёнвон и историк Ли Тхэгиль. Книги с переводом «Хваран сеги» можно обнаружить почти во всех библиотеках Кореи, а также можно приобрести в интернет-магазинах.

Биографии, представленные в «Хваран сеги», характеризуются подробным описанием генеалогии выдающихся наставников *хваранов* и сопровождаются рассуждениями о различных политических фракциях, борющихся за власть, и их влиянии на организацию хваранов, а также историями о близких романтических и личных отношениях хваранов с представителями как высокого, так и низкого социального статуса [McBride II 2005: 237].

Организация *хваран* (花郎 – «цветочные юноши»: 花 [хва] – «цветок», 郎 [ран] – «юноша») – социальный институт, существовавший со времен правления силлаского государя Чинхынвана 眞興王 (540–575) до падения государства Объединенное Силла и являвшийся неотъемлемым идеологическим компонентом государств Силла и Объединенное Силла. Представителями данной организации являлись преимущественно выходцы из семей аристократов, однако иногда *хваранами* могли стать и сыновья простолюдинов. Становясь *хваранами* в возрасте 13-15 лет, они в дальнейшем обучались военному искусству и этике, основанной на конфуцианских, буддийских и даосских текстах и практиках.

В «Самгук саги» первое упоминание о *хваранах* встречается в четвертой книге [Ким Бусик 2001: 135-136] в исторической записи времен правления короля Чинхына. При этом Ким Бусик ссылается на два произведения: надпись на памятнике [хварана] Наллана 鸞郎, написанная Чхве Чхивоном 崔致遠 (857-?), силласким поэтом и

государственным деятелем, и «Описание Силлаского государства» Лин Хучэна 秘書丞 (VII в.), танского чиновника.

Здесь же присутствует описание истории появления социального института *хваранов*: в 576 г. при дворе Чинхын-вана начали собирать юношей и девушек, следили за их поведением и отмечали особенные качества, чтобы позже можно было отобрать из их рядов самых достойных для службы государству. В дальнейшем в качестве предводителей групп молодых людей были избраны две самые красивые девушки, должности которых именовали *вонхва* 源花 (Воплощение красоты/Источник красоты). Однако из-за преступления, свершенного одной из *вонхва*, данную организацию вскоре распустили. В дальнейшем начали набирать красивых и подходящих по определенным качествам мальчиков из семей аристократов, которых стали именовать *хваранами* [Ким Бусик 2001: 135].

В процессе своей учебы юноши не только занимались изучением конфуцианских, даосских и буддийских текстов, этики и морали, но и овладевали искусством музыки и поэзии, а также путешествовали по стране, отправляясь в совместные прогулки по живописным горам и рекам. В ходе обучения *хваранов* узнавались их достоинства и недостатки, а самых лучших из них рекомендовали для службы правительству. Таким образом, организация *хваранов* готовила будущих высокопоставленных чиновников, которые в дальнейшем должны были участвовать в управлении государством. В «Самгук саги» Ким Бусика и «Хэдон косынджон» монаха Какхуна можно обнаружить следующую цитату из «Хваран сеги»: «Именно отсюда вышли мудрые советники (помощники) и преданные слуги [вана]; и из них выдвинулись (родились) замечательные полководцы и смелые воины» [Ким Бусик 2001: 135–136], которая подтверждает упомянутое выше суждение.

Как уже ранее отмечалось, *хвараны* обучались военному искусству, и большинство историков утверждают, что военные действия со стороны участников данного социального института играли огромную роль по крайней мере во времена Объединительных войн Силла (VII в.). Однако это не свидетельствует о том, что *хвараны* являлись организацией преимущественно военного характера. В организации *хваранов* молодых людей обучали основному принципу

поведения *хваранов* в бою – самопожертвованию во имя государства. Спокойное и оптимистичное отношение к смерти наряду с милосердием ко всему живому и безразличию к материальным искушениям являются основными особенностями этики *хваранов* [Tikhonov 1998: 333–334]. Они не боялись смерти, так как в их понимании есть только героическая смерть во имя государства.

В «Хваран сеги» содержится ценная информация об институте хваранов, поэтому мы считаем, что необходимо изучать этот памятник в связи с исследованием *хваранов*.

Проблема оригинальности рукописей «Хваран сеги»

Изучением «Хваран сеги» занимаются современные корейские учёные – профессор университета Соган Ли Джонук 李鍾旭 (род. 1946 г.) и профессор Сеульского национального университета Но Тхэдон 盧泰敦 (род. 1949 г.). Также исследованиями непосредственно «Хваран сеги», а также вопросами, связанными с *хваранами*, занимается Макбрайд II Ричард, доцент кафедры истории Университета Бригама Янга в штате Гавайи. Отечественные историки В.М. Тихонов (род. 1973) и А.В. Соловьев (род. 1973) исследовали социальный институт *хваранов* и структуру его организации. Также сведения о *хваранах* можно встретить в учебнике по истории Кореи — «История Кореи. С древности до начала XXI века» С.О. Курбанова (род. 1963).

Ученые, исследующие «Хваран сеги», разделились на два лагеря: на тех, кто считает, что данные рукописи переписаны с оригинала, и их можно использовать как достоверный исторический источник, и тех, кто утверждает, что обнаруженные рукописи являются поддельными документами, сочиненными самим Пак Чханхва.

Профессор Ли Джонук в книге с переводом и комментариями ««Хваран сеги». Рассказ о Силла от лица силласца» приводит классифицированную библиографию статей и произведений, освещающих исследования «Хваран сеги». Классификация составлена в соответствии с тем, какую позицию занимает автор произведения относительно вопроса оригинальности «Хваран сеги». Так, профессор выделяет три группы трудов, различающихся по позиции авторов, и добавляет ещё две вспомогательные группы [Ли Джонук 1999: 392–394]:

1) положительное мнение относительно «Хваран сеги»;

2) позиция, допускающая использовать «Хваран сеги» в качестве вспомогательного материала;

3) отрицательное мнение относительно «Хваран сеги»;

4) общие исследования, касающиеся Ким Дэмуна и «Хваран сеги»;

5) труды Ли Джонука, ставшие базой для определения «Хваран сеги», как оригинального исторического памятника.

Свои работы Ли Джонук рассортировал по темам:

1) система *кольпхум* 骨品 (17 работ);

2) система родственных связей (6 работ);

3) наследование королевского престола (1 работа);

4) организация *хваранов* (7 работ);

5) формирование государства (3 работы).

Профессор Ли Джонук занимается изучением древней истории Кореи, особенно много внимания уделяя периоду Силла. В своей книге-переводе с комментариями «“Хваран сеги”. Рассказ о Силла от лица силласца» он утверждает, что если данная рукопись не является подделкой, то ее можно считать историей, написанной самим силласцем – Ким Дэмуном [Ли Джонук 1999: 392–394]. В таком случае «Хваран сеги» необходимо будет признать историческим документом более ценным и древним по сравнению с «Самгук саги». Ли Джонук также представляет «Хваран сеги» научному миру как необычайно редкую книгу, важную не только для истории Силла, но и для истории всей Кореи. Противоположной точки зрения придерживается профессор Но Тхэдон, считая рукописи, обнаруженные в 1989 и 1995 гг., поддельными. В сферу интересов ученого входит история от периода Древнего Чосона до первой половины периода древней Кореи, в том числе государственное управление, культура и внешняя политика государств Когурё 高句麗 (37 г. до н.э. – 668 г.) и Силла. Противники точки зрения профессора Ли Джонука настаивают на том, что невозможно признать «Хваран сеги» оригинальным документом из-за сравнительно поздней датировки документа и анахроничности некоторых терминов.

Ученый Макбрайд II Ричард является противником мнения, допускающего аутентичность текста рукописей. В своей статье исследователь приводит в качестве примера доказательства аутентичности и поддельности рукописей, которыми оперируют

ученые в защиту своей точки зрения [McBride II 2005: 241–252]. Археологическим доказательством оригинальности рукописей Пак Чханхва считается обнаружение в 1985 г. рва, окружающего руины дворцового комплекса Вольсон периода Силла, в котором по сведениям из «Хваран сеги» утонул один *хваран*. Следующим свидетельством является присутствие в тексте рукописей историй, связанных с порочными сексуальными отношениями. Примером может послужить история начальника (тодок) крепости Тэясон Ким Пхумсока, который, «увидев, как красива жена его подчиненного (маккэк) саджи Комиля, отобрал её» [Ким Бусик 2001: 180]. Данное доказательство признается более весомым, т.к. подтверждение можно обнаружить в более поздних источниках, таких как «Самгук саги» и «Самгук юса».

Исследователи, выступающие против признания рукописей «Хваран сеги» оригинальными документами, весьма сомнительным считают тот факт, что Пак Чханхва со времени написания рукописей и до самой смерти не обнаружил манускрипты. Т.к. тема *хваранов* стала наиболее сильно волновать ученых Кореи в 1950-х и 1960-х гг., подозрительно то, что рукописи, предположительно переписанные с оригинального произведения «Хваран сеги», не были опубликованы автором. Также в подтверждение поддельности рукописей приводят доказательство, основанное на изучении термина «*пхунвольджу*», означающего наставника *хваранов*. Данный термин не встречается в «Самгук саги», «Хэдон косынджон» и «Самгук юса». Более того, впервые он появляется только в XV в., во времена правления короля Сонджона 成宗 (правил в 1469–1494 гг.) и после этого уже активно используется в более поздних произведениях. Это даёт основания для предположения, что Пак Чханхва, используя сведения из поздних источников, мог создать поддельные рукописи.

Заключение

По нашему мнению, даже если данный памятник является подделкой, созданной в XX в., его все равно следует считать ценным источником по истории Кореи и продолжать изучать.

Литература

Ким Бусик. Самгук саги: [В 3 т.] / Ким Бусик; Изд. текста, пер., вступ. ст. и коммент. М.Н. Пака. – М.: Вост. лит. РАН, 2001–2002. – 24 см. – (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия / Рос. акад. наук. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова [и др.]

Курбанов С. О. История Кореи с древности до начала XXI в.: учебн. пособие / СПбГУ. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2009. – 678 с.

Соловьёв А.В. Место «Биографий» (Ёльчон) в «Исторических записях трех государств» Ким Бусика // Самгук саги. Разные описания. Биографии. Т 3. – М.: Вост. лит. РАН, 2001–2002. – С. 21–37.

Тихонов В.М. История Кореи: учеб. пособие / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Междунар. центр корееведения. М.: Муравей, 2003. – 461 с.

McBride II, Richard D. Pak Ch'anghwa and the Hwarang segi Manuscripts // Journal of Korean Studies – 2008. – Vol.13, No.1 – P. 57–88.

McBride II, Richard D. Silla Buddhism and the Hwarang // Korean Studies. – 2010. Vol.34 – P. 54–89.

McBride II, Richard, D. The Hwarang Segi Manuscripts: An In-Progress Colonial Period Fiction // Korea Journal. – 2005. Vol. 45, No.3. – P. 230–260.

McBride II, Richard, D. The Structure and sources of the biography of Kim Yusin // Acta Koreana – 2013. Vol. 16, No. 2. – P. 497–535.

Tikhonov, Vladimir. Hwarang Organization: Its Functions and Ethics // Korea Journal. – 1998. – Vol. 38, No.2. – P. 318–338.

Richard Rutt, The Flower Boys of Silla (Hwarang) // Transactions of the Korea Branch of the Royal Asiatic Society. – 1961. – Vol. 38 – P. 1–66.

국사편찬위원회 (Национальный институт корейской истории, *Куксапхёнчханвивонхва*) [Электронный ресурс] // Национальный институт корейской истории: сайт. – URL: <http://www.history.go.kr/> (дата обращения 12.06.17)

김태식. «화랑세기» 김유신 (Ким Тхэсик, «Хваран сеги» Ким Юсин, *Хварансеги Ким Юсин*) [Электронный ресурс] // газета «Кённимдомин ильбо»: сайт. – URL: <http://www.idomin.com/?mod=news&act=articleView&idxno=43624&page=23800&total=476366> (дата обращения 19.05.17)

문화콘텐츠닷컴 (Культурный контент точка ком, *Мунхвак-хонтхэнчхыдаткхон*) [Электронный ресурс]. // Культурный контент: сайт. – URL: <http://www.culturecontent.com/main.do> (дата обращения 17.02.2017)

박남수, 신발견 박창和의 花郎世紀 殘本과 ‘鄉歌’ 一首 (Обнаруженные рукописи Пак Чханхва «Хваран сеги» и хянга, *Синбальгён Пак Чханхваый Хварансеги чанбонгва 'хянга' ильсу*)/ Пак Намсу // 43 сборник Института истории университета Тонгук. – 2007. – 47-99 с.

이종욱. 화랑세기. 신라인의 신라 이야기 (Хваран сеги. Рассказ о Силла от лица силласца, *Хварансеги силлаиный силла ияги*): перевод с комментариями / Ли Джонук. – Сеул, 1999.

«화랑세기»: 필사본 발견 («Хваран сеги»: обнаружение рукописи, *Хварансеги пхильсабон пальгён*) [Электронный ресурс] // Joins. – Чунан ильбо (газета Чунан): сайт. – URL: <http://news.joins.com/article/2310259#none> (дата обращения 20.03.17)

花郎世紀(화랑세기) 사진파일 («Хваран сеги» фотографии, *Хварансеги саджинпхаиль*) [Электронный ресурс] // Исторический блог. – URL: <http://m.blog.daum.net/hl2dus/16870640?categoryId=895072> (дата обращения 25.03.17)

ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

Умаров Т.А.

Аннотация: В работе рассматривается влияние ситуации в Южно-Китайском море (ЮКМ) на отношения между вовлечёнными в конфликт странами и безопасность в регионе. Отдельное внимание уделено историко-географическому контексту, современному состоянию отношений стран-участников территориальных споров в ЮКМ, официальным позициям сторон и их интересам, связанным с экономическими и военно-стратегическими особенностями расположенных здесь островов. На основе исследования событий с конца XX в. вплоть до 2016 гг. и заявлений представителей стран, в работе проведён анализ последствий конфликта и приведены возможные пути их решения.

Ключевые слова и фразы: Южно-Китайское море, территориальные споры, Китайская Народная Республика, Соединённые Штаты Америки, Азиатско-Тихоокеанский регион, политика, экономика

PROSPECTS FOR TERRITORIAL DISPUTES SETTLEMENT IN THE SOUTH CHINA SEA

Temur A. Umarov

Abstract: This article examines the impact of the situation in the SCS on the relations between the countries involved in the conflict and security in the region. Special attention is paid to the historical, geographical context, and the current state of relations between the countries involved in territorial disputes in the South China Sea. The official positions of the parties and their interests related to the economic and strategic characteristics of the South China Sea features are analysed. On the basis of events in the beginning of XXI century and the countries representatives' statements, analysis of the conflict consequences and possible ways to solve them are given.

Keywords: South China sea, territorial disputes, People's Republic of China, the United States of America, Asia-Pacific Region, politics, economy

Введение

Регион Юго-Восточной Азии (ЮВА) со второй половины XX в. и до сих пор всё больше привлекает внимание мирового сообщества. Во многом это связано с экономическим бумом, который страны ЮВА демонстрируют на протяжении последних десятилетий, а вместе с общим развитием региона и ростом военных возможностей стран ЮВА, непременно растёт и нестабильность в регионе. Одним из самых опасных очагов нестабильности в XXI в. является Южно-Китайское море.

Актуальность темы обусловлена значением ЮКМ для мировой экономики, как важной артерии мировой торговли, для мировой политики, как уникального военно-стратегического объекта, и как «горячей точки», в которой сконцентрированы интересы и противоречия крупнейших мировых держав.

Объектом исследования в данной работе являются территориальные споры в Южно-Китайском море, предметом — влияние ситуации на отношения между вовлечёнными в конфликт странами и на безопасность в регионе. Цель работы — посредством исследования различных аспектов территориальных споров в Южно-Китайском море выявить главные проблемы и пути их решения.

Территориальные споры в Южно-Китайском море уникальны по количеству участников: 6 стран (Китай, Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Бруней, Тайвань) оспаривают границы территориальных вод и принадлежность отдельных островов.

Экономический и военно-политический потенциал Южно-Китайского моря

Южно-Китайское море – одно из полузамкнутых морей Тихого океана. По различным оценкам специалистов, недра ЮКМ содержат от 5 до 22 млрд баррелей нефти и от 70 до 290 трлн кубометров газа [The South China Sea is... 2013]. Разработка запасов в этом регионе даст возможность снизить энергозависимость участников территориальных споров от зарубежных поставщиков. Другим не менее важным фактором является наличие морских продовольственных ресурсов, т.к. экономики некоторых стран-участниц территориальных споров в немалой степени зависят от объёмов рыбного промысла, и, с учётом большой концентрации населения в регионе, ресурсы моря могут стать гарантом обеспечения продовольственной безопасности.

Располагаясь между Малаккским проливом на юго-западе и Тайваньским – на северо-востоке, ЮКМ является важнейшим регионом, через который пролегают самые загруженные морские пути в мире, в частности для поставки нефти и газа. Практически треть мировой нефти и более половины глобального объёма сжиженного природного газа (СПГ) каждый год проходит через Южно-Китайское море [South China Sea Report 2013]. Малаккский пролив – кратчайший морской путь, соединяющий поставщиков Персидского залива и стран Африки с азиатскими потребителями. Пролив является важнейшей транзитной тропой и приобретает всё большее значение, ведь через ЮКМ проходит около 60% всей внешней торговли Китая [Кашин 2015]. Зависимость от проходящих здесь артерий со стороны других региональных экономик (Японии, Южной Кореи, Австралии) является ещё более высокой. Япония получает через ЮКМ и Малаккский пролив около 80% импортируемых энергоносителей [Кашин 2015].

Основные события, произошедшие в ЮКМ в период с начала 2000-ых по 2017 гг.

Начало XXI в. ознаменовалось прогрессом в стабилизации ситуации в Южно-Китайском море. В 2002 г. КНР и АСЕАН подписали «Декларацию поведения сторон в Южно-Китайском море» (далее – Декларация) [Declaration on the conduct 2002]. С момента подписания Декларации ситуация в ЮКМ перешла в стабильную фазу, по мнению некоторых экспертов [Smile diplomacy 2007] во многом благодаря «дипломатии улыбок», которую проводил Китай в отношении АСЕАН. Однако в 2009 г. ситуация снова дестабилизировалась, что было связано со следующими факторами:

1. Заявки Филиппин, Вьетнама и Малайзии в специально созданную Комиссию ООН по морскому праву с предложениями по континентальному шельфу. Китай в ответ предъявил [PRC diplomatic note to the UN 2009] карту с девятипунктирной линией. Это был первый случай, когда КНР представила U-образную линию в ООН в подтверждение своих требований в ЮКМ.

2. «Возвращение в Азию» США. Госсекретарь США Хиллари Клинтон, выступая 23 июля 2010 г. на заседании Регионального форума АСЕАН в Ханое, заявила [Landler 2010] о национальных интересах США относительно Южно-Китайского моря и готовности

Вашингтона стать посредником между участниками конфликта. Данное высказывание означало интернационализацию конфликта, чего Китай всячески пытался не допустить. Для остальных претендентов на острова в ЮКМ это явилось преимуществом, ведь их главным опасением было остаться с Китаем один на один.

3. Рост цен на энергоресурсы из-за мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., дестабилизация политической обстановки на Ближнем Востоке, а также активное экономическое развитие Китая явились причиной обострения конфликта, т.к. китайской «мировой фабрике» был необходим стабильный доступ к нефти и газу.

После 2013 года территориальные споры приобретают новые очертания:

Во-первых, 22 января Филиппины обратились в международный арбитраж Конвенции ООН по морскому праву (далее – Конвенция) в отношении китайских притязаний на суверенитет над архипелагом Спратли и рифом Скарборо. Китай отказался от участия в процессе, обосновывая это тем, что международный арбитраж ООН не обладает достаточными полномочиями для решения данного вопроса. В результате суд продолжил арбитражный процесс без участия представителей Китая в нём.

Во-вторых, новая волна начатых КНР и СРВ с сентября 2013 г. масштабных работ по созданию искусственной суши вокруг нескольких контролируемых ими рифов в Южно-Китайском море послужили фактором, вызвавшим беспокойство остальных участников споров.

Усиление влияния США в 2014 г. в регионе (подписано новое военное соглашение с Филиппинами сроком на десять лет [Felsenthal 2014]) и публикация в мае 2015 г. девятой «Белой книги» КНР [Центральное народное правительство КНР 2015], декларирующей намерения на укрепление своей военно-морской мощи, повысили уровень напряженности между Вашингтоном и Пекином.

Важнейшие события, которые определили дальнейшее развитие территориальных споров, состоялись в 2016 г.

В СМИ были опубликованы фотографии со спутников, на которых видно, что КНР развёртывает на своих искусственных островах зенитные ракеты [Lubold, Wong Chun Han 2016]. В ответ на действия КНР, 23 мая 2016 г. Барак Обама объявил об окончательном

снятии эмбарго США на ввоз военной продукции во Вьетнам [Jackson, Maresca 2016].

Одно из главных событий 2016 г. (и вообще последних нескольких десятилетий) произошло 12 июля, когда панель международных экспертов, действующая под эгидой Постоянной палаты третейского суда в Гааге, вынесла решение по делу №2013-19 «Республика Филиппины против КНР» [Permanent Court of Arbitration 12.07.2016], положившее конец более чем трехлетнему разбирательству. Ключевые моменты решения арбитража:

1. Самым главным пунктом является заключение арбитража о том, что претензии Китая на акваторию Южно-Китайского моря противоречат международному праву и не имеют под собой юридических оснований. Было подчеркнуто, что даже если у Китая когда-то и были «исторические права», то он сам от них добровольно отказался, когда ратифицировал Конвенцию. Взамен Китай по конвенции получил континентальный шельф и исключительную экономическую зону (ИЭЗ).

2. Арбитраж установил, что КНР нарушила Конвенцию, когда возводила искусственные сооружения, ограничивала рыбный и нефтегазовый промысел в ИЭЗ Филиппин. Также Китай, по мнению Арбитража, нанёс непоправимый вред окружающей среде, в том числе коралловым рифам и исчезающим видам морских обитателей.

3. Статус абсолютно всех участков суши, о которых говорится в иске, был определен как скала или коса, а не остров. Это означает, что никаких двухсот миль исключительной экономической зоны за них не полагается.

4. Суд отверг юридический статус «линии из девяти пунктов» – линии, впервые появившейся на картах республиканского Китая в 1947 г. и охватывающей 80% акватории ЮКМ.

КНР в своей позиции была непоколебима и придерживалась «четырёх не»: не соглашаться, не участвовать, не признавать, не исполнять. Председатель КНР Си Цзиньпин в ходе встречи с руководством ЕС также заявлял, что «на территориальный суверенитет и законные интересы Китая в Южно-Китайском море ни при каких обстоятельствах не повлияет решение так называемого арбитража» [Жэньминьван 13.07.2016]. Некоторые эксперты считают, что решение полностью игнорировать арбитраж лишило

Китай процессуальных возможностей, и арбитры использовали публичные заявления, сделанных китайской стороной, против неё же самой [Давлатбеев 2016]. Хотя другие называют действия КНР «безучастным участием», т.е. «Пекин, не имея должного опыта решения таких споров, скорее всего, решил просто не испытывать судьбу и возможности своей репутации в зале суда» [Спивак 2017]. Реакция Пекина в этом случае рассматривается как шаг на пути интеграции в международную правовую систему.

Эксперты называют данное решение арбитража «самым унижительным дипломатическим поражением» Китая после прихода Си Цзиньпина к власти [Габуев 2016]. Однако, несмотря на это, обострения конфликта не произошло, напротив, Пекин начал активно улучшать отношения с Манилой и остальными соседями.

Уровень непредсказуемости в регионе Южно-Китайского моря возрос со вступлением 30 июня в должность президента Филиппин Родриго Роа Дутерте. Известный своими резкими, популистскими высказываниями, Дутерте проводил политику балансирования между двумя центрами силы в регионе [Fisher 2016]. Он не раз заявлял о разрыве военного сотрудничества с Соединёнными Штатами и заключении союза с КНР, но, несмотря на явный спад в американо-филиппинских отношениях, о прекращении сотрудничества речи идти не могло. Стоит, однако, отдать должное новому президенту Филиппин в том, что именно благодаря его внешнеполитическому курсу «поворота к Китаю» и намерениям использовать решение суда в качестве отправной точки для нового раунда переговоров с Пекином, эскалации ситуации в ЮКМ удалось избежать.

Другим фактором дестабилизации ситуации в регионе выступает пока неясная политика 45-го президента США Дональда Трампа по отношению к Китаю.

По данным Центра стратегических и международных исследований [Island Features 2016], на момент написания данной работы расстановка в Южно-Китайском море была следующей: под контролем КНР находилось 29 островных образований, из которых 7 – в Парасельском архипелаге, 22 – в архипелаге Спратли; под контролем СРВ – 29 островных образования (архипелаг Спратли); под контролем Филиппин – 9 (архипелаг Спратли); Малайзии – 5 (архипелаг Спратли); Тайвань контролировал 2 островных

образования; Бруней – только риф Луиза (англ. – Louisa Reef) [Vuving 2016].

Последствия дальнейшей эскалации споров в Южно-Китайском море и возможные пути урегулирования конфликта

Споры по проблемам ЮКМ приводят к негативным последствиям. В связи с созданием искусственной суши наносится **урон экологической среде** Южно-Китайского моря. С 2013 г. Китай создал более 13 кв. километров «новой земли». Тайвань, несмотря на то, что занимает самый крупный остров Иту Аба, прибавил к нему еще около 0,032 кв. км [Island Features 2016]. Вьетнам также провёл работы по возведению искусственной суши, в совокупности создав 0,49 кв. км [Island Features 2016]. При проведении данных работ страны уничтожают коралловые рифы, которые являются ключевым звеном экосистемы. Истощаются рыбные ресурсы ЮКМ. Из-за несогласованности между странами происходит ситуация, при которой одни страны вводят запрет ловли рыбы во время нереста, а другие не соблюдают его. Соответственно, каждая страна самостоятельно решает, с какой интенсивностью использовать морские ресурсы.

Нанесён **урон международному праву**. Отказавшись признавать и тем более исполнять решение арбитража, Китай нанёс урон международному праву, который трудно переоценить. Китаист и юрист-международник Марат Давлетбаев в комментарии Московскому Центру Карнеги пояснил: «Без действенных механизмов принуждения и при исключительных правах ядерных держав, входящих в Совбез ООН, международному праву приходится довольствоваться положением священника, изо дня в день вещающего о том, что такое хорошо и что такое плохо, не рассчитывая на принуждение грешников к добродетели. [...] В этих условиях право остается уделом романтиков от науки и политиков-идеалистов, которым становится все труднее выдерживать спор с адептами макиавеллизма и *real politik*, исповедующими максиму “кто сильный, тот и прав”» [Давлетбаев 2016].

Во многом из-за процветания пиратства **увеличиваются риски для ведения бизнеса**. Малаккский пролив считается одним из опасных точек мирового океана, журнал *The Economist* называет этот регион «новой столицей пиратства» [The Economist 25.06.2015].

Каким образом можно приблизить решение этой проблемы?

Вашингтону, по-видимому, следует настоять на своем праве ведения *невраждебной деятельности* (в том числе обычного наблюдения) за пределами территориальных вод КНР, но, в то же время, снизить частоту мониторинга в ИЭЗ Китая.

Пекину, по-видимому, стоит ясно понять, что неспровоцированное использование силы сильно подрывёт его политику «мирного развития» и подвергнет угрозе его отношения с Западом и многими государствами региона. При этом территориальные претензии Китая в Южно-Китайском море или его переговорная позиция не окажутся под угрозой, если Пекин даст обязательство не использовать силу с условием аналогичных обязательств со стороны других претендентов и подчеркнёт, что это не снимает его притязания.

Кроме того, для предотвращения ситуации полного недоверия государств-участников территориальных споров в ЮКМ друг к другу, а также для остановки процесса гонки вооружения в регионе, необходимо:

- Стараться не привлекать международный арбитраж. Кажущийся путем решения арбитражный процесс неприемлем в рамках ЮКМ. По мнению экспертов, сам факт того, что Трибунал счёл иск Филиппин против КНР приемлемым, уже по факту способствует эскалации проблемы [Shicun 2016].
- Возобновить переговорный процесс по конфликту. Безусловно, есть большая вероятность того, что данный процесс может затянуться на очень продолжительный период. Для предотвращения подобного хода развития событий было бы разумным разделить переговорный процесс на части по конкретным вопросам:
- переговоры по прекращению гонки вооружения в акватории ЮКМ;
- переговоры по демилитаризации ЮКМ;
- переговоры по вопросам совместной разработки ресурсов;
- комплексные переговоры по принятию «Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море».

Вышеперечисленные меры, несомненно, будут способствовать деэскалации ситуации и стабилизации положения в регионе, однако полностью проблему не решат. Для достижения этого странам придётся пойти на более весомые уступки и компромиссы.

Заключение

Проблема споров в Южно-Китайском море в ближайшей перспективе продолжит оставаться источником нестабильности в региональном и глобальном масштабе, что в первую очередь обусловлено его значимостью для мировой экономики.

Непримиримость сторон по некоторым пунктам конфликта не позволит им в ближайшее время сесть за стол переговоров, и, соответственно, тенденция эскалации данной проблемы останется.

Подводя итоги, можно отметить, что на данный момент наилучшим ходом развития событий может быть такой, при котором Соединённые Штаты Америки все-таки будут присутствовать в Южно-Китайском море, но реже и исключительно в качестве наблюдателей. Этот факт будет сдерживать Китай, в первую очередь, от неспровоцированного использования силы против остальных стран-участниц споров. Кроме того, поможет решить проблему и конкретизация своих претензий со стороны КНР.

Учитывая опасность вооруженного конфликта между крупнейшими экономическими державами современного мира, к тому же обладающими ядерным оружием, хотелось бы выразить надежду на дальнейший прогресс в стабилизации региона Южно-Китайского моря и решении проблемы исключительно по дипломатическим каналам.

Литература

Габуев, Александр. После судного дня: как будет развиваться конфликт в Южно-Китайском море // Московский Центр Карнеги, 27.07.2016. URL: <http://carnegie.ru/commentary/2016/07/27/ru-64182/j39i> (дата обращения: 12.01.2017).

Давлетбаев, Марат. Почему Китай проиграл арбитраж по Южно-Китайскому морю // Московский Центр Карнеги, 01.08.2016. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64212> (дата обращения: 12.01.2017).

Канаев, Евгений. АСЕАН и кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море // Российский совет по международным делам (РСМД), 10.01.2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1240#1 (дата обращения: 29.04.2016).

Кашин, Василий. Почему опять кипит Южно-Китайское море // Московский Центр Карнеги, 29.10.2015. URL: <http://carnegie.ru>

ru/2015/10/29/ru-61801/ikkx (дата обращения: 29.04.2016).

Кашин, Василий. Южно-Китайское море – Гаагский суд и военная напряженность // Российский Совет по Международным Делах (РСМД), 14.07.2016. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yuzhno-kitayskoe-more-gaagskiy-sud-i-voennaya-napryazhennost/> (дата обращения: 13.12.2016).

Локшин, Григорий. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. М.: Институт Дальнего Востока Российской Академии наук (ИДВ РАН), 2013.

Спивак, Вита. Китайские охранники международного права // Московский Центр Карнеги, 15.05.2017. URL: <http://carnegie.ru/2017/05/15/ru-pub-70021> (дата обращения: 20.05.2017).

Island Features of The South China Sea // The Asia Maritime Transparency Initiative and The Center for Strategic and International Studies, 2016. URL: <https://amti.csis.org/scs-features-map/> (дата обращения: 20.04.2016).

Taiwan Island Tracker // The Asia Maritime Transparency Initiative and The Center for Strategic and International Studies, 2016. URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/taiwanese-occupied-features/> (дата обращения: 23.04.2016).

Vietnam Island Tracker // The Asia Maritime Transparency Initiative and The Center for Strategic and International Studies, 2016. URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/vietnamese-occupied-features/> (дата обращения: 23.04.2016).

Законы, постановления государственных органов, конвенции международных организаций и т.п.:

Declaration on the conduct of Parties in the South China sea // Foreign Ministers of ASEAN and the People's Republic of China, 04.11.2002. URL: <https://cil.nus.edu.sg/rp/pdf/2002%20Declaration%20on%20the%20Conduct%20of%20Parties%20in%20the%20South%20China%20Sea-pdf.pdf> (дата обращения: 20.03.2016).

PCA Case #2013-19 In the Matter of the South China Sea Arbitration before an Arbitration Tribunal Constituted under Annex VII to the 1982 UNCLOS between the Republic of Philippines and the People's Republic of China // Permanent Court of Arbitration, 12.07.2016. URL: <https://pca-cpa.org/wp-content/uploads/sites/175/2016/07/PH-CN-20160712->

Award.pdf (дата обращения: 26.01.2017).

PRC diplomatic note to the UN // United Nations Organisation, 07.05.2009. URL: http://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/vnm37_09/chn_2009re_vnm.pdf (дата обращения: 15.03.2016).

South China Sea Report // The United States Energy Information Administration (EIA), 07.02.2013. URL: https://www.eia.gov/beta/international/analysis_includes/regions_of_interest/South_China_Sea/south_china_sea.pdf (дата обращения: 29.04.2016).

The South China Sea is an important world energy trade route // The United States Energy Information Administration (EIA), 04.04.2013. URL: <http://www.eia.gov/todayinenergy/detail.cfm?id=10671> (дата обращения: 29.04.2016).

United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) // United Nations organization, 10.12.1982. URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf (дата обращения: 01.01.2016) Чжунхуа жэньминь гунхэго юй Фэйлюбинь гунхэго лянхэ шэнмин / 中 人 民 共 和 国 菲 律 宾 共 和 国 合 明 (Совместное заявление КНР и Республики Филиппины) // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяо бу / 中 人 民 共 和 国 外 交 部 (МИД КНР), 21.10.2016. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/zcfg/t1407676.htm> (дата обращения: 15.05.2017).

Чжунгодэ цзюньши чжаньлюэ / 中 国 的 事 略 (Военная стратегия Китая) // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунъян жэньминь чжэнфу / 中 人 民 共 和 国 中 央 人 民 政 府 (Центральное народное правительство Китайской Народной Республики), 01.05.2015. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-05/26/content_2868988.htm (дата обращения: 16.05.2017).

Периодические издания:

Габуев, Александр. Ракеты на десерт: обиделся ли Китай на США за удар по Сирии // РБК, 13.04.2017. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/13/04/2017/58ee4a949a7947f5a7cae9f0> (дата обращения: 15.04.2017).

Денисов, Игорь. Просто добавь земли // LENTA.RU, 24.06.2014. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/06/23/chinaislands/> (дата обращения: 19.04.2016).

Коростиков, Михаил. Россия и Китай проведут совместные учения в Южно-Китайском море // Коммерсантъ, 28.07.2016. URL:

<http://www.kommersant.ru/doc/3049342> (дата обращения: 25.04.2016).

Felsenthal, Mark; Spetalnick, Matt. Obama says U.S. commitment to defend Philippines 'ironclad' // Reuters, 29.04.2014. URL: <http://www.reuters.com/article/us-philippines-usa-obama-idUSB EA3S02T20140429> (дата обращения: 15.04.2016).

Fisher, Max. Rodrigo Duterte Plays U.S. and China Off Each Other, in Echo of Cold War // The New York Times, 03.11.2016. URL: https://www.nytimes.com/2016/11/04/world/asia/philippines-duterte-us-china-cold-war.html?_r=0 (дата обращения: 13.12.2016).

Jackson, David; Maresca, Thomas. Obama ends U.S. arms embargo on Vietnam during visit to former enemy // USA Today, 23.05.2016. URL: <http://www.usatoday.com/story/news/world/2016/05/23/obama-lifts-arms-export-embargo-vietnam/84766206/> (дата обращения: 23.05.2016).

Landler, Mark. Offering to Aid Talks, U.S. Challenges China on Disputed Islands // The New York Times, 23.07.2010. URL: <http://www.nytimes.com/2010/07/24/world/asia/24diplo.html> (дата обращения: 28.03.2016).

Lawrence, Dune; Fan, Wenxin. Islands of Mass Destruction // Bloomberg, 22.12.2016. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2016-12-22/coverup-in-the-south-china-sea> (дата обращения: 13.04.2017).

Lubold, Gordon; Wong, Chun Han. China Positions Missiles on Disputed South China Sea Island // The Wall Street Journal, 17.02.2016. URL: <http://www.wsj.com/articles/china-deploys-missiles-on-disputed-island-in-south-china-sea-1455684150> (дата обращения: 12.03.2017).

Panda, Ankit. Vietnam Protests as China Lands Civilian Aircraft on Newly Constructed Spratly Airstrip // The Diplomat, 03.01.2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/01/vietnam-protests-as-china-lands-civilian-aircraft-on-newly-constructed-spratly-airstrip/> (дата обращения: 14.03.2017).

Perlez, Jane. China Launches Carrier, but Experts Doubt Its Worth [Online] // The New York Times, 25.09.2012. URL: http://www.nytimes.com/2012/09/26/world/asia/china-shows-off-an-aircraft-carrier-but-experts-are-skeptical.html?_r=1 (дата обращения: 20.03.2017).

Shicun, Wu. The South China Sea Arbitration Case Could Exacerbate Disputes in the South China Sea // The Diplomat, 17.01.2016. URL:

<http://thediplomat.com/2016/01/the-south-china-sea-arbitration-case-could-exacerbate-disputes-in-the-south-china-sea/> (дата обращения: 29.04.2016).

Valencia, Mark. A Recipe for Disaster in the South China Sea // The Diplomat, 21.02.2017. URL: <http://thediplomat.com/2017/02/a-recipe-for-disaster-in-the-south-china-sea/> (дата обращения: 15.04.2017).

Vuving, Alexander. South China Sea: Who Occupies What in the Spratlys? // The Diplomat, 06.05.2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/05/south-china-sea-who-claims-what-in-the-spratlys/> (дата обращения: 15.05.2016).

Malacca buccaneers // The Economist, 25.06.2015. URL: <http://www.economist.com/news/asia/21656237-step-aside-somalia-south-east-asia-new-piracy-capital-world-malacca-buccaneers> (дата обращения: 26.03.2016).

Smile diplomacy // The Economist, 29.03.2007. URL: <http://www.economist.com/node/8880901> (дата обращения: 15.03.2017).

Цзиньнянь илай гуаньюй линту чжуцюань хэ наньхай вэнти Си Цзиньпин цзуншунци цзэнмэ шуо / 今年以于土主和南海近平 (Что генеральный секретарь Си Цзиньпин говорил в этом году по поводу территориального суверенитета и вопроса Южно-Китайского моря) // Жэньминьван – Чжунго гунчаньдан синьвэньван / 人民 – 中共党 (Новостное агентство коммунистической партии Китая), 13.07.2016. URL: <http://cpc.people.com.cn/xuexi/n1/2016/0713/c385474-28548927.html> (дата обращения: 23.03.2017).

ВЕЛИКИЙ ВЬЕТНАМСКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ ЧАН ХЫНГ ДАО ВО ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Шахигулин А.С.

Аннотация: Чан Хынг Дао считается одним из самых выдающихся военачальников Вьетнама за всю его историю, а его вклад в победу над монголами трудно переоценить. Вполне естественно, что такая крупная историческая фигура нашла отражение во многих литературных произведениях. Из произведений традиционной литературы, в которых упоминается Чан Хынг Дао, следует прежде всего выделить две исторические поэмы: «Собрание стихов Небесного Юга» семнадцатого века, в котором есть отрывок из более чем двухсот строк, посвященных Чан Хынг Дао, и «Государственную историю Великого Юга в стихах» девятнадцатого века, целая глава которой повествует об этом славном полководце и о борьбе с монголами в конце тринадцатого века. Также необходимо отметить собрание вьетнамской прозы *сяошо* «Собрание чудес и таинств земли Вьет» четырнадцатого века. В нем рассказывается о духах, помогавших вьетнамскому государству, в том числе и о Чан Хынг Дао: в одном из дополнений к этому произведению есть рассказ, посвященный полководцу и его деяниям.

Ключевые слова: Чан Хынг Дао, Вьетнамская литература, Собрание стихов Небесного Юга, Государственная история Великого Юга в стихах, Собрание чудес и таинств земли Вьет

THE GREAT VIETNAMESE GENERAL TRAN HUNG DAO AND VIETNAMESE LITERATURE

Shakhigulin A.S.

Abstract: Tran Hung Dao is considered one of Vietnam's most outstanding generals in his entire history and his contribution to the victory over the Mongols cannot be overestimated. It is natural that such a large historical figure is reflected in many literary works. First of all, among traditional works of literature in which Tran Hung Dao is mentioned we should distinguish two historical poems: "Collection of Heavenly South's poetry" of the seventeenth century that has an extract

of more than two hundred lines covers the time of Tran Hung Dao, “State History of the Great South in verse” of the nineteenth century which has a whole chapter narrating about this glorious commander and the struggle against the Mongols in the late thirteenth century. It is also necessary to note the collection of Vietnamese prose *xiaoshu* “Collection of Stories on the Shady and Spiritual World of the Viet” of the 14th century. It tells about the spirits that helped the Vietnamese state, including Tran Hung Dao: one of the additions to this work has a story dedicated to the commander and his deeds.

Keywords: Tran Hung Dao, Vietnamese literature, Collection of Heavenly South’s poetry, State History of the great South in verse, Collection of Stories on the Shady and Spiritual World of the Viet

Чан Хынг Дао считается одним из самых выдающихся военачальников Вьетнама за всю его историю, а его вклад в победу над монголами трудно переоценить. Вполне естественно, что такая крупная историческая фигура нашла отражение во вьетнамских литературных произведениях и исторических источниках. Целью этой работы было выявление особенностей произведений традиционной вьетнамской литературы, посвященных Чан Хынг Дао, выяснение, каким образом в них представлен великий вьетнамский полководец. Также интересна история создания этих произведений и их значение для общественной и культурной жизни как средневекового, так и современного Вьетнама. Борьба Дайвьета с монголами в XIII в. описана достаточно подробно во многих исторических сочинениях и работах ученых-востоковедов, однако работ, комплексно исследующих литературное творчество Чан Хынг Дао и литературные произведения, посвященные ему, крайне мало.

Крупным литературным произведением, в котором упоминается Чан Хынг Дао, является большая историко-эпическая поэма «Собрание стихов Небесного Юга» («Thiên Nam Ngũ Lục»). Сам жанр историко-эпической поэмы формируется во Вьетнаме в семнадцатом веке [Никулин 1977: 150] и сочетает в себе как традиции исторической хроники, так и народно-эпические элементы. Автор «Собрания» неизвестен. Однако известно, что он имел родство с фактическими правителями Вьетнама того времени – домом Чинь – и что именно они вдохновили его создать свое сочинение.

Возможно, именно поэтому «Собрание стихов Небесного Юга» начинается словами: «Просмотрел я историю страны Юга и теперь, по повелению свыше, имею честь по-простому описать ее...» («Trái xem sự kỳ nước Nam, kính vâng tay mới chép làm năm na») («по повелению свыше» – по указанию князей Чинь). Многоотомное произведение включает 8136 стихотворных строк формы *люкбат*, а также 31 стихотворение на *ханване* и 2 стихотворения на *номе*¹, которые составлены по правилам стихосложения Танской поэзии. «Собрание стихов Небесного юга» появилось в конце XVII в., через сто лет после произведения Нгуен Бинь Кхиема «Сборник стихов Белого облака» (Nguyễn Bình Khiêm. «Vạch-vân am tập») и за сто лет до появления поэмы «Киеу» Нгуен Зу (Nguyễn Du. «Truyện Kiều») [Избранные произведения литературы Вьетнама 1962: 628]. Тот факт, что данное сочинение занимает промежуточную позицию между произведениями Нгуен Бинь Кхиема и Нгуен Зу, написанными на Номе, заслуживает особого внимания [Там же: 628]. В «Собрании» записана история Вьетнама, начиная с описания деяний мифического праотца вьетнамцев дракона Лак Лонг Куана, основателя первого вьетского государства Ванланг, вплоть до конца правления династии Чан в 1400 г. Кроме того, уже позднее была добавлена глава, в общих чертах повествующая о династии Поздние Ле, восхваляющая дела великого Ле Лоя и саму династию периода Расцвета (1428–1527). Также в этом произведении повествуется о возвышении дома Чинь, и неудивительно, ведь произведение было написано именно в эпоху его правления в Дангнгоае. В «Собрании» содержатся как вымышленные, так и реально имевшие место события. Это позволяет говорить о том, что в основе «Собрания стихов Небесного Юга», как и «Собрания чудес и таинств земли Вьет», лежат не только исторические летописи, но и легенды и сказания. Точка зрения автора на излагаемые события совпадает с точкой зрения феодальных историков, но, тем не менее, нельзя не заметить и народного влияния на описание событий. Дух простого народа находит воплощение в каждой главе данного сочинения. Язык произведения близок к языку песен *казао*, пословиц, а образы героев поэмы близки к мифологическим, сказочным образам.

¹ Ном (chữ Nôm) – вьетнамская иероглифическая письменность, основанная на китайской

Ниже приведен переведенный мною с вьетнамского на русский язык отрывок из «Собрания стихов Небесного Юга», в котором в общих чертах ведется повествование о Чан Хынг Дао:

«...Чан Лиену, старший брат императора, поведал, что
В ту ночь его жене приснился сон, и в нем
Она увидела человека в светлых одеждах.
И непонятно было, зачем он прибыл к ней.
А этот человек назвал ее матерью
И словно растворился в ее теле.
Тут вдруг жене почудилось во сне,
Что живот ее воспылал, будто бы в нем появился плод.
Шло время, и вот спустя девять месяцев и десять дней
На свет появился мальчик, и был он необыкновенным:
Быстро рос, был послушным и исполненным верности,
Превосходно владел и пером, и мечом.
Имя ему дали Куок Туан.
Почтителен он был к своему роду и отцу,
И служил во благо императора.
Иет Киеу и За Тьонг жили с Куок Туаном,
Были они ему сподвижниками и верными слугами.
Окружали его богатые и знатные люди,
А император высказывал свое почтение.
Снискал он уважение у всей династии.
Ему пожаловали титул «Хынг Дао Вьонг»
И должность Верховного Главнокомандующего.
Держа в руках тяжелый груз этого мира,
Сумел он сохранить свою страну и защитить ее границы.
В то время Чан Лиену, отец Чан Хынг Дао,
Бывший семидесяти лет от роду, тяжело заболел.
Призвал он к себе своего сына
Прежде чем отойти в мир иной.
Иет Киеу и За Тьонг стояли рядом, по обе стороны.
Чан Лиену приказал им удалиться,
А затем, взяв руку Чан Хынг Дао, сказал ему:
«Я собирался отплатить за прошлые обиды,
Боюсь, остался еще (Чан) Тху До, и он может бросить вызов.

Если пойти на примирение – значит надо сдерживать себя и свою ненависть...»

[Тхиен нам нгы лук]

В этом отрывке неизвестный автор поэмы излагает общеизвестные исторические сведения, записанные в летописях: подчеркивается особая роль Чан Хынг Дао в деле защиты вьетнамского государства, называется его титул. Здесь упомянут и конфликт его отца, Чан Лиеу, с Чан Тху До и братом, императором Чан Канем (в конце автор даже предлагает нам перенестись в комнату, где лежит умирающий Чан Лиеу и происходит разговор между отцом и сыном (неизвестно, имел ли место этот разговор на самом деле или же эта сцена представляет собой художественный вымысел автора поэмы). Всячески подчеркиваются достоинства Чан Куок Туана: «превосходно владел и пером, и мечом», «почтителен был к роду и отцу», «был послушным и исполненным верности», «служил императору», что характеризует его как талантливого человека, строго следующего моральным принципам, принятым в Дайвьете того времени. Отмечается, что полководец «снискал уважение у всей династии», что вьетнамский император высказывал ему «свое почтение», а окружали его «богатые и знатные люди» – эти фразы достаточно точно описывают авторитет, которым обладал Чан Хынг Дао при дворе и в высших кругах вьетнамского общества. Вместе с тем, сюжет, где жена Чан Лиеу видит во сне некоего небожителя и происходит зачатие ребенка, явно позаимствован из народных преданий, как и сама манера описания исторических событий и достоинств, которыми обладал великий полководец.

Также о Чан Хынг Дао повествует другая вьетнамская историко-эпическая поэма – «Государственная история Великого Юга в стихах» («Đại Nam Quốc sử diễn ca»). В предисловии к поэме, которое было написано Фам Динь Тоаем, сказано, что ее автором был чиновник Ле Нго Кат. Он совместно с Чыонг Фук Хао написал это произведение в период с 1858 по 1860 гг., однако тогда оно называлось по-другому – «История Вьетнама, написанная на национальном языке» (Việt sử quốc ngữ) [Ле Нго Кат 1952: 20]. Затем поэма была отредактирована Фам Суан Кюэ, который сократил ее на 29 строк и переписал некоторые из них. Эта версия поэмы получила название

«Исправленная история Вьетнама, написанная на национальном языке» (Việt sử quốc ngữ nhuận chính). Около 1865 г. Фам Динь Тоай взялся за редактирование произведения и значительно сократил его объем (с 1887 до 1027 стихотворных строк) [Ле Нго Кат 1952: 20], а также написал к нему свое предисловие. После 5 лет труда, в 1870 г., редактирование «Исправленной истории Вьетнама» было завершено, и новое произведение стало называться «Государственная история Великого Юга в стихах». «Государственная история Великого Юга в стихах», как и «Собрание стихов Небесного Юга», написана стихотворной формой *люкбат* на *номе*, однако при этом в 4 раза короче. Несмотря на это, она не только охватывает тот же период истории Вьетнама от династии Хунгов-вьонгов вплоть до изгнания войск китайской династии Мин из страны и установления новой династии Ле в XV в., но также включает в себя период правления династии Поздние Ле и восстания Тэйшонов вплоть до восшествия Нгуен Аня на вьетнамский престол в 1802 г. [Полная академическая история Вьетнама 2014, т. 3: 471]. Этим и объясняется ее краткость при описании исторических сюжетов: в «Собрании стихов Небесного Юга» событиям, связанным с Чан Хынг Дао, посвящено не менее 200 строк, в то время как в «Государственной истории Великого Юга» – всего 30. При описании исторических событий автор поэмы опирался на государственные летописные своды, например, на «Полное собрание исторических записок Дайвьета» (Đại Việt sử kí toàn thư). Стоит отметить, что изначально произведение не было поделено на главы и представляло собой единый текст. В оригинале поэмы текст на *номе* сопровождался параллельными объяснениями на *ханване*. Это было сделано, чтобы читатель яснее понимал смысл вьетнамских иероглифов. Разделение на эпизоды произошло позднее, когда поэма переиздавалась; тогда же издатели добавили в текст произведения свои пояснения и комментарии, значительно облегчив понимание описываемых исторических событий.

Ниже приводится переведенная мною глава из этой поэмы, посвященная Чан Хынг Дао:

Чан Хынг Дао одерживает победу над монголами

«(Чан Тхань-тонг), согласно правилам династии, уступил престол:

Чан Нян-тонг силен и прекрасно владеет основами военной стратегии.

Юаньские дикари не знают ничего, кроме жадности и жестокости:
Пятьсот тысяч человек пришли воевать с нами и грабить наши
земли.

Чан Хынг Дао возглавил армию
И плечом к плечу с Чаном Куанг Тхаем начал наступление.
Страшна была битва под Чыонгзыонгом.

И в чем же подвиг тех, кто взял копья и напал на нас?
Долгим и изнурительным выдался бой при Хамты².
И что же вновь привело грозного врага на наши земли?

Юани жаждут мести — вновь выдвинулись их боевые корабли,
Прикрываемые войсками.

Река Батьданг вновь стала полем битвы:
Землю усеяли кости, вода в реке стала красной от крови.

Чан Хынг Дао стал героем,
А Чан Нян Зуат очень громко кричал о своих заслугах.
Одаренный юноша, носивший титул Хоайван-выонг³,
Надписал на своем знамени: «Разобьем могущественного врага
во славу императора!»⁴

Немало совершил он подвигов.

Чан Бинь Чонг тоже сохранил верность трону:
«Лучше стать “чертом на Юге”, чем “императором на Севере”»,
– Сказал он, за что и был казнен врагами.

Слуги императора были непоколебимы:

Иет Киеу и За Тьонг стали настоящими героями.

Отчего же Чан Ить Так, член императорского рода, сдался на
милость врагам?

Во время смуты одни остаются верными, другие начинают
угодничать.

Отстроим же заново нашу страну!

Уже не раз небесный полководец перевоплощался в земном
мире.

² В тексте главы – Нам-quan («застава Хам»). Это то же, что и Нам-từ (Хамты)

³ В комментариях к главе сказано, что Чан Куок Туан удостоился титула Hoài-Văn vương (Хоайван-выонг), в самом тексте поэмы – Hoài Văn.

⁴ В самом тексте поэмы упоминается лишь о том, что Чан Куок Туан изобразил 6 иероглифов на своем знамени. В комментариях поясняется, что именно он написал: «phá giặc mạnh, báo ơn vua» (Разобьем могущественного врага во славу императора).

В Дайвьете, наконец, воцарился мир,

Чан Нян-тонг передал престол наследнику, а сам стал императором-наставником

И ушел жить в пагоду Нгоаван на горе Иенты...» [Ле Нго Кат 1952: 136–138].

Здесь, как и в отрывке из «Собрания стихов Небесного Юга», описываются общеизвестные исторические события, связанные с именем Чан Хынг Дао и отражением монгольско-китайской агрессии, однако, как уже отмечалось выше, делается это в очень краткой и сжатой манере. Чтобы хорошо понимать, о чем нам говорит автор, необходимо иметь представление об основных сражениях той войны (Чыонгзыонг, Хамты, битва на реке Батьданг), знать основных вьетнамских государственных деятелей того периода. Очевидно, что обычным людям сложно понимать, о каких событиях или реалиях идет речь в поэме, без комментариев к ее тексту. Можно отметить особую яркость изложения при описании сражений или реалий того времени («Землю усеяли кости, вода в реке стала красной от крови» – в битве на реке Батьданг погибли десятки тысяч солдат противника, многие из которых утонули, «Пятьсот тысяч человек пришли воевать с нами и грабить наши земли» – подчеркивается масштаб той войны и сила армии противника, «Юаньские дикари не знают ничего, кроме жадности и жестокости» – в отличие от китайской официальной идеологии, в которой Китай провозглашается «Центром» мира, наиболее цивилизованной его частью, окруженной «варварами», здесь «дикарями» автор как раз называет китайцев, вторгшихся в Дайвьет с намерением захватить его и вновь сделать частью империи). Также в главе упоминается «небесный полководец», который «уже много раз перевоплощался на земле» – автор уподобляет Чан Хынг Дао величайшим героям прошлого, которые в свое время помогали Вьетнаму отражать китайские вторжения и вели армию на бой с врагом, как, например, легендарный богатырь Тханьзонг: он помог правителю государства вьетов Ванланг Хунг-вюнгуну отразить нашествие «северного соседа», который тогда находился под управлением китайской династии Инь.

Среди самых знаменитых вьетнамских средневековых литературных произведений необходимо отметить старинное

собрание прозы сяшо «Собрание чудес и таинств земли Вьет» («Việt điện u linh»), автором которой считается Ли Те Суен, живший в эпоху правления династии Чан. Вьетнамский литературовед Динь Зя Кхань высказывает предположение, что составителем сборника является автор эпохи Ли (1010–1225 годы), а Ли Те Суен лишь переработал и дополнил его сочинение. Однако сам Ли Те Суен ничего не упоминает о своих предшественниках. О самом Ли Те Суене известно немного, однако примечательно то, что при жизни он занимал важные государственные посты, в частности, он был смотрителем имперских книгохранилищ [Никулин 1971: 53]. Первоначальный состав сочинения неясен, и однозначного ответа на этот вопрос вьетнамские ученые до сих пор не нашли. По свидетельству Ле Куи Дона, в него входило двадцать рассказов, Фан Хуи Тю называл другую цифру – двадцать восемь [Кнорозова 2003: 20]. Французский исследователь Э. Гаспардон указывает на существование двадцати семи первоначальных рассказов [Кнорозова 2003: 20]. В последующие столетия «Собрание чудес и таинств земли Вьет» неоднократно дополнялось, к нему писались предисловия, а само сочинение много раз подвергалось редактированию [Кнорозова 2003: 20]. Герои многих рассказов, вошедших в «Собрание чудес и таинств земли Вьет» – это духи, выдающиеся лица, прославившиеся при жизни славными подвигами и добрыми делами, после смерти ставшие святыми или объектами почитания, духами-хранителями местности, причем среди них есть не только реальные исторические личности: правители разных эпох, сановники, полководцы, но и легендарные, мифические персонажи, например, дух горы Танвиен и т.д. Герои рассказов Ли Те Суена в основном вьетнамцы, хотя в сборнике есть и рассказ про жену тямского короля, которая почиталась за свое добродетельное целомудренное поведение, и про Князя-просо, вероятно, заимствованного из китайской мифологии [Кнорозова 2003: 22–23]. Следует отметить, что при написании рассказов Ли Те Суен опирался как на исторические летописи, так и народные предания. Поэтому можно говорить о том, что «Собрание чудес и таинств земли Вьет» сочетает в себе как летописные, так и фольклорные традиции: повествование о событиях включает исторические факты и ведется в соответствии с официальной историей Дайвьета, однако при этом зачастую в рассказах приводятся

лишь приблизительные цифры (например, в рассказе о сестрах Чынг приводится общее число «усмирили более шестидесяти городов и крепостей»), а также присутствуют легендарные сюжеты, которые не зафиксированы в летописях, что более характерно для фольклорных произведений. Каждый рассказ можно разделить на две части: в первой повествуется о заслугах, совершенных при жизни тем или иным героем, а во второй рассказывается о чудесах, которые он совершил, став одним из духов-хранителей местности или всего вьетнамского государства.

В течение целого ряда веков сочинение воспринималось как дополнительный исторический материал, вроде неофициальной истории. Об историческом характере сборника Ли Те Суена писал Ле Куи Дон, который отмечал, что это сочинение содержит достоверные исторические сведения [Кнорозова 2003: 21].

В дополнениях к «Собранию чудес и таинств земли Вьет», сделанных Отшельником из обители «Три чистоты», есть рассказ, посвященный Чан Хынг Дао:

Великий князь Хынг Дао из королевского рода Чан

Звали его Куок Туаном, род свой он вел от королей рода Чан, был сыном иеншиньского князя по имени Лиеу и впоследствии стал именоваться Великим князем Хынг Дао, что означает «Возвысивший Дао».

Между иеншиньским князем и королем Тхай Тонгом была давняя распря. Перед смертью Князь взял Куок Туана за руку и сказал ему:

- Сын, ежели не примешь ты во всем сторону отца и пойдешь на королевскую службу, не будет мне покоя.

Но Князь, по здравом размышлении, не внял родительскому совету, а, напротив, держался с умом и осторожностью. Со временем сделался он искуснейшим полководцем и в годы Двоекратного процветания⁵ дважды нанес поражение полчищам юаньского императора⁶, вторгшимся в наши пределы. После смерти Куок Туана государь повелел возвести ден⁷ в его честь.

⁵ «Двоекратное процветание» (вьет. Trung hung) – девиз правления императора Чан Нян Тонга в 1285 – 1293 г.

⁶ Имеются в виду победы в войнах против юаньского Китая в 1285 и 1287–1288 гг.

⁷ Поминальный храм (вьет. đền)

С тех пор, ежели надвигался враг, стоило накануне сражения вынести из храма старый меч Хынг Дао, и воинство наше неизменно одерживало победу.

Кроме того, дух Великого князя умел исцелять «хворь преступного Яня».

Преданье гласит: некто Янь из рода Юаней, по прозванию Бо Лин, был сыном купца из Гуандуна и женщины из деревни Ан-бай, что у нас в королевстве. В Китае, при императорах Юаньского дома, он удостоился на экзаменах степени цзиньши⁸. Обучившись чародейству, Янь повадился тайно ходить в императорский гарем, но однажды был схвачен и приговорен к смерти. Как раз в то время император снаряжал войско в поход на нашу державу. Янь о том проведал и стал умолять государя назначить его в войско проводником, обещая искупить вину. Император согласился. В сражении у реки Белой Лианы князь Хынг Дао поймал Яня, приволок его в деревню Ан-бай и там предал смерти. Голову Яня бросили в реку. Попалась она какому-то рыбаку в сеть, тот кинул ее обратно в воду; снова выбрал сеть – голова оказалась тут как тут, и так много раз. Изумился рыбак и сказал голове:

- Если ты дух, помоги мне взять хороший улов, а уж я схороню тебя как подобает.

Само собой, наловил он в тот день великое множество рыбы. Потом вынес голову на берег и похоронил.

Дух Яня отличался удивительным нравом. Любил он являться на берег к рыбакам и предавался вместе с ними забавам и веселью. Со временем рыбаки привыкли к духу и порешили выстроить ден в его честь.

В преданиях рассказывается также, что Янь спросил перед казнью:

- Чем попотчует меня Великий князь, когда я умру?

Военачальник За Тьонг, стоявший подле Князя, воскликнул в гнев:

- Будешь ты жрать крови, отходящие у женщин при родах!

С тех пор скитается душа Яня по земле и только увидит где женщину, которой приспело время рожать, бросается к ней и

⁸ Высшая степень, присваиваемая на столичных экзаменах на получение чиновничьей должности в Китае.

напускает на нее боль невыносимую и нескончаемую, и никакими снадобьями ее не унять.

Но ежели кто из домашних возложит на алтарь дары и прочтет молитвы в дене Хынг Дао, да к тому же выпросит обрывок старой храмовой циновки и постелет ее на ложе больной и даст ей испить смешанного с водою пепла от храмовых благовоний – хворь тут же пропадает, словно ее и не было. Случается и так, что едва внесут циновку в дом, а уж роженице полегчает. Вот отчего столько людей стекается всякий раз на празднества к дену Великого князя – они просят у него целительной помощи [Повелитель демонов ночи 1969: 36–38].

Как уже говорилось ранее, это произведение можно разделить на 2 части: в первой повествуется об исторических событиях, связанных с Чан Хынг Дао: о конфликте его отца Чан Лиену с братом Чан Тху До и императором Чан Тхай-тонгом, о возвышении Чан Куок Туана и его великих заслугах перед Дайвьетом в деле разгрома могущественного северного врага, при этом нет ссылок на какие-либо летописные своды или исторические сочинения. Указывается точное имя полководца, из какого он рода, однако ничего не сказано о месте рождения Куок Туана. Приводится название титула, который присвоили полководцу за его заслуги перед императором и Дайвьетом – Хынг Дао («Процветающий Путь» [Полная академическая история Вьетнама 2014, Т.2: 654]). Сообщается, что в честь Чан Куок Туана воздвигли поминальный храм, однако место вновь не указано (известно, что этот храм находится в Киепбаке, провинция Намдинь). Далее, во второй части, рассказывается о заслугах Чан Хынг Дао после смерти, когда он стал духом-хранителем вьетнамского государства: его меч помогал войскам Дайвьета в битвах с врагами (мотив «волшебного меча» можно встретить и в другом произведении вьетнамской литературы – в «Истинных записях о Ламшоне» пятнадцатого века. В нем такой «волшебный» меч помогает Ле Лою, герою произведения, будущему основателю династии Ле, победить войска китайской династии Мин и освободить Дайвьет), а сам дух великого полководца облегчал страдания женщин при родах. При этом внутри рассказа про Чан Хынг Дао содержится еще одно повествование про дух некоего «преступного Яня», о котором говорится в преданиях. Причем

схема у этого повествования такая же, как и у рассказа о Чан Хынг Дао: в начале идет описание жизни Яня, когда он был человеком, затем повествуется о деяниях Яня уже качестве духа и его явлениях рыбакам. Несмотря на то, что Янь воевал на стороне вражеской армии и превратился в злого духа, вызывающего боли у женщин при родах (за что он и был прозван «преступным Янем»), у рыбаков он стал весьма почитаем, и они даже воздвигли поминальный храм в его честь.

Таким образом, можно сделать вывод, что Чан Хынг Дао упоминается в нескольких произведениях средневековой вьетнамской литературы: в двух историко-эпических поэмах и в сборнике прозы *сяшо*. Все эти произведения при описании самого полководца и событий, связанных с ним, опираются как на летописные хроники, так и на народные сказания, содержат в себе фольклорные мотивы. Чан Хынг Дао предстает перед нами сильным и решительным военачальником, преданным императору, который вел тысячи вьетнамских солдат на борьбу с гораздо более многочисленным и грозным противником в лице империи Юань. Под его руководством Дайвьет сумел отразить все нашествия с севера и отстоять свою независимость.

Литература

Кнорозова Е. Ю. Странствия в бесконечном. Вьетнамская традиционная проза малых форм. – СПб: БАН, Альфарет, 2009 – 344 с.

Никулин Н. И. Вьетнамская литература. Краткий очерк/Никулин Н.И., Отв.ред. – Л.З. Эйдлин – М.: Главная редакция восточной литературы, 1971 – 344 с.

Никулин Н.И. Вьетнамская литература. От средних веков к новому времени – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1977 – 344 с.

Повелитель демонов ночи/Перевод с вьетнамского М. Ткачева; Комментарии Д. Деопика, Б. Рифтина, М. Ткачева; Послесловие Б. Рифтина; Оформление Н. Крылова – М: Художественная литература, 1969 – 256 с.

Полная академическая история Вьетнама: В 6 Т. Т.2 / Авторы: Hà Mạnh Khoa, Nguyễn Đức Nhuệ, Trương Thị Yến, П. В. Познер, А.Б.

Поляков, Т.Н. Филимонова; редакторы тома – П.В. Познер и Nguyễn Ngọc Mão – М.: Президиум Российской академии Наук, 2014 – 672 с.

Полная академическая история Вьетнама в 6 т. Т.3 / Авторы: Louis-Henard Nicole, Hà Mạnh Khoa, Nguyễn Minh Tường, Trần Thị Vinh, Л. А. Аносова, В. И. Мещеряков, О. В. Новакова, П. В. Познер, Т.Н. Филимонова; редакторы тома – Л. А. Аносова и Nguyễn Ngọc Mão. – М.: Президиум Российской академии Наук, 2014 – 712 с.

Hợp tuyển thơ văn Việt Nam (Собрание стихов и прозы Вьетнама). Т.2. – Hà Nội, Nhà xuất bản văn hóa, 1962 – 704 tr.

Lê Ngô Cát, Phạm Đình Toại. Đại Nam quốc sử diễn ca (Государственная История Великого Юга в стихах). Tựa và Dẫn của Hoàng Xuân Hãn – Hà Nội, Sông-Nhì, 1952 – 392 tr.

Thiên Nam Ngữ Lục – 769 tr (Собрание стихов Небесного Юга). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sachbaovn.vn/doc-truc-tuyen/sach/Thien-Nam-Ngu-Luc-MTkwRDRC> (дата последнего обращения 22.06.2017)

Информация об авторах

ВЛАДИМИРОВА Алина Валерьевна, соискатель степени кандидата наук в Институте востоковедения РАН (Москва).

Научный руководитель: Рябинин Алексей Леонидович, д.и.н., профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

E-mail: alina.v.vladimirova@gmail.com

Динь Ле Хонг Занг, магистрант факультета мировой экономики и мировой политики Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Научный руководитель: Канаев Евгений Александрович, д.и.н., профессор кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики, заведующий Азиатско-тихоокеанским сектором Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и политики НИУ ВШЭ.

E-mail: giangdinh@yandex.ru

ГОЛИКОВ Иван Владимирович, магистрант Исторического факультета Курского государственного университета (Курск).

Научный руководитель: Конорева Ирина Александровна, д.и.н., профессор, декан Исторического факультета Курского государственного университета.

E-mail: golikoviv94@mail.ru.

ИБРАГИМОВ Ибрагим Эминович, магистрант Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Научный руководитель: Блондин Владимир Николаевич, к.и.н., к.ф.н., старший преподаватель Санкт-Петербургский Государственный Университет.

E-mail: ibragim07_93@mail.ru

КРАСИН Артем Александрович, студент бакалавриата Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва).

Научный руководитель: Подцероб Алексей Борисович, д.и.н., старший научный сотрудник кафедры политологии Востока, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: mr.shestopalov@mail.ru

ЛУКИНА Алиса Алексеевна, студентка бакалавриата Восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета (Санкт-Петербург).

Научный руководитель: Кнорозова Екатерина Юрьевна, к.ф.н, доцент кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии Восточного факультета СПбГУ.

E-mail: alicelukvn@gmail.com

МАНАФОВА Анна Дашдемировна, сотрудник Фонда «Институт Ближнего Востока» (Москва).

Научный руководитель: Лукьянов Григорий Валерьевич, старший преподаватель Департамента политической науки Факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: anna.manafova@mail.ru

МАТРОСОВ Валерий Анатольевич, магистрант Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Научный руководитель: Герасимов Игорь Вячеславович, д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский Государственный Университет.

E-mail: vam_179@mail.ru

МОШКОВА Татьяна Дмитриевна, аспирант кафедры теории и истории международных отношений кафедры теории и истории международных отношений на факультете международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Научный руководитель: Коньшев Валерий Николаевич, д.п.н., профессор по кафедре теории и истории международных отношений Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: tata.midge@gmail.com

МУСИХИН Антон Евгеньевич, студент бакалавриата Факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва).

Научный руководитель: Столетов Олег Владимирович, младший научный сотрудник факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: mus.an@yandex.ru

НАДЖАРОВ Александр Мартиросович, студент бакалавриата Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

Научный руководитель: Лукьянов Григорий Валерьевич, старший преподаватель Департамента политической науки Факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: alex.nadzharov@yandex.ru

Нгуен Тхи Тхао Ань, магистрант факультета международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Научный руководитель: Михайленко Валерий Иванович, заведующий кафедры теории и истории международных отношений УрФУ, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

E-mail: thaoanhkursk@gmail.com

ОРЛОВ Илья Александрович, студент бакалавриата Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

Научный руководитель: Лукьянов Григорий Валерьевич, старший преподаватель Департамента политической науки Факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

E-mail: iaorlov_2@edu.hse.ru

ПИЧУГИН Павел Владимирович, студент бакалавриата Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва).

Научный руководитель: Эпштейн Виталий Анатольевич, к.соц.н., доцент кафедры мировой экономики и международных отношений факультета международных отношений ИБДА РАНХиГС.

E-mail: pichuginpavel96@gmail.com

САВЕЛЬЕВА Дарья Игоревна, магистрант Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Научный руководитель: Французов Сергей Алексеевич, д.и.и., доц., профессор кафедры семитологии и гебраистики Восточного факультета СПбГУ, зав.отделом Ближнего и Среднего Востока Института восточных рукописей РАН.

E-mail: d-saveleva@mail.ru

СВЕТЛИЧНЫЙ Владислав Александрович, студент бакалавриата Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

Научный руководитель: Лукьянов Григорий Валерьевич, старший преподаватель Департамента политической науки Факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: vggk96@mail.ru

СЕВОДНЯЕВА Таисия Игоревна, студентка бакалавриата Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Научный руководитель: Джандосова Заринэ Алиева, к.и.н., доцент кафедры Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета СПбГУ.

E-mail: sevodnyaevat@mail.ru

СИМОНОВА Анастасия Игоревна, магистрантка Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва).

Научный руководитель: Капицын Владимир Михайлович, д.п.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: stasya_simona@mail.ru

СКОСЫРЕВ Владимир Алексеевич, магистрант Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва).

Научный руководитель: Карнеев Андрей Ниязович, к.и.н., доцент кафедры истории Китая, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: Mr.Skosyrev@gmail.com

ТРОФИМОВА Елена Андреевна, студентка бакалавриата Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

Научный руководитель: Чеснокова Наталия Алексеевна, старший преподаватель ИВКА РГГУ.

E-mail: lenatrops@gmail.com

УМАРОВ Темур Акмалжонович, студент бакалавриата Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва).

Научный руководитель: Денисов Игорь Евгеньевич, старший научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД РФ

E-mail: usertim96@gmail.com

ШАХИГУЛИН Антон Сергеевич, студент бакалавриата Восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета (Санкт-Петербург).

Научный руководитель: Кнорозова Екатерина Юрьевна, к.ф.н., доцент кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии Восточного факультета СПбГУ.

E-mail: shahigulin@mail.ru

Подписано к печати 21.03.2018
Сдано в набор 21.03.2018
Формат бумаги А5 – 60х90 1/16
Тип гарнитуры “Таймс Нью Роман”.
Объем 14,7 усл.печ.л.
Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии
«Канцлер»